

ISSN 2225-5346

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ

SLOVO.RU:
BALTIC ACCENT

2019

Том
Vol. 10

№ 2

Издательство Immanuel Kant Baltic Federal
Балтийского федерального University Press
университета им. Иммануила Канта
2019

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ
АКЦЕНТ
2019
Том 10
№ 2

Калининград :
Изд-во БФУ
им. И. Канта, 2019.
119 с.

Учредитель
Балтийский
федеральный
университет
им. Иммануила Канта

Адрес: 236016, Россия,
Калининград,
ул. А. Невского, 14

Редакция
Адрес: 236022, Россия,
Калининград,
ул. Чернышевского, 56А

Издательство
Адрес: 236022, Россия,
Калининград,
ул. Гайдара, 6

Точка зрения авторов
может не совпадать
с мнением учредителя

Издание
зарегистрировано
в Федеральной службе
по надзору
в сфере связи,
информационных
технологий и массовых
коммуникаций.
Свидетельство
о регистрации
СМИ ПИ
№ ФС77-46308
от 26 августа 2011 г.

Редакционная коллегия

Сурен Тигранович Золян, доктор филологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия) — главный редактор; *Алексей Николаевич Черняков*, кандидат филологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия) — ответственный редактор; *Наталья Сергеевна Автономова*, доктор философских наук, Институт философии РАН (Россия); *Наталья Михайловна Азарова*, доктор филологических наук, Институт языкознания РАН (Россия); *Томас Венцлова*, профессор, Йельский университет (США); *Димитр Веселинов*, профессор, Софийский университет им. Святого Климента Охридского (Болгария); *Ив Гамбье*, доктор лингвистики, профессор, Университет Турку (Финляндия); *Игорь Николаевич Данилевский*, доктор исторических наук, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия); *Вера Ивановна Заботкина*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (Россия); *Михаил Васильевич Ильин*, доктор политических наук, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия); *Максим Анисимович Кронауз*, доктор филологических наук, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия); *Александр Васильевич Лавров*, академик РАН, доктор филологических наук, Институт русской литературы РАН (Россия); *Михаил Лотман*, профессор, Таллинский университет, Тартуский университет (Эстония); *Михаил Андреевич Осадчий*, доктор филологических наук, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (Россия); *Владимир Александрович Плунгян*, доктор филологических наук, академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия); *Джеймс Расселл*, профессор, Гарвардский университет (США), Иерусалимский университет (Израиль); *Игорь Витальевич Силантьев*, доктор филологических наук, Институт филологии СО РАН (Россия); *Игорь Павлович Смирнов*, профессор, Констанцский университет (Германия); *Питер Стайнер*, профессор, Университет Пенсильвании (США); *Григорий Львович Тульчинский*, доктор философских наук, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия); *Ефим Сергеевич Фидря*, кандидат социологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия); *Сергей Львович Фирсов*, доктор исторических наук, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия); *Татьяна Валентиновна Цвигун*, кандидат филологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия); *Вадим Александрович Чалый*, кандидат философских наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия)

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, доктора наук, распоряжением Минобрнауки России от 12 февраля 2019 г. № 21-р

SLOVO.RU:
BALTIC ACCENT
2019
Vol. 10
№ 2

Kaliningrad :
I. Kant Baltic Federal
University Press, 2019.
119 c.

Founders

Immanuel Kant Baltic
Federal University

Address

14 A. Nevskogo St.,
Kaliningrad, Russia,
236016

Editorial office

56A Chernyshevskogo St.,
Kaliningrad, Russia,
236022

Publishing house

6 Gaidara St.,
Kaliningrad, Russia,
236022

The opinions expressed
in the articles are private
opinions of the authors
and do not necessarily
reflect the views
of the founders
of the journal

Mass Media
Registration Certificate
PI № FS77-46308,
on 26 August, 2011

Editorial board

Prof. *Suren T. Zolyan*, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia) – Editor-in-chief; Dr *Alexey N. Chernyakov*, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia) – Executive Editor-in-chief; Prof. *Natalia S. Avtonomova*, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Russia); Prof. *Nataliya M. Azarova*, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Russia); Prof. *Tomas Venclova*, Yale University (USA); Prof. *Dimitar Vesselinov*, Sofia University ‘St. Kliment Ohridski’ (Bulgaria); Prof. *Yves Gambier*, University of Turku (Finland); Prof. *Igor N. Danilevskii*, National Research University Higher School of Economics (Russia); Prof. *Vera I. Zabolkina*, Russian State University for the Humanities (Russia); Prof. *Mikhail V. Ilyin*, National Research University Higher School of Economics (Russia); Prof. *Maxim A. Krongauz*, National Research University Higher School of Economics (Russia); Prof. *Alexander V. Lavrov*, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Russian Literature (the Pushkin House), Russian Academy of Sciences (Russia); Dr *Mikhail Yu. Lotman*, Tallinn University, University of Tartu (Estonia); Prof. *Mikhail A. Osadchy*, Pushkin State Russian Language Institute (Russia); Prof. *Vladimir A. Plungyan*, Full Member of the Russian Academy of Sciences, V. V. Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences (Russia); Prof. *James R. Russell*, Harvard University (USA), the Hebrew University of Jerusalem (Israel); Prof. *Igor V. Silantyev*, Institute of Philology, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Russia); Prof. *Igor P. Smirnov*, University of Konstanz (Germany); Prof. *Peter Steiner*, University of Pennsylvania (United States); Prof. *Grigorii L. Tulchinskii*, St. Petersburg School of Social Sciences and the Humanities, National Research University Higher School of Economics (Russia); Dr *Tatyana V. Tsvigun*, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia); Dr *Vadim A. Chaly*, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia); Dr *Efim S. Fidrya*, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia); Prof. *Sergey L. Firsov*, Saint Petersburg State University (Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

РУСИСТИКА ЗА РУБЕЖОМ

<i>Стейнер П.</i> ОПОЯЗ и Бахтин: взгляд с позиций теории принятия решений	6
--	---

АГИОГРАФИЯ: СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

<i>Малащенко В.В.</i> Черты агиографического жанра в жизнеописании Александра (Плутарх «Сравнительные жизнеописания»)	26
---	----

<i>Васкиневич А.И.</i> Жанр жития в творчестве Конрада Вюрцбургского	35
--	----

<i>Писарь Н.В.</i> Особенности функционирования лексем с корнем <i>-бог-</i> в житийных текстах XV – XVII веков	46
---	----

СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС: ТВОРЧЕСТВО НИКОЛАЯ КОНОНОВА

<i>Давиденко А.А.</i> «Nomen est Omen»: о роли имен в романе Николая Кононова «Парад»	56
---	----

<i>Малеваная Д.А.</i> Алхимическая символика как инструментальный психоаналитического описания в повести Н. Кононова «Источник увечий»	64
--	----

НОВЫЕ ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ

<i>Сладкевич Ж.Р.</i> Медиаобраз Сан-Эскобара в пространстве вымышленных миров: социосемиотический ракурс	73
---	----

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Третий Международный научный семинар «Агиография в русском культурном пространстве. К 1030-летию Крещения Руси» (БФУ им. И. Канта, 9 – 10 октября 2018 года) (<i>Л.Г. Дорофеева</i>)	104
--	-----

CONTENTS

RUSSIAN STUDIES ABROAD

<i>Steiner P.</i> OPOIAZ and Bakhtin: the Decision Science's perspective.....	6
---	---

HAGIOGRAPHY: COMPARATIVE AND HISTORICAL ASPECTS

<i>Malashchenko V. V.</i> The hagiographic genre of the life of Alexander (Plutarch's <i>Comparative biographies</i>)	26
<i>Vaskinevich A. A.</i> Hagiographic genre in the works of Konrad von Wurzburg	35
<i>Pisar N. V.</i> Lexemes with the stem -БОГ- (GOD) in hagiographic texts of the 15 th – 17 th centuries	46

MODERN LITERATURE: N. KONONOV

<i>Davidenko A. A.</i> «Nomen est omen»: the role of names in the novel <i>Parade</i> by Nikolay Kononov	56
<i>Malevanaya D. A.</i> Alchemic symbols as a means of psychoanalytical description in N. Kononov's story «Source of Injury»	64

NEW DISCOURSE PRACTICES

<i>Sladkevich Zh. R.</i> The media image of San Escobar in the space of fictional worlds: a socio-semiotic perspective	73
--	----

CONFERENCES

«Hagiography in the Russian Cultural Space. For the 1030 th anniversary of the Baptism of Russia» third international research seminar (IKBFU, October 9–10, 2018) (<i>L. G. Dorofeeva</i>)	104
--	-----

УДК 82.0

ОПОЯЗ И БАХТИН: ВЗГЛЯД С ПОЗИЦИЙ ТЕОРИИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ¹

*П. Стейнер*¹

¹ Университет Пенсильвании
19104—6305, США, Филадельфия, 255 S 36-я ул., 745 Уильямс Холл
Поступила в редакцию 22.06.2018 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2019-2-1

И когда же ты примешь решение, то уповай на Аллаха.
Коран 3: 159

Теория принятия решений – относительно новая дисциплина, продукт взаимодействия математики, психологии, экономики и некоторых других областей знаний. Она исследует то, как человек делает выбор, и ставит целью очертить «рациональные рамки для выбора между альтернативными курсами действий, когда последствия, вытекающие из этого выбора, не полностью известны» (North, 1986, с. 200). Сама по себе наука принятия решений представляет собой обширную область пересекающихся теорий и методологий, к которым я буду обращаться, но в той лишь мере, насколько они применимы к конкретным воззрениям на литературное творчество. В статье рассматриваются теории членов петербургского ОПОЯЗа В. Шкловского и Ю. Тынянова – в частности, их взгляды на писателя как на преследующего конкретную цель рационального деятеля и то, какие средства он имеет в распоряжении для достижения этой цели. Показано, как подходы этих ученых согласуются с двумя определенными типами рациональности: «инструментальной» и «ограниченной». В заключение мы сравним концепцию поэтического творчества формалистов с воззрениями Михаила Бахтина для того, чтобы доказать, что его понимание доступных автору стратегий можно назвать «интерактивной рациональностью».

Ключевые слова: теория принятия решений, поэтика, инструментальная, ограниченная, интерактивная рациональность, Шкловский, Тынянов, Бахтин.

Инструментальная рациональность

Большинству исследователей русской литературы этот вид аргументации знаком по теории утилитаризма в духе Чернышевского и/или по ее жесткой критике, высказанной Достоевским в «Записках из под-

---

© Стейнер П., 2019

¹ Ранняя версия этой статьи, касающаяся исключительно теорий Шкловского и Тынянова, была представлена на конференции «Русский формализм и литературная теория в Восточной и Центральной Европе: Вековая перспектива», Шеффилдский университет, 16 мая 2015 года. Она была напечатана в журнале «Психологические исследования» (2015. Т. 8, №41) и на китайском языке в *Social Science Front* (2016. №4. С. 233–37).

поля». Такое объяснение поведения человека позволяет сопоставить предпочтения участника событий с его действиями и их последствиями и приравнивает рациональность к выбору средств, наиболее подходящих для достижения намеченных целей. В какой мере эстетика Шкловского отвечает такому научному описанию? В начале обсуждения позволю себе заметить, что Шкловский не всегда мыслил последовательно, довольно часто пересматривая некоторые из своих базовых постулатов. Более того, не совсем понятно, является ли его теория литературного процесса дескриптивной или прескриптивной — то есть представляет ли она собой беспристрастный анализ словесного *poiesis* или же это программное заявление о том, каким оно должно быть, проиллюстрированное его же собственным литературным произведением. С учетом этих оговорок обратимся к Шкловскому как представителю инструментального рационализма.

К чему прежде всего стремится писатель в своем творчестве? Согласно раннему заявлению Шкловского по этому поводу он намерен «возвратить человеку переживание мира, воскресить вещи и убить пессимизм» (Шкловский, 1990, с. 40). Это нужно сделать, утверждает Шкловский, потому что наши познавательные способности притушаются энергосберегающей психической инерцией, с которой мы снова и снова справляемся с привычным окружением, так что мы больше не способны воспринимать действительность в ее подлинной разнообразной разнородности. Цель художника состоит в том, чтобы изменить это нежелательное положение вещей действием остранения, и его орудием для того становится искусство.

Однако для того, чтобы действовать рационально, требуется прибегать к наиболее эффективным средствам достижения намеченной цели, а для этого, в свою очередь, нужно иметь достаточный объем информации об окружающих задачу факторах. Поэтому литературную практику следует дополнить поэтикой — дисциплиной, предоставляющей автору на выбор ряд освежающих восприятие методов, каталог литературных приемов, которые позволят ему мастерски преобразовывать внехудожественный материал в новый воздействующий на восприятие текст. Эта предпосылка объясняет живой интерес Шкловского к вопросам литературного «ноу-хау» и его непрерывный поиск монад литературной формы в самых разных областях словесного искусства. Однако в 1919 году это относительно простое положение усложнилось: Шкловский поменял свое видение предмета художественного остранения, заменив автоматизированную действительность прежними художественными формами, которые потеряли свою воздействующую силу из-за чрезмерного употребления (Шкловский, 1919, с. 120).

Как изначально предполагал Шкловский, способ «убить пессимизм» был довольно простым. Писатель, принуждаемый необходимостью остранения действительности, непрерывно стремится найти новые способы освежить восприятие за счет искусного использования литературных приемов, жизненно важных для выполнения задачи. Но этот *modus operandi* приходится существенно менять после того, как автор вступает в конкуренцию с другими «создателями странного» и остранение предыдущих остранений становится его главной целью.

Учитывая то, что этот процесс обновления литературной морфологии длился веками, удачи случались все реже, а оказываемое воздействие становилось все слабее. Потребовалось более радикальное решение, «изобретение метода изобретения», по выражению Альфреда Уайтхеда, и Шкловский направил все свои усилия на его поиск (Whitehead, 1926, p. 141).

Причина, по которой авторы, писавшие в традиционной манере, не могли улучшить соотношение «издержек» и «выгод» своего «предприятия», проистекала из их *naïveté* («наивности» в понимании Фридриха Шиллера) — из отсутствия у них рационального самоанализа. Действительно, в формируемых ими текстах, как правило, создавался контрафактический образ мира, но сами авторы, казалось, были решительно в полном неведении относительно полупреднамеренной причины такого поведения — императива остранения. Поэтому они ошибочно приписывали изобразительную странность своих произведений экзогенным мотивировкам — безумию, повествованию с «нечеловеческой» точки зрения или метафизическому вмешательству — и тем самым постепенно утрачивали доверие читателя. Модернисты, утверждал Шкловский, должны называть короля голым и открывать своим читателям, в чем действительно состоит искусство: в искусном искажении материала для оказания желаемого перцепционного воздействия. В их произведениях должны раскрываться приемы ремесла, чтобы читатели могли их осознавать. Таким образом стирается различие между материалом и приемом или, точнее, сами приемы становятся материалом художественной метаманипуляции.

Лучшим воплощением теории Шкловского является его эпистолярный роман «Зоо. Письма не о любви», в котором литературный прием становится главным героем². На первый взгляд «Зоо» представляет собой сборник словесных портретов знаменитых русских художников, живущих в Берлине или приезжающих сюда. В эту смесь зарисовок добавлено собрание писем из личной переписки между автором и объектом его эротического желания — Эльзой Триоле. При такой разрозненной композиции можно ли вообще считать эту книгу романом? Шкловский обращается к этой проблеме напрямую в «Письме двадцать втором», где для читателя излагается краткая история жанра (Шкловский, 1923б, с. 82—85). Искусство романа, говорится в этом письме, сводится к объединению разрозненных рассказов в одно большое целое. Таким образом, истинная история его есть не что иное как последовательность методов, используемых писателями для достижения искомого целостного единения. Например, характер Дон Кихота служил Сервантесу удобным приемом для нанизывания разнообразных событий в виде эпизодов из жизни его героя, тогда как Толстой с той же целью использовал описание психических состояний своих главных героев. Однако, отмечает Шкловский, наступило время, когда сама идея соединительной ткани стала автоматизированной, чем поставила под угрозу устойчивость самого жанра. Собственный ответ Шкловского на этот исторический вызов был столь же простым, сколь и оригинальным: в «Зоо» он

---

² Подробный анализ романа Шкловского см.: Стейнер, 2015.

намеренно оставил письма не связанными между собой. Шкловский заверял своих читателей, что на то были уважительные причины. Не только письма, как и все подобные составные части романа, *de facto* не имели ничего общего между собой, но, что более важно, их объединение сделало бы «Зоо» заложником прошлого, лишенным каких-либо возможностей остранения. Шкловский объяснял свою позицию тем, что, пожертвовав главным и непреложным приемом романа, он смог уберечь жанр. И в результате он создал потрясающую книгу, в то же время поднимая степень самосознания русского романа.

Если словесное искусство для Шкловского сводится к простому «ноу-хау», то литературная практика не имеет ничего общего с уникальным дарованием или «божественным безумием» — напротив, набор конкретных навыков доступен любому, кто хочет овладеть правилами, регулирующими данный тип производства. И для развития такой педагогики ремесла он предлагал начинающим писателям два литературных «самоучителя». Первый из них был опубликован в 1927 году под названием «Техника писательского ремесла» (Шкловский, 1927). Он состоял из сорока одной короткой главы с такими заголовками, как «Пишите точно и простыми фразами» или «О стихах и о том, почему их не стоит писать». Второе пособие — «Как писать сценарии» (1931) — предназначалось для тех обитателей *Respublica literaria*, которые устремили свои взгляды на быстро растущую советскую киноиндустрию (Шкловский, 1931).

Ограниченная рациональность

Каким бы убедительным могло ни показаться инструментально-рациональное объяснение принятия решений, в течение последних уже примерно шестидесяти лет на фоне эмпирических наблюдений оно утрачивает свой интеллектуальный блеск. Лица, принимающие решения, отмечали критики такого вида рациональности, фактически не следуют его точно расписанным формулам. Самым влиятельным среди оппонентов был Герберт Саймонс, автор понятия «ограниченная рациональность», которое, по его мнению, лучше, чем инструменталистский подход, объясняет процесс принятия решения в реальном мире. В знаменитой метафоре Саймонса «рациональное поведение человека» сравнивается с ножницами, «одно лезвие которых — это контекст задачи, а второе — способности человека решать их» (в оригинале: «a scissors whose two blades are the structure of task environment and the computational capabilities of the actor») (Simons, 1990, p. 7). Именно несовершенства нашего ума притупляют эти образные лезвия, тем самым предотвращая нас от чрезмерно высоких ожиданий применительно к оценке полезности действий. Мы можем быть не в состоянии своевременно собрать полную информацию о контексте нашей задачи и / или не иметь необходимых знаний для правильной оценки всех количественных данных. Кроме того, если бы мы могли каким-то образом преодолеть все подобные трудности, даже наши хорошо просчитанные

шаги все равно могут приводить к непредвиденным последствиям. И несмотря на все это, мы принимаем решения рациональным способом, утверждает Саймонс. Только рациональность нашего поведения ограничена, а не всеобъемлюща, как считают инструменталисты.

Как поступают ограниченные рационалисты? Я бы сказал, довольно прагматично. Сталкиваясь с конкретной задачей, они действуют «на глазок». Так, они приходят к решению, которое может быть и не совсем оптимальным, но полностью «разумно достаточным» (satisficing), то есть соответствующим их практическим нуждам. Кроме того, решение редко принимается одномоментно, наобум, особенно в таких видах деятельности, как искусство, которыми человечество занимается сравнительно длительное время. Это происходит в историческом и культурном контексте, который определяет все наше поведение, включая и то, как мы делаем выбор. «Традиция всех мертвых поколений» должна не просто «тяготеть, как кошмар, над умами живых» (Marx, 1963, p. 15), но может служить им в качестве полезного инструментария, «быстрого и ограниченного поведенческого механизма, который обходится без индивидуализированных вычислений соотношения "затрат и выгод" и без механизмов принятия решений» (а «fast and frugal behavioral mechanism that dispenses with individual cost-benefit computations and decision making») (Gigerenzer, Selten, 2001, p. 10). Учитывая высокую значимость унаследованных правил в формировании наших ожиданий, некоторые ученые предпочитают полностью отказаться от причастной формы глагола «ограничить» при описании этого типа рациональности и, скорее, говорить о «процедурной рациональности» (см., например: Neap, 1989, p. 116–121).

Шкловский, как я писал ранее (Стейнер, 2015), понимал писателя-модерниста как «суверена» в значении этого слова, по Карлу Шмитту. Это «он решает об исключении» (Schmitt, 2005, p. 5) — острающим нарушении литературных норм — sine qua non словесного искусства. Другие формалисты, однако, горячо противились воззрениям Шкловского на безраздельную роль личности в литературном процессе. Среди них был и его друг, так же член ОПОЯЗа, Юрий Тынянов. Его теоретическая позиция, как легко заметить, была близка позициям «ограниченных» рационалистов. По его мнению, в литературе внешние условия и, прежде всего, коллективно унаследованные правила и процедуры принижают роль автора в выборе формальных средств для достижения эстетических целей.

Как социальная институция, словесное искусство рождается из непредвиденных последствий, и почти не во власти автора изменить его в одностороннем порядке. Явно целясь в волюнтаризм Шкловского, Тынянов писал, что новаторство «возникает на основе "случайных" результатов и "случайных" выпадов», а не сознательно по воле автора. «Собственно говоря, каждое уродство, каждая "ошибка", каждая "неправильность" нормативной поэтики есть — в потенции — новый конструктивный принцип» (Тынянов, 1977а, с. 263). Но даже если бы автор мог оценить все эстетические последствия своих действий, оптимально адаптировав морфологию своей работы к желаемому эффекту, контекст, в котором ставится эта задача, будет мешать этому плану. Здесь

обнаруживается еще одно различие между Шкловским и Тыняновым. Для первого литература была автономной областью, управляемой полностью эндогенным алгоритмом остранения, который, по мнению Шкловского, можно полностью контролировать. Для Тынянова же литературное поле всегда было встроено в сферу культуры в целом, или, говоря его языком, «систему систем» (Якобсон, Тынянов, 1977, с. 283). Такая культурная цельность следует своей собственной структурной закономерности, экзогенной к литературе, и влияет на ее имманентное развитие, что, само собой разумеется, привносит изрядную долю неопределенности в любое принятие решений в литературном процессе. А именно: переход от классицизма к сентиментализму в русской литературе рубежа 18-го века — это, на первый взгляд, чисто литературное событие *par excellence*, по сути, как показал Тынянов, было с неизбежностью переплетено с изменениями коммуникативных условий российского общества. Вытеснение ораторской установки слова на произнесение в большом, дворцовом зале интимной шуточной беседой, рождающейся в салонах того времени, подстановка мнения официального суда в угоду личностным суждениям, формировавшимся в светских салонах, где культивировалось искусство утонченного разговора, было очевидной переменной, не имевшей никакого отношения к литературным канонам *per se*, но тем не менее существенно изменившей их (Тынянов, 1977б, с. 279).

Какую цель преследует писатель, по Тынянову? Его ответ на этот вопрос представляет собой нюансировку теории остранения Шкловского. Писатель, по словам Тынянова, стремится создать «динамическую речевую конструкцию», то есть высказывание, в котором читатель ощущает борьбу за господство и подчинение одного компонента текста другому, как, например, семантические группировки и ритм в стихотворном языке (Тынянов, 1977а, с. 261). Вполне ожидаемо поэтому, что исчезновение этого драгоценного эффекта — это лишь вопрос времени. Два основных источника неопределенности, в соответствии с которыми художник должен принять свое решение, были упомянуты выше. Конечным эталоном успеха — мерилем для определения степени новизны — становится набор межличностных процедур, которые им не подвластны. Более того, эти законы и правила являются движущейся мишенью, и не только потому, что на них постоянно влияют действительные приемы остранения, но также и потому, что культурные сдвиги могут в любой момент свести их значимость на нет. При такой изменчивости могут ли художники вообще действовать рационально?

Да, утверждает Тынянов, но в ограниченной мере, гибко и во многом наугад. Изучая стратегии авторов, которые сумели повлиять на традицию вопреки всем обстоятельствам, Тынянов обнаружил, что лучшим образцом может послужить зыбкость приема пародии. Это потому, что структура литературного произведения зиждется на шатком равновесии между двумя крайностями. Чтобы получить литературный статус, структура произведения должна быть итеративной, воспроизводящей испытанные временем поэтические формулы — но при этом простое повторение предыдущего также недопустимо. Эпигонство убивает искусство, считали формалисты. В то же время, однако, новиз-

на не должна быть до такой степени радикальной, что в угоду оригинальности текст лишился бы всех признаков литературности. Тынянов утверждает, что лучше всего решает эту двойную задачу прицельная калибровка избыточности и энтропии в создании пародийности. Пародисты попадают в систему литературных норм через текст, который уже принадлежит традиции, и их задача — «не только изъятие произведения из литературной системы (его подмена), но и разъятие самого произведения как системы» (Тынянов, 1977в, с. 292). Разобрав пародируемый текст на составные части, его заново комбинируют с новыми элементами, явно не согласующиеся с остальным, заменив некоторые из оригинальных компонентов текста. Юношеские пародии Некрасова на романтические стихи Лермонтова являются хорошей иллюстрацией этой гибридной техники. В них скрещивались сохранившиеся от допочтенного старшего товарища «ритмо-синтаксические фигуры "высокого" рода с диссонирующим "низкими" темами и лексикой». И хотя пародии Некрасова остались на периферии его творчества, по мнению Тынянова, они в 1850-е годы заложили основы прозаического принципа фабульности русской гражданской поэзии (Тынянов, 1977г).

Интерактивная рациональность

Последний предмет исследования в данной статье — это воззрения Михаила Бахтина. К личности Бахтина, как известно, сложно подступиться по нескольким причинам, и одна из них — изменчивая природа его мысли, готовность пересмотреть устоявшиеся концепции и переосмыслить их всякий раз с новых позиций. Попытка представить его понимание литературного процесса исчерпывающим образом потребовала бы неизмеримо больше места, чем я могу выделить ему в рамках настоящей статьи. Поэтому я сосредоточусь только на четырех самых ранних эссе 1920-х годов, которые были опубликованы в первом томе его собрания сочинений. «Архитектоника» (один из любимых терминов Бахтина) этой книги выглядит довольно последовательной и предоставляет достаточный материал для того, чтобы, по словам молодого Бахтина, нарисовать картину ограничений и противовесов выбора, с которым сталкивается творческая личность, облеченная властью литературного творчества.

Если, несмотря на значительные расхождения в принадлежности к типам рациональности, опозовцы Шкловский и Тынянов были товарищами по оружию, то Бахтин представлял решительно другую научную школу, ни в чем не похожую на ОПОЯЗ. С самых первых шагов своей карьеры он был яростным критиком формализма. Разбирая многочисленные возражения Бахтина, достаточно отметить, что он считал собственный подход к словесному искусству выше формалистического по причине его синтетической природы. Принципиальная разница между ним и формалистами, утверждал ученый, состояла в том, что его философски обоснованная эстетика была направлена на выявление того, что объединяет все искусства и как они в общем взаимодействуют с целостностью культуры. Формалисты же исходили из узкого видения

единственного вида искусства — литературы, причем постулируя автономность ее художественной формы. Они отдавали предпочтение тому, что отличает литературу от других видов искусства — материалу. Бахтин обвинял формалистов в том, что, будучи вдохновленными развитием естественных наук, они сводили искусство лишь к чистой онтической материальности, то есть к физической форме, оставив за пределами своего видения значения и ценности, которые неизбежно связывают искусство с жизнью. Именно обращение к интерактивной рациональности, что я продемонстрирую ниже, позволило Бахтину сладить разрыв между этими двумя областями.

В чем же, по Бахтину, состоит цель литературного творчества? Как ни странно, он сам не поднимал этот вопрос напрямую. Однако справедливо было бы допустить, что он воспринимал словесное искусство как воплощение ставшей известной благодаря Сократу дельфийской максимы: *познай самого себя!* Взятая в изоляции, это прозвучало бы банально, если бы не необычность бахтинского осмысления идеи автономии. Бахтин считал, что познавать себя — это как танцевать танго, где всегда нужны двое. На первый взгляд, это утверждение кажется противоречащим здравому смыслу и требует тщательного разъяснения. Однако оно имело фундаментальные последствия для бахтинской теории искусства. «Эстетическое событие может состояться лишь при двух участниках, предполагает два несовпадающих сознания». Если по какой-либо причине это условие не выполняется, эстетическое событие кончается и начинается другое — этическое, познавательное или религиозное. «В этом смысле, — пишет он по иному поводу, — можно говорить об абсолютной эстетической нужде человека в другом, в видящей, помнящей, собирающей и объединяющей активности другого, которая одна может создать его внешне законченную личность; этой личности не будет, если другой ее не создаст» (Бахтин, 2003а, с. 102, 115).

В приведенной выше цитате ключевым для взгляда Бахтина на самопознание является прилагательное «законченная». Человек, будучи обособленным, никогда не уставал повторять этот русский мыслитель, не способен априори породить законченный или «завершенный» (еще один из его любимых терминов) образ самого себя, создавая только частичные, неполные фрагменты, каждый из которых следует своим особым курсом. Почему? Потому что каждое личностное видение по определению ограничено как во временном, так и в пространственном отношениях. А именно: два определяющих момента моего существования — рождения и смерти — лежат за пределами моего сознания; подобно тому, что я не в состоянии увидеть своими глазами некоторые участки моего же тела. Таким образом, только сторонний человек, кто-то, находящийся вне ограниченной, субъективной точки наблюдения, которую занимаю я, и следовательно, владеющий дополнительной информацией обо мне, способен понять мое существо во всей его полноте как завершенное событие. Бахтин настаивал на том, что именно искусство лучше всего подходит для создания целостного образа человека, придавая ему значение и ценность, которыми не обладают случайные и разрозненные фрагменты его личности.

Хрестоматийным примером того, что Бахтин называет «ответственным» взаимодействием между двумя личностями — отрефлексированное самовыражение одной посредством другой — можно считать связь между автором и его героем. «Без героя, — считает он, — там, как правило, нет эстетического видения (или) художественного произведения», и если что и имеет значение, то только его тип: «реальный, выраженный, (или) потенциальный» (Бахтин, 2003а, с. 86). Будучи внешним по отношению к герою и, следовательно, обладая преимуществом знать про героя больше, чем про себя самого, автор вправе завершить образ представляемого субъекта. Таким образом, набор черт, которые были бы лишь случайными, обретает постоянство и порядок. Тем не менее — и это должно быть подчеркнуто — «борьба художника за определенный и устойчивый образ героя есть в немалой степени борьба его с самим собой» (Бахтин, 2003а, с. 90). Источник этого внутреннего конфликта заключается в том, что завершение эстетической формы не является выстрелом с прямым попаданием. Как в бильярде при особом ударе могут отскакивать в разные стороны два шара, так здесь от одного движения возникают две взаимно диссонирующие установки: эмпатия и отталкивание. Чтобы почувствовать эстетическую вовлеченность в действие, пишет Бахтин, «я должен вчувствоваться в этого другого человека, ценностно увидеть изнутри его мир так, как он его видит, встать на его место и затем, снова вернувшись на свое, восполнить его кругозор тем избытком видения, который открывается с этого моего места вне его, обрамить его, создать ему завершающее окружение из этого избытка моего видения, моего знания, моего желания и чувства (Бахтин, 2003а, с. 106). Или, лаконичнее, «авторское сознание — это сознание сознания», ибо автор «не должен говорить о своей жизни, а должен говорить о своей жизни через уста другого» (Бахтин, 2003а, с. 95, 158).

Здесь взыскательные читатели могут с подозрением отнестись к ходу моей мысли. И справедливо! Разве не с того я начинал, что называл эстетику Бахтина интерактивной? Между тем, к сожалению, в представлении идей ученого я до сих пор сосредоточивался исключительно на сознании одного, оставляя значимого «другого» всего лишь плодом художественного воображения первого. Чтобы отвести это серьезное обвинение, я должен отметить, что отношения между автором и героем, в которых «все существование других видится извне (не только их собственное осознание, что они воспринимаются кем-то другим, но и за пределами их осознания, — что таковые другие вообще существуют» (Holquist, 2002, p. 32–33)), для Бахтина это самый зачаточный пример нашей самореализации через других. Такое одностороннее положение возникает только в искусстве. Вследствие пассивности героя оно может служить средством для бесконечной свободной игры. Тем не менее — и это важный момент — точно такой же ментальный механизм действует также применительно ко всем другим способам человеческого взаимодействия. Возможность «сочинить другого», переводя с языка Бахтина, тесно связана с тем, что современная когнитивная психология называет, несколько неудачно, «теорией разума (mind). Это та же наша повседневная способность "входить в головы" других людей и размышлять о

том, какие у них есть знания, желания, намерения и убеждения», — умение, что отличает нас от тех, кто этого лишен: аутистов, шизофреников и других людей с синдромом умственной слепоты (*mind-blind*) (Apperly, 2011, p. 1). Если бы мы не «читали чужие мысли», приписывая другим людям побуждения, убеждения или желания и одновременно подготавливая превентивные стратегии относительно того, как реагировать на их последующие действия, человеческое общение превратилось бы в непрерывный ряд хаотичных, лишенных какого-либо смысла столкновений.

Чтобы проиллюстрировать мое утверждение, позвольте мне сравнить бахтинское понятие «ответственного поступка» в литературе с так называемой теорией симуляции — широко распространенным объяснением того, как мы приписываем мысли другим в повседневной жизни — из пособия вышеупомянутой «теории разума». «Во-первых, — утверждает ее сторонник Элвин Голдман, — приписывающий создает в себе притворные состояния, предназначенные для соответствия состояниям целевого индивида. Иными словами, приписывающий пытается поставить себя "душевно на его место"... Второй шаг заключается в том, чтобы ввести эти первоначальные притворные состояния в какой-то механизм собственной психологии приписывающего, например механизм принятия решений или создания эмоций, и позволить этому механизму работать с притворными состояниями, чтобы произвести одно или несколько новых состояний... В-третьих, приписывающий назначает выходное состояние целевому индивиду как состояние, которым он будет проходить (или уже прошел)» (Goldman, 2005, p. 81–82). В то время как первые два ступени действительного «чтения чужих мыслей» довольно хорошо соответствуют двойственному процессу эмпатии/отталкивания между автором и героем у Бахтина, литературное творчество, по его пониманию, обходится без последнего шага, потому что его герои — это просто аватары, изображения собеседников, а не реальные личности.

Я, возможно, развеял подозрение в том, что подход Бахтина к литературному процессу не может считаться интерактивным. Но есть еще одно препятствие на моем пути, которое, кажется, даже больше вредит моей гипотезе. Учитывая, что Бахтин испытывал особое отвращение к рационализму своей эпохи, вправе ли я называть такую интерактивность рациональной?

«Вся современная философия — сокрушался он — вышла из рационализма и насквозь пропитана предрассудком рационализма... что только логическое ясно и рационально» (Бахтин, 2003б, с. 30)³. Горе от

---

³ Лучшим примером такого глубоко формализованного подхода к взаимозависимости участников в процессе принятия решений является теория игр, которая, со времени публикации эпохального труда «Теория игр и экономического поведения» Джона фон Неймана и Оскара Моргенштерна (Принстон, 1944), возникла из математики как всеобъемлющая междисциплинарная модель, применимая по всему неизменно расширяющемуся диапазону социальных наук. Подробный обзор междисциплинарного влияния теории игр дан, например, в Pietarinen, 2003.

такого ума, продолжает Бахтин эту мысль несколькими страницами позже, проистекает из того, что Карл Поппер когда-то назвал «доктриной первенства повторений», которая «служит своего рода оправданием принятия универсального закона» (Popper, 2004, p. 440), а именно, по словам Бахтина, что «правда может быть только истиной, слагающейся из общих моментов, что правда положения есть именно повторимое и постоянное в нем, причем общее и тождественное принципиально (логически тождественное)» (Бахтин, 2003б, с. 36). Действительный эстетический поступок, как его понимал Бахтин, есть ответственное взаимодействие между двумя несовпадающими сознаниями, соответственно обремененными грузом собственных эмоций, историй, желаний (список можно продолжить), которые могут осуществляться различными способами. Такой поступок являет собой единственное и по природе своей неповторяемое событие, исключение для любой закономерности. Однако это обстоятельство, по мнению Бахтина, ни в коей мере не делает его иррациональным. «Поступок в его целостности более чем рационален — он *ответствен*. Рациональность — только момент ответственности» (Бахтин, 2003б, с. 30).

Судя по приведенным выше цитатам, истинный объект критики Бахтина — не рационализм сам по себе, а только определенный его вид: это редукционистский логико-математический вариант, оптимальный для абстрактных ситуаций принятия решений, имеющий единственное разрешение. Тем не менее, как ни странно, он не отвергает и его, но в рамках более широкой категории ответственности считает его только одним из ее моментов. Сама же эта категория, несмотря на непреодолимую сингулярность всех составляющих ее действий, по Бахтину, скорее не иррациональна, а суть воплощение иной, более высокой формы рациональности. Тогда к какому типу рациональности относится ответственность? Очевидно, что это не безотказная наиобщая наука *mathesis universalis* — самоспасающая панацея от свойственных человеку заблуждений, но, напротив, нечто совсем иное: это широко понимаемый социальный интеллект, неточный компас, данный нам в помощь, чтобы мы могли найти свои пути в этой многогранной, многоуровневой и многофакторной вселенной непостижимых межличностных отношений. Любопытно заметить, что такого понимания интерактивной рациональности придерживаются сегодня некоторые когнитивисты.

Так, как объясняют в одноименной книге ее авторы Хьюго Мерсье и Дэн Спербер, загадка разума двойственна. Ученые задаются вопросом: если способность рассуждать — такая невероятно полезная когнитивная функция, которая выдвинула *homo sapiens* на вершину эволюционной иерархии, то почему ее развитие не сопоставимо с другими видами? Более того, если эта способность так давно является частью человеческого сознания, почему со временем она не усовершенствовалась, а напротив, по-прежнему отличается недостатком логики, предвзятостью и системной ошибочностью? (Mercier, Sperber, 2017, p. 4). Ответ на первый вопрос состоит в том, что истинное преимущество в развитии человека над другими представителями фауны заключается в интенсивном взаимодействии, поддерживаемом обширной и сложной сетью

ответных межличностных отношений. И разум — «адаптация к гиперсоциальной нише, которую человечество устроило само для себя», как организационный инструмент управления своим хрупким сосуществованием совершенно бесполезен для видов, которые гораздо менее социализированы, чем мы (Mercier, Sperber, 2017, p. 330). Что касается второго вопроса — то, что с точки зрения строгой логики выглядит как «умственная предвзятость и лень — это не недостатки, они предстают как «особенности, которые помогают разуму выполнить свою (социальную) функцию... найти обоснования для своей точки зрения» и / или утверждения (Mercier, Sperber, 2017, p. 331)⁴.

Это отнюдь не означает, спешат добавить ученые-когнитивисты вслед за Бахтиным, что логика вообще не нужна для социальной рациональности. Однако, вопреки сложившемуся мнению, ее роль заключается не в том, чтобы направлять нас к более совершенным решениям. Тогда для чего она? Ранее в статье, рассуждая об ограниченной рациональности, я достаточно подробно высказался о неупорядоченности принятия решений в реальных ситуациях. Мерсье и Спербер только подчеркивают значение этого важного вывода, но с другой точки зрения. По их мнению, выбор, который мы делаем из всех возможных альтернатив, неизбежно бывает хуже оптимального, потому что он опирается прежде всего на «процедуры интуитивного вывода», которые ученые считают «бессознательными, адаптационными и разрозненными» (Mercier, Sperber, 2017, p. 173). Это не должно огорчать, потому что помеха возникает только тогда, когда мы вынуждены оправдывать свой не самый лучший выбор на «агоре», да еще и убеждать других согласиться с ним. Однако для этой цели на помощь приходит логика: не просто как абсолютная норма или целостный метод, а как вспомогательный инструмент разъяснения. Как говорится в «Загадке разума», «в частности, в аргументативных рассуждениях использование логических отношений играет эвристическую роль для аудитории. Это помогает призвать ее обогатить или пересмотреть свои убеждения или, в свою очередь, аргументированно защитить их. Отчасти благодаря своему логическому облачению аргументация даже если не всегда убедительна, то по крайней мере, как правило, требует применения умственных усилий» (Mercier, Sperber, 2017, p. 168).

После этого отступления вернемся к основным принципам эстетики Бахтина и постараемся оценить их с точки зрения науки принятия решений. По Бахтину, полезность искусства основывается на его способности запускать особый процесс самопознания человека. Чтобы понимание самого себя стало плодотворным, требуется несовпадающее удвоение сознания автора, то есть создание героя. В этом процессе ав-

---

⁴ «Люди склонны быть предвзятыми, когда ищут резоны, чтобы поддержать их точку зрения, потому что именно так они могут оправдывать свои действия и уверять других делиться своими убеждениями. Вы не можете оправдать себя, предоставляя причины, которые подрывают ваше оправдание... И если люди рассуждают лениво, то потому, что в типичных взаимодействиях это самый эффективный способ того, как поступать. Вместо того чтобы затрачивать усилия на предвидение контраргументов, обычно более эффективно ждать, пока ваши собеседники будут их предоставлять (если будут)» (Mercier, Sperber, 2017, p. 333).

тор одновременно отождествляет себя с героем и отстраняется от этого вымышленного персонажа, тем самым обретая новую информацию о самом себе. Остро осознавая невероятную сложность оценки, лежащей в основе всех человеческих взаимодействий, то множество форм, которые они могут принять, и даже не учитывая их эмоционального/желательного измерения, Бахтин, в отличие от формалистов, не предлагает собственной исчерпывающей поэтики как реестра доступных автору приемов, которые могли бы сделать ответственные отношения с героем художественно более эффективными. Для достижения этой цели мастера словесного искусства должны полагаться исключительно на свои навыки межличностного общения — то есть на свою интерактивную рациональность⁵. Тем не менее у Бахтина есть одно эстетическое предпочтение, под которым могли бы подписаться и формалисты. Оно касается степени отчуждения героя от его создателя: чем менее они знакомы, тем лучше. Бахтин испытывает гораздо меньше энтузиазма, скажем, в отношении лирической поэзии, где разрыв между автором и героем кажется минимальным и «формальное завершение (героя) совершается безболезненно легко» (Бахтин, 2003а, с. 81) — в отличие от любой прозы (даже автобиографической), которая в этом отношении всегда остается гораздо более поляризованной. Этого, однако, и следует ожидать, учитывая, что суть полезности искусства и состоит в «познании самого себя». Потому что встреча с незнакомцем предоставляет нам гораздо больше возможностей рассказать о том, что для нас является зоной невидимого, чем повседневный автоматизированный обмен мнениями.

Эпистемологическая инвентаризация

В заключение постараемся осветить различия между нашими тремя литературоведами, расписав их теории на широком эпистемологическом холсте, с привлечением воззрений Эрнеста Геллнера по этому вопросу. Этот чешско-британский философ пишет: «Существуют две резко контрастирующие модели мышления. Они глубоко противоположны» (Gellner, 1998, p. 3). Эти две взаимонепримиримые эпистемологии — индивидуалистическая / атомистическая концепция (детище Просвещения) и коллективистская / органистическая — порождение эпохи романтизма. Согласно первой, познание — это эмпирический процесс, при

---

⁵ Бахтин испытывал глубокое недоверие к любой сугубо технической поэтике и последовательно придерживался антиформалистской позиции, отказывая словесному искусству в любой автономии по отношению к жизни и понимая его лишь как апостериорное упражнение. «Эстетическая деятельность не создает сплошь новой действительности. В отличие от познания и (этического) поступка, которые создают природу и социальное человечество», — утверждает Бахтин. «Искусство создает новую форму как новое ценностное отношение к тому, что уже стало действительностью» (Бахтин, 2003в, с. 287). С этой точки зрения можно утверждать, что герой является олицетворением набора не связанных между собой ценностей, идей и установок, которые автор творчески преломляет, придавая им целостную художественную форму.

котором человек-одиночка собирает отдельные компоненты внешней информации в одно рациональное целое, будучи ведомым исключительно личным интересом и не связанным никакими соглашениями. В соответствии со вторым пониманием мы всегда представляем собой неотъемлемую часть культурного целого. Суть не в самих связанных между собой субъектах, а в социальной ткани, которая их связывает. Кто мы есть и что мы думаем — это результирующая функция от этих коллективных духовных представлений, у которых нет автора или права собственности — и с которыми мы почти ничего не можем поделать. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы увидеть в инструментальном рационализме Шкловском наследника индивидуалистической парадигмы, а в ограниченном / процедурном рационализме Тынянове прочесть специфическое воплощение коллективистской концепции знания.

Интерактивный подход Бахтина, с моей точки зрения, предоставляет возможность проплыть между Сциллой и Харибдой этих двух несоместимых парадигм. Его ключевое понятие — ответственность — позволяет пролить совсем иной свет на то, как поступают люди. Оно спасает понятие субъекта, которого коллективисты обрекают на смерть, не впадая при этом в крайности проповедуемого атомистами индивидуализма в духе Робинзона Крузо. Исходя из этого конкретного взгляда, мы могли бы быть автономными и эгоистичными субъектами, однако не обязательно замкнутыми в собственном пространстве монадами, изолированными от социальной среды. По Бахтину, это происходит потому, что человек по природе прежде всего интерактивен: наша самость не может быть полностью сформирована без посредничества других. Наше поведение может быть эгоцентричным, но поскольку оно должно отражать духовный ландшафт тех, с кем мы взаимодействуем, наше принятие решений не может быть полностью самоограниченным. Оно должно *nolens-volens* преодолевать пределы собственного сознания, принимать во внимание других, вторгаться в их сознание и представлять их реакцию на наши действия и между тем предвосхищать наши собственные последующие реакции. Только в этом рекурсивно разворачивающемся кругообороте, с наивысшей степенью воли реализуемом в искусстве, мы можем открыть для себя те аспекты нашего существования, которые в противном случае оставались бы скрытыми от нас навсегда.

На первый взгляд — и в этом я готов принять возражение — такой подход может показаться чересчур масштабным. Тем не менее будет не столь ошибочным, если мы отнесем его к художественным вкусам и теоретическим наклонностям наших троих ученых. Известно увлечение Шкловского литературой XVIII века и способом мышления этой эпохи⁶. Он анализировал стиль Лоуренса Стерна как литературовед,

---

⁶ «Шкловский оставался по темпераменту настроенным на... резкость сатиры восемнадцатого века, — писала Кэрил Эмерсон, — и тянулся к ценностям Просвещения восемнадцатого века, которое настаивало на подчинении материального существования уму» (Emerson, 2005, p. 639, 647). Для подробного анализа запутанного отношения Шкловского к Стерну, в котором подведены итоги предыдущей литературы по этому вопросу, см.: *Finer, 2010*.

объявив, что «"Тристам Шенди" – самый типичный роман всемирной литературы» (Шкловский, 1925, с. 161), и подражал ему в своей литературной практике, экспроприировав даже название одного из романов Стерна, «Сентиментальное путешествие», для собственных воспоминаний о бурных годах 1917–1922 (Стерн, 1768, Шкловский, 1923а). Он также сделал реверанс Жан-Жаку Руссо, не только позаимствовав у него для своего «Zoo» эпистолярный жанр, столь характерный для самого знаменитого романа автора, но и породнившись с ним через дополнительный подзаголовок, который дал своему произведению, – «Третья Элоиза» (Rousseau, 1761).

Коллективистическая и целостная поэтика Тынянова узнаваемо отражает духовную обстановку того периода, которым он больше всего занимался, – первой половины XIX века. Среди формалистов он был самым выдающимся специалистом по романтизму, его исследования существенно изменили наше понимание этого периода в русской литературе⁷. После того как в конце 1920-х годов Тынянов поменял ипостась критика на амшлу писателя, он использовал свои обширные архивные знания этой исторической эпохи, чтобы создать отмеченные удивительными подробностями романистические портреты нескольких русских поэтов-романтиков: как менее известного Вильгельма Кюхельбекера (Тынянов, 1925), так и великого Александра Пушкина (Тынянов, 1936), который, как заметил один из его биографов, «был для Тынянова самым важным человеком в истории России» (Белинков, 1965, с. 64). Даже сегодня, почти столетие спустя, соотечественники высоко ценят выполненные Тыняновым переводы поэзии Генриха Гейне на русский язык (Гейне, 2015).

Писателем, увлекавшим молодого Бахтина и ставшим предметом его первой научной монографии, был Ф.М. Достоевский – автор, которого неустанно занимал вопрос индивидуальности (Бахтин, 1929). «Основополагающая загадка творчества Достоевского, как было недавно отмечено в критике, и, возможно, самый запутанный, противоречивый и мучительный аспект его философского мировоззрения – это одновременно и защита, и отвержение самости» (Corrigan, 2017, p. 3). В начале статьи я кратко упомянул критические воззрения Достоевского на инструментальный рационализм – духовную почву западного буржуазного индивидуализма, который он искренне ненавидел. Трудный поиск самоотверженного «Я» наполняет жизнью многие из его лучших романов. Однако это не значит, что Достоевский принял рас-

---

⁷ Тынянов, надо подчеркнуть, не был единственным среди формалистов, кто возвращался к эпистемологическим предпосылкам романтизма. Например, его соавтор Роман Jakobson настаивал на том, что общие предположения, лежащие в основе романтизма, надо использовать как эффективный противовес ошибочной односторонности позитивистской теории познания. «Наше время стремится к синтезу между романтической "идеей целостности (тотальности)" и позитивистским стремлением к основанному на фактах "частичным истинам"» (Jakobson, 1935, p. 110).

творение *эго* в анонимном коллективизме, случившееся в эпоху романтизма. Вместо того чтобы отрицать категорию индивидуальности, он хотел бы «снять» ее (в смысле гегелевского *Aufhebung*): то есть предложить такое «Я», которое существовало бы одновременно и само по себе, и интегрировано с другими. «В том же отрывке, где [Достоевский] поддерживает уничтожение "я", он горячо отстаивает необходимость стать личностью даже гораздо в высочайшей степени, чем та, которая теперь определилась на Западе» (Corrigan, 2017, p. 4, Достоевский, 1973, с. 79). О том, преуспел ли Достоевский в своих поисках такой личности, я промолчу. Но даже если он потерпел неудачу, введенное Бахтиным понятие ответственности вызвало интерес к подробному исследованию апоэри, так занимавшей его любимого автора.

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта GA CR 17-229135 «Чешский литературный марксизм: новый взгляд».

Список литературы

- Бахтин М. Автор и герой в эстетической деятельности // Собр. соч. : в 7 т. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. М., 2003а. С. 69–263.
- Бахтин М. К философии поступка // Собр. соч. : в 7 т. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. М., 2003б. С. 7–68.
- Бахтин М. Проблема содержания, материала и формы в литературном художественном творчестве // Собр. соч. : в 7 т. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. М., 2003в. С. 264–325.
- Бахтин М. Проблемы творчества Достоевского. Л., 1929.
- Белинков А. Юрий Тынянов. М., 1965.
- Гейне Г. Германия. Зимняя сказка / пер. Ю. Тынянова. М., 2015.
- Достоевский Ф. Зимние заметки о летних впечатлениях // Полное собрание соч. : в 30 т. Л., 1973. Т. 5. С. 46–98.
- Стейнер П. Практика иронии: «Зоо, или письма не о любви» Виктора Шкловского // Новое литературное обозрение. 2015. №3. С. 169–181.
- Стейнер П. Искусство, право и наука в модернистском ключе: Шкловский, Шмитт, Поппер // Новое литературное обозрение. 2016. №3. С. 16–30.
- Тынянов Ю. Кюхля. Повесть о декабристе. Л., 1925.
- Тынянов Ю. Пушкин. М., 1936.
- Тынянов Ю. Литературный факт // Тынянов Ю. Поэтика, история, литературы, кино. М., 1977а. С. 255–270.
- Тынянов Ю. О литературной эволюции // Тынянов Ю. Поэтика, история, литературы, кино. М., 1977б. С. 270–281.
- Тынянов Ю. О пародии // Тынянов Ю. Поэтика, история, литературы, кино. М., 1977в. С. 284–310.
- Тынянов Ю. Стиховые формы Некрасова // Тынянов Ю. Поэтика, история, литературы, кино. М., 1977г. С. 18–27.
- Шкловский В. Воскресение слова // Шкловский В. Гамбургский счет: статьи – воспоминания – эссе (1914–1933). М., 1990. С. 35–39.
- Шкловский В. Связь приемов сюжетосложения с общими приемами стиля // Поэтика: сборники по теории поэтического языка. Пг., 1919. С. 115–150.
- Шкловский В. Сентиментальное путешествие. Воспоминания 1917–1922. Берлин, 1923а.
- Шкловский В. Зоо, или письма не о любви. Берлин, 1923б.

- Шкловский В. Пародийный роман. «Тристрам Шенди» Стерна // Шкловский В. О теории прозы. М.; Л., 1925. С. 139–161.
- Шкловский В. Техника писательского ремесла. М.; Л., 1927.
- Шкловский В. Как писать сценарии. Пособие для начинающих сценаристов с образцами сценариев разного типа. М.; Л., 1931.
- Якобсон Р., Тынянов Ю. Проблемы изучения литературы и языка // Тынянов Ю. Поэтика, история, литературы, кино. М., 1977. С. 282–283.
- Apperly I. Mindreaders: The Cognitive Basis of «Theory of Mind». Hove, 2011.
- Corrigan Yu. Dostoevsky and the Riddle of the Self. Evanston, IL, 2017.
- Emerson C. Shklovsky's ostranenie, Bakhtin's vnenakhodimost': How Distance Serves an Aesthetics of Arousal Differently from an Aesthetics Based on Pain // Poetics Today. 2005. №4. P. 637–664.
- Finer E. Turning into Sterne: Viktor Shklovsky and Literary Reception. L., 2010.
- Gellner E. Language and Solitude: Wittgenstein, Malinowski and the Habsburg Dilemma. Cambridge, 1998.
- Gigerenzer G., Selten R. Rethinking Rationality // Bounded Rationality: The Adaptive Toolbox / G. Gigerenzer, R. Selten (eds.). Cambridge, MA, 2001. P. 1–12.
- Goldman A.I. Imitation, Mind Reading, and Simulation // Perspectives on Imitation: From Neuroscience to Social Science / S. Hurley, N. Chater (eds.). Cambridge, MA, 2005. Vol. 1. P. 79–93.
- Heap Sh. H. Rationality in Economics. Oxford, 1989.
- Holquist M. Dialogism: Bakhtin and His World. 2nd ed. L., 2002.
- Jakobson R. Společná řeč kultury: Poznámky k otázkám vzájemných styků sovětské a západní vědy // Země sovětů, červenec. 1935. S. 109–111.
- Mercier H., Sperber D. The Enigma of Reason. Cambridge, MA, 2017.
- North D.W. A Tutorial Introduction to Decision Theory // IEEE Transactions on Systems Science and Cybernetics. 1986. Vol. SSC-4. №3. P. 200–210.
- Marx K. The Eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte. N. Y., 1963.
- Pietarinen A.-V. Games as Formal Tools versus Games as Explanations in Logic and Science // Foundations of Science. 2003. №8. P. 317–363.
- Popper K. The Logic of Scientific Discovery. L., 2005.
- Rousseau J.-J. Julie ou la Nouvelle Héloïse: Lettres de deux amans, Habitans d'une petite ville au pied des Alpes. Amsterdam, 1761.
- Schmitt C. Political Theology: Four Chapters on the Concept of Sovereignty. Chicago, 2005.
- Simons H. Invariants of Human Behavior // Annual Review of Psychology. 1990. №1. P. 1–19.
- Sterne L. A Sentimental Journey through France and Italy: By Mr. Yorick. L., 1768.
- Whitehead A. N. Science and the Modern World. N. Y., 1926.

Об авторе

Путер Стайнер, доктор филологии, заслуженный профессор Университета Пенсильвании, США.

E-mail: psteiner@sas.upenn.edu

Для цитирования:

Стайнер П. ОПОЯЗ и Бахтин: взгляд с позиций теории принятия решений // Слово.ру: балтийский акцент. 2019. Т. 10, №2. С. 6–25. doi: 10.5922/2225-5346-2019-2-1.

OPOIAZ AND BAKHTIN: THE DECISION SCIENCE'S PERSPECTIVE

P. Steiner¹

¹University of Pennsylvania
255 S, 36th Str., Philadelphia, 19104 – 6305, USA
Submitted on June 22, 2018
doi: 10.5922/2225-5346-2019-2-1

Decision science is a relatively new discipline: the product of a cross-pollination among mathematics, psychology, economy and a few other branches of knowledge. It studies how humans make their choices and purports to provide a “rational framework for choosing between alternative courses of action when the consequences resulting from this choice are imperfectly known.” In and of itself decision science is a vast field of intersecting theories and methodologies that I will exploit only in a limited manner – as it applies to particular views on literary production. My paper deals with the theories of Viktor Shklovsky and Iurii Tynianov outlining how these two members of the Petersburg “Society for the Study of Poetic Language” (OPOIAZ) conceived of the writer as a rational agent pursuing a specific goal, and of the means at his/her disposal to attain it. Their approaches, I will illustrate, correspond well to two specific types of rationality: “instrumental” and “bounded.” To conclude, I will juxtapose the Formalists’ conceptualization of poetic creativity to Mikhail Bakhtin’s view on the subject arguing that the way he conceives of the strategies available to the literary author fit the label of “interactive rationality.”

Keywords: Decision theory, poetics, instrumental, bounded, interactive rationality, Shklovsky, Tynianov, Bakhtin.

References

- Bakhtin, M., 2003. Author and hero in aesthetic activity. In: M. Bakhtin, ed. *Sobranie sochinenii. T. 1. Filosofskaya estetika 1920-kh godov* [Collected Works. Vol. 1. Philosophical aesthetics of the 1920s]. Moscow: Russkie slovari (in Russ.).
- Bakhtin, M., 2003. Toward a philosophy of the act. In: M. Bakhtin, ed. *Sobranie sochinenii. T. 1. Filosofskaya estetika 1920-kh godov* [Collected Works. Vol. 1. Philosophical aesthetics of the 1920s]. Moscow: Russkie slovari (in Russ.).
- Bakhtin, M., 2003. The problem of content, material and form in literary art. In: M. Bakhtin, ed. *Sobranie sochinenii. T. 1. Filosofskaya estetika 1920-kh godov* [Collected Works. Vol. 1. Philosophical aesthetics of the 1920s]. Moscow: Russkie slovari (in Russ.).
- Bakhtin, M., 1929. *Problems of creativity of Dostoevsky* [Problems of creativity of Dostoevsky]. Leningrad: Priboi (in Russ.).
- Belinkov, A., 1965. *Yurii Tynyanov* [Yury Tynyanov]. Moscow: Sovetskii pisatel' (in Russ.).
- Geine, G., 2015. *Germaniya. Zimnyaya skazka* [Germany. Winter fairy tale]. Translated by Yu. Tynyanova. Moscow: Tekst (in Russ.).
- Dostoevskii, F., 1973. *Zimnie zametki o letnikh vpechatleniyakh*. In: F. Dostoevskii, ed. *Polnoe sobranie sochinenii v 30 t.* [Complete Works in 30 vol.]. Vol. 5. Leningrad: Nauka. pp. 46–98 (in Russ.).
- Steiner, P., 2015. The Practice of Irony: “Zoo, or Letters Not About Love” by Viktor Shklovsky. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 133(3), pp. 169–181 (in Russ.).
- Steiner, P., 2016. Art, law and science in a modernist key: Shklovsky, Schmitt, Popper. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 139(3), pp. 16–30 (in Russ.).

Tynyanov, Yu., 1925. *Kyukhlya. Povest' o dekabryste* [Kühlya. The Tale of the Decembrist]. Leningrad: Kubuch (in Russ.).

Tynyanov, Yu., 1936. *Pushkin* [Pushkin]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura (in Russ.).

Tynyanov, Yu., 1977. The Literary fact. In: Yu. Tynyanov, ed. *Poetika, istoriya, literatura, kino* [Poetics, history, literature, cinema]. Moscow: Nauka. pp. 255–270 (in Russ.).

Tynyanov, Yu., 1977. About literary evolution. In: Yu. Tynyanov, ed. *Poetika, istoriya, literatura, kino* [Poetics, history, literature, cinema]. Moscow: Nauka. pp. 270–281 (in Russ.).

Tynyanov, Yu., 1977. About parody. In: Yu. Tynyanov, ed. *Poetika, istoriya, literatura, kino* [Poetics, history, literature, cinema]. Moscow: Nauka. pp. 284–310 (in Russ.).

Tynyanov, Yu., 1977. Nekrasov's verse forms. In: Yu. Tynyanov, ed. *Poetika, istoriya, literatura, kino* [Poetics, history, literature, cinema]. Moscow: Nauka. pp. 18–27 (in Russ.).

Shklovskii, V., 1990. The Resurrection of the Word. In: V. Shklovskii, ed. *Gamburgskii schet: stat'i – vospominaniya – esse (1914–1933)* [The Hamburg Account: articles – memoirs – essay (1914–1933)]. Moscow: Sovetskii pisatel'. pp. 35–39 (in Russ.).

Shklovskii, V., 1919. Connection of the methods of plot with the general methods of style. In: *Poetika: sborniki po teorii poeticheskogo yazyka* [Poetics: collections on the theory of poetic language]. pp. 115–150 (in Russ.).

Shklovskii, V., 1923. *Sentimental'noe puteshestvie. Vospominaniya 1917–1922* [Sentimental journey. Memories of 1917–1922]. Berlin: Gelikon (in Russ.).

Shklovskii, V., 1923. *Zoo, ili pis'ma ne o lyubvi* [Zoo, or letters are not about love]. Berlin: Gelikon (in Russ.).

Shklovskii, V., 1925. The novel as parody. Stern's Tristram Shandy. In: V. Shklovskii, ed. *O teorii prozy* [About prose theory]. Moscow-Leningrad: Krug. pp. 139–161 (in Russ.).

Shklovskii, V., 1927. *Tekhnika pisatel'skogo remesla* [Technique writing craft]. Moscow-Leningrad: Molodaya gvardiya (in Russ.).

Shklovskii, V., 1931. *Kak pisat' stsenarii. Posobie dlya nachinayushchikh stsenaristov s obraztsami stsenariev raznogo tipa* [How to write scripts. A guide for beginners script writers with samples of different types of scenarios]. Moscow-Leningrad: GIKhL (in Russ.).

Yakobson, R., Tynyanov, Yu., 1977. Problems of studying literature and language. In: Yu. Tynyanov, ed. *Poetika, istoriya, literatura, kino* [Poetics, history, literature, cinema]. Moscow: Nauka. pp. 282–283 (in Russ.).

Apperly, I., 2011. *Mindreaders: The Cognitive Basis of "Theory of Mind"*. Hove: Psychology Press.

Corrigan, Yu., 2017. *Dostoevsky and the Riddle of the Self*. Evanston, IL: Northwestern University Press.

Emerson, C., 2005. Shklovsky's ostranenie, Bakhtin's vnenakhodimost': How Distance Serves an Aesthetics of Arousal Differently from an Aesthetics Based on Pain. *Poetics Today*, 26(4), pp. 637–664.

Finer, E., 2010. *Turning into Sterne: Viktor Shklovsky and Literary Reception*. London: Modern Humanities Research Association.

Gellner, E., 1998. *Language and Solitude: Wittgenstein, Malinowski and the Habsburg Dilemma*. Cambridge: Cambridge University Press.

Gigerenzer, G., Selten, R., 1989. Rethinking Rationality. In: G. Gigerenzer, R. Selten, eds. *Bounded Rationality: The Adaptive Toolbox*. Cambridge, MA: MIT Press. pp. 1–12.

Goldman, A. I., 2005. Imitation, Mind Reading, and Simulation. In: *Perspectives on Imitation: From Neuroscience to Social Science* / S. Hurley, N. Chater (eds.). Cambridge, MA. Vol. 1, pp. 79–93.

- Hear, Sh. H., 1989. *Rationality in Economics*. Oxford: Basil Blackwell.
- Holquist, M., 2002. *Dialogism: Bakhtin and His World*. 2nd ed. Vol. 2. London: Routledge.
- Jakobson, R., 1935. Společná řeč kultury: Poznámky k otázkám vzájemných styků sovětské a západní vědy. In: *Země sovětů, červenec*. pp. 109–111.
- Mercier, H., Sperber, D., 2017. *The Enigma of Reason*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- North, D. W., 1986. A Tutorial Introduction to Decision Theory. *IEEE Transactions on Systems Science and Cybernetics*, Vol. SSC-4, no. 3, pp. 200–210.
- Marx, K., 1963. *The Eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte*. New York: International Publishers.
- Pietarinen, A.-V., 2003. Games as Formal Tools versus Games as Explanations in Logic and Science. *Foundations of Science*, 8, pp. 317–63.
- Popper, K., 2005. *The Logic of Scientific Discovery*. London: Taylor and Francis e-Library.
- Rousseau, J.-J., 1761. *Julie ou la Nouvelle Héloïse: Lettres de deux amans, Habitans d'une petite ville au pied des Alpes*. Amsterdam: Marc-Michel Rey.
- Schmitt, C., 2005. *Political Theology: Four Chapters on the Concept of Sovereignty*. Chicago: University of Chicago Press.
- Simons, H., 1990. Invariants of Human Behavior. *Annual Review of Psychology*, 41 (1), pp. 1–19.
- Sterne, L., 1768. *A Sentimental Journey through France and Italy: By Mr. Yorick*. London: T. Becket and P. A. De Hondt.
- Whitehead, A.N., 1926. *Science and the Modern World*. New York: Macmillan.

The author

Dr Peter Steiner, Professor Emeritus, University of Pennsylvania, USA.
E-mail: psteiner@sas.upenn.edu

To cite this article:

Steiner, P. 2019, OPOIAZ and Bakhtin: The Decision Science's Perspective, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 10, no. 2, p. 6–25. doi: 10.5922/2225-5346-2019-2-1.

АГИОГРАФИЯ: СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ¹

УДК 82.091

ЧЕРТЫ АГИОГРАФИЧЕСКОГО ЖАНРА В ЖИЗНЕОПИСАНИИ АЛЕКСАНДРА (ПЛУТАРХ «СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ЖИЗНЕОПИСАНИЯ»)

В. В. Малащенко¹

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14
Поступила в редакцию 09.10.2018 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2019-2-2

Рассматриваются отдельные черты агιογραφического жанра в жизнеописании Александра из «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха. При помощи реверсивного, компаративистского и структурно-семантического методов анализируется структура биографии Александра Македонского, образ главного героя, образ нарратора, ирреальность и обожествление героя. Прослеживается определенная типологическая конвергенция между жанром жития-биос и жанром античной биографии Плутарха, что отражено в первую очередь в структуре биографии Александра, которая строится по определенной модели, сюжетной схеме-шаблону, включающей происхождение, детство, воспитание, юность, зрелость, славные деяния, прижизненное обожествление и смерть героя. Корреляция двух жанровых форм позволила также выявить и исследовать такие аспекты, как специфику создания Плутархом биографического образа главного героя, вопрос судьбы человека, его предназначенности и свободы выбора, закрепленных и видоизмененных впоследствии в жанре жития; общность и отличие повествовательных стратегий, поскольку повествующая инстанция (недидеетический нарратор) в жанре агιογραφии явно соотносится с недидеетическим «множественным» нарратором биографии Плутарха. Устанавливается, что жанр античной биографии с его топосом частной жизни и развлекательно-назидательной функцией послужил субстратом жанра жития-биос.

Ключевые слова: Плутарх, Александр Македонский, биографический жанр, биография, агιοграфия, житие, жанр.

Генезис и онтология жанра жития уходят своими корнями в миф, сказания, легенды, исторические (Геродот, Фукидид) и биографические (Плутарх) жизнеописания Древней Греции, в пеан, риторический

---

¹ Статьи, составившие данный раздел, были представлены на Третьем Международном научном семинаре «Агиография в русском культурном пространстве. К 1030-летию Крещения Руси», состоявшемся в БФУ им. И. Канта 9–10 октября 2018 года. Подробнее о мероприятии см. в помещенном в этом же номере обзоре Л.Г. Дорощевой.

© Малащенко В. В., 2019

энкомий, панегирик, тренос; его следы можно отыскать в отдельных чертах эллинистического романа. Хронологически формирование самого агиографического жанра связано с первыми веками существования христианства, и почитание святых в православии постепенно становится важнейшей частью духовной жизни христианина. Однако «свой классический, канонизированный вид этот жанр получает в VI в.» (Попова, 1975, с. 218). Житийная литература в эпоху Средневековья — предпочитаемый вид историографии. Сам канон жития и способы изображения его героя закрепляются в Византии в VIII—XI веках. Как отмечает В. Живов, жития «составляют едва ли не самую обширную часть христианской литературы, со своими закономерностями развития, эволюцией структурных и содержательных параметров и т. д., и в этом плане являются предметом литературно-филологического рассмотрения» (Живов, 1994, с. 8—9).

На основе реверсивного, компаративистского и структурно-семантического методов мы ставим своей целью выявить и проследить черты агиографического жанра в жизнеописании Александра (Плутарх «Сравнительные жизнеописания», 105—115 годы н. э.) по четырем основным позициям: структура биографии Александра, образ главного героя, образ нарратора, ирреальность (чудеса) и наделение героя «святостью». В ходе анализа мы также обратим внимание на отличие отдельных аспектов биографического жанра от жанра агиографии.

Биографический жанр в древнегреческой литературе был достаточно широко представлен и до Плутарха. Он традиционно существовал в двух своих основных типологических разновидностях — *риторического энкомия* (сфера эпидейктического (торжественного) красноречия) и *гипомнематического (мемуарного) жанра* (биографии справочно-антикварного типа). «Главная функция жанра оставалась в принципе той же: это объясняющее, поясняющее описание — и в конечном счете также подведение под некую общую категорию! — личной формы существования, личного образа жизни, включение этого образа жизни в заранее наличную систему этико-характерологических или других координат» (Аверинцев, Почему Евангелия — не биографии?). В жанре античной биографии Плутарх считается классиком по праву. Он не только учитывал предшествующую традицию этого жанра, но и, как подчеркивает С. Аверинцев, создал «новый тип биографии — моралистико-психологический этюд. Он завоевал биографию для популярно-философской литературы, и это было *жанровой новацией*» (Аверинцев, 1973, с. 126). Назидательно-моралистический код биографий Плутарха и увлекательный сюжет — топос практически всех научно-критических работ по его творчеству. Именно этот аспект более всего сближает биографии Плутарха с агиографической дидактической моралистической традицией.

Структура биографии Александра у Плутарха. Биография Александра, как и биографии почти всех других героев «Сравнительных жизнеописаний», по форме строится по заданной схеме-шаблону — происхождение героя, детство, воспитание, юность, достижения и славные деяния, смерть.

Плутарх подчеркивает божественное происхождение героя: «Происхождение Александра не вызывает никаких споров: со стороны отца он вел свой род от Геракла через Карана, а со стороны матери — от Эака через Неоптолема (Плутарх, 1994, с. 116). Плутарх называет здесь «исторических» и мифологических прародителей Александра Македонского: Каран — легендарный основатель Македонского царства, Эак — Сын Зевса и речной нимфы Эгины, дед Ахилла, Неоптолем — сын Ахилла. Само рождение Александра сопровождалось различными знаменьями, что также свидетельствует о необычности этого героя. Плутарх, например, отмечает особое благоухание «изо рта и от всего тела» Александра (Плутарх, 1994, с. 117).

Структурно биография Александра Македонского во многих элементах схожа с каноническим *житием-биос*. В христианском житие-биос сюжет традиционен — происхождение героя от благочестивых родителей, его явная непохожесть и выделенность среди сверстников еще в детские годы, учение, отшельничество-монашество, преодоление различных искушений и т.д., в завершение — краткая похвала, то есть сам сюжет жития составлял духовный подвиг праведника. По мнению В.М. Живова, «житие святого — это не столько описание его жизни (биография), сколько описание его пути к спасению, типа его святости. Поэтому набор стандартных мотивов отражает прежде всего не литературные приемы построения биографии, а динамику спасения, того пути в Царствие Небесное, который проложен данным святым» (Живов, 1994, с. 10).

В биографии царя Александра прослеживаются определенные черты сходства с житием-биос, например заданная схема жизненного пути от рождения до смерти героя, присутствие рассказчика, наррация от 3-го лица, явная идеализация героя, описание его подвигов, всевозможные чудеса, знамения. Плутарх постепенно «разворачивает» перед читателем всю историю жизни своего героя в ее наиболее ярких проявлениях. В композиции биографии это закреплено Плутархом в последовательности глав, от 2-й по 76-ю включительно. При этом постоянно присутствует образ автора-нарратора, отбирающего и группирующего события в определенной последовательности. Время не пощадило биографию царя Александра, ее конец утрачен, что позволяет нам говорить о фактически «открытом» финале этого жизнеописания. Также отметим, что биография Александра является первой частью сравнительного жизнеописания «Александра и Цезаря», и 1-я глава-введение соотносится со структурой и с жизнью обоих героев, что неприемлемо в жанре агиографии, описывающей жизнь одного героя.

Образ главного героя. На протяжении всей биографии Плутарх подчеркивает избранность Александра, его человеческие достоинства — воздержанность, самоограничение, обходительность, заботу о родне и друзьях, самообладание, великодушие, щедрость, необыкновенную смелость, то есть все то, что часто определяет поведение героя житийной литературы. Например: «Если же доходило до дела, Александра не могли удержать, как это не раз бывало с другими полководцами, ни вино, ни сон, ни развлечения, ни женщины, ни занимательные зрелища. Об

этом свидетельствует вся его жизнь, которую, как коротка она ни была, он сумел заполнить многочисленными и великими подвигами» (Плутарх, 1994, с. 130). Еще один яркий пример мужества героя во время тяжелого похода Александра в Индию: «В боях Александр подвергал себя множеству опасностей и получил несколько тяжелых ранений, войско же его больше всего страдало от недостатка в съестных припасах и от скверного климата. Александр стремился дерзостью одолеть судьбу, а силу — мужеством, ибо он считал, что для смелых нет никакой преграды, а для трусов — никакой опоры (Плутарх, 1994, с. 153).

Как и в житийной литературе, в биографии Александра Плутарх неоднократно поднимает вопрос судьбы человека, его предназначенности и свободы выбора. «Если Александр ставил перед собой какую-либо цель, удержать его было невозможно. Ибо судьба, покровительствующая его устремлениям, делала его упрямым. Он не только ни разу не был побежден врагами, но даже оказывался сильнее пространства и времени; это поощряло его и без того пылкое честолюбие и увлекало на осуществление самых пылких замыслов» (Плутарх, 1994, с. 133). В биографии Плутарха, как и в агиографической литературе, можно заметить такую общую черту, как противостояние героев жизненным обстоятельствам и трудностям.

Плутарх в жизнеописаниях мастерски соединил назидательно-наставительные, педагогические и увлекательно-познавательные цели. При этом он остается объективным при изображении своего героя, показывает и отрицательные качества натуры Александра Македонского: «склонность к пьянству и вспыльчивость» (Плутарх, 1994, с. 118), «надменность и пренебрежение к законам» (Плутарх, 1994, с. 150).

Также Плутарх избирателен при описании жизни Александра, и не старается представить ее хронологически точно, во всех мельчайших деталях. Он сам говорит об этом в первой общей главе-введении жизнеописания Александра и Цезаря: «Мы пишем не историю, а жизнеописание, и не всегда в самых славных деяниях бывает видна добродетель или порочность, но часто какой-нибудь ничтожный поступок, слово или шутка лучше обнаруживают характер человека» (Плутарх, 1994, с. 116). Подобная избирательность присуща и жанру жития, в котором агиограф отбирает наиболее показательные, яркие периоды и примеры из жизни героя, «укладывающиеся» в жанровый канон жития-биос, опуская несущественные и неважные, выходящие за его рамки. Необходимо также учитывать и другую особенность. Не все этапы жизни царя Александра были известны Плутарху, точно так же, как не все этапы жизни святого знал агиограф. В свое время на это обратил внимание П. М. Бицилли, который пишет, что святого «узнают лишь с того момента, когда он начинает действовать как святой; однако мы хорошо знаем, что отсутствие материала редко когда рассматривалось агиографами как препятствие: на худой конец, — и это постоянное явление — недостающие сведения восполнялись готовыми шаблонами. Если "предыстория" святого обычно опускалась, то потому, что о ней просто не думали. В связи с этим стоит и другая хорошо известная черта — пренебрежение к хронологии, о чем часто агиографы прямо заявляют» (Бицилли, 1995, с. 159).

Подчеркну главное отличие героя жития от героя Плутарха. У последнего отсутствует главный компонент — подвиг веры, который святой совершает на протяжении всей своей жизни или в какой-то ее определенный отрезок.

Образ нарратора. Агиографическая литература создавалась книжниками, людьми образованными. Жития как обязательный компонент включали знаковую фигуру автора-нарратора, часто — очевидца описываемых событий из жизни святого. Такой тип повествователя традиционно характеризуется как недиегетический нарратор. В «Сравнительных жизнеописаниях» автор-нарратор так же занимает важное место, в том числе в исследуемой биографии, и сомневаться в его образованности нет оснований. У Плутарха, как и в жанре агиографии, это тоже недиегетический нарратор, но нарратор особенный, которого можно обозначить как недиегетического «множественного» нарратора. Появление подобного типа нарратора связано с тем, что Плутарх не просто повествует сам, но и постоянно ссылается на многочисленные свидетельства других авторов: «это я читал в записках Аристоксена» (Плутарх, 1994, с. 117), «как рассказывает Каллисфен» (Плутарх, 1994, с. 134), «об этом рассказывает Эратосфен» (Плутарх, 1994, с. 136), «Харет из Митилены рассказывает» (Плутарх, 1994, с. 151), «так говорит Онесикрит» (Плутарх, 1994, с. 155).

В агиографии автор сознательно находится ниже своего героя и, как отмечает М. М. Бахтин, «автор отказывается от себя, от своей индивидуально ответственной активности» (Бахтин, 1979, с. 161). Поскольку фигура автора жития и святого изначально несопоставимы и максимально разнесены в аксиологической иерархии, автор жития занимает позицию смиренной вненаходимости. Плутарх же в отношении со своим героем находится в позиции «сущностного равенства». Автор остается объективным, изображая не только достоинства, но и слабые стороны Александра, человека, а не святого. При этом он прекрасно осознает и всячески подчеркивает роль, место и историческую значимость царя Александра и Юлия Цезаря в жизни Древней Греции и Древнего Рима.

Ирреальность (чудеса) и наделение героя «святостью». Чудеса, вещие сны, видения и знамения — характерные черты житийного жанра. Каноническая сюжетная схема жития допускала различные допустимые отклонения от нее. Т. В. Попова отмечает, что «иногда житие следовало схеме только в начале, а потом повествовало исключительно о "чудесах", совершаемых "святым" на протяжении всей его жизни» (Попова, 1975, с. 234). Например, во введении «Жития Спиридона Тримифунтского» дано описание рождения, сообщается о родителях героя, его детстве, смирении и непорочности, а «далее автор приступает к рассказам о "чудесах" его, которыми заполняет всю остальную часть жития» (Попова, 1975, с. 234). В биографии Александра Плутарх приводит многочисленные чудеса, видения, вещие сны и предсказания для того, чтобы акцентировать необычность своего героя. Обозначим лишь некоторые ирреальные эпизоды:

— видение Олимпиады (матери Александра Македонского) накануне первой брачной ночи с Филиппом, в котором молния поразила ее в чрево (Плутарх, 1994, с. 116);

— пот, капающий с деревянной статуи Орфея в Либетрах, когда Александр выступил в поход (Плутарх, 1994, с. 124);

— во время осады в Финикии города Тира во сне Александр увидел, как Геракл «протягивает ему со стены руку и зовет его к себе» (Плутарх, 1994, с. 131);

— во время похода в Египет, «когда оказалось, что вежи, расставленные в помощь проводникам, уничтожены и македоняне блуждали без дороги, теряя друг друга, вдруг появились вороны и стали указывать путь. Они быстро летели впереди, когда люди шли за ними следом, и поджидали медливших и отстававших. Самое удивительное, как рассказывает Каллисфен, заключалось в том, что ночью птицы криком призывали сбившихся с пути и каркали до тех пор, пока люди снова не находили дорогу» (Плутарх, 1994, с. 134).

Так или иначе, все эти чудеса Плутарх приводит с единственной целью — показать исключительность, величие и божественное происхождение Александра Македонского.

Наделение героя «святостью». Понятие «святости» — важнейшее для агиографического жанра. Однако это понятие, каноническое для жития, складывается далеко не сразу. П. М. Бицилли очень точно отмечает этот момент: «Кто знаком с житийной литературой Средневековья, знает, какую ничтожную роль в житиях святых — по крайней мере до периода возбуждения исторического понимания под влиянием мистики — играет для агиографов проблема достижения святым святости. Святой или сразу выступает на историческое поприще уже "совсем готовым" святым, или же глухо упоминается о его внезапном "обращении"» (Бицилли, 1995, с. 159). Мы также помним о том, что к религиозному мировоззрению и языческому сознанию древних греков и римлян понятие святости неприменимо, поскольку это сознание изначально политеистично. И только монотеизм, единобожие является порождающей основой святости. Этот момент предельно точно отмечает Е. Н. Никулина: «Источник святости христиан — в святости Христа. Именно Он наделяет святостью членов основанной Им Церкви. В ней для человека открывается возможность *восстановления его поврежденной грехом природы, преобразования ее под действием благодати, обожения*» (Никулина, 2008). Отметим наиболее показательные эпизоды необычности и обожествления личности Александра в его жизнеописании у Плутарха:

— божественное происхождение: со стороны отца Александр ведет свой род от Геракла, со стороны матери — от Зевса (бог в образе змеи спал с Олимпиадой);

— внешность Александра: «Кожа Александра очень приятно пахла, а изо рта и от всего тела исходило благоухание, которое передавалось его одежде, — это я читал в записках Аристоксена» (Плутарх, 1994, с. 117);

— обожествление Александра: египетские жрецы провозгласили Александра фараоном, и в оазисе Сива (Египет) жрец бога Амона, «обратившись к Александру, сказал ему, что бог Аммон приветствует его

как своего сына» (Плутарх, 1994, с. 134). Ответ оракула Амона таким образом «уравнял» Александра с фараоном, и «Александр использовал для укрепления своей власти этот акт египетских жрецов и приказал именовать себя сыном бога Амона» (История Древней Греции, 1962, с. 390). Французский историк Пьер Левек рассказывает о том, как было преодолено негативное отношение греков к обожествлению Александра: «Александр в гневе расправляется с эллинской оппозицией: казнит Клита, бросает в темницу Каллисфена, племянника Аристотеля. Постепенно оппозиция ослабевает. Афины воздают ему почести как новому Дионису. В 324 году до н. э. греческие полисы посылают в Вавилон феонов (послов, направляемых к богам) для возложения на Александра золотого венца» (Левек, 1989, с. 12).

Обратим внимание на важный заключительный вывод Плутарха из 28-й главы жизнеописания Александра: «Из всего сказанного ясно, что Александр сам не верил в свое божественное происхождение и не чванился им, но лишь пользовался этим вымыслом для того, чтобы поработать других» (Плутарх, 1994, с. 135). Плутарх, подчеркивая божественное происхождение и экстраординарность Александра, тем не менее изображает его живым человеком, со всеми его положительными и отрицательными чертами.

Таким образом, сам жанр античной биографии с его культом частной жизни и развлекательно-поучительной функцией послужил питательной почвой для агиографического жанра, откуда он черпал свои, ставшие впоследствии каноническими, признаки и черты.

Список литературы

Аверинцев С.С. Добрый Плутарх рассказывает о героях, или счастливый брак биографического жанра и моральной философии // Плутарх. Сравнительные жизнеописания : в 2 т. 2-е изд., испр. и доп. М., 1994. Т. 1. С. 637–653.

Аверинцев С.С. Плутарх и античная биография: к вопросу о месте классика жанра в истории жанра. М., 1973.

Аверинцев С.С. Почему Евангелия – не биографии? URL: https://azbyka.ru/otechnik/Sergej_Averincev/pochemu-evangelija-ne-biografii/ (дата обращения: 12.11.2018).

Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 7–180.

Бицилли П.М. Элементы средневековой культуры. СПб., 1995.

Живов В.М. Святость : краткий словарь агиографических терминов. М., 1994.

История Древней Греции. М., 1962.

Левек П. Эллинистический мир. М., 1989.

Никулина Е.Н. Агиология : курс лекций. М., 2008. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Zhitija_svjatykh/agiologija/ (дата обращения: 14.11.2018).

Попова Т.В. Античная биография и византийская агиография // Античность и Византия. М., 1975. С. 218–266.

Плутарх. Александр // Плутарх. Сравнительные жизнеописания : в 2 т. М., 1994. Т. 2. С. 116–164.

Об авторе

Владимир Владимирович Малащенко, кандидат филологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: vladmalkbg@yandex. ru

Для цитирования:

Малащенко В.В. Черты агиографического жанра в жизнеописании Александра (Плутарх «Сравнительные жизнеописания») // Слово.ру: балтийский акцент. 2019. Т. 10, №2. С. 26 – 34. doi: 10.5922/2225-5346-2019-2-2.

THE HAGIOGRAPHIC GENRE OF THE LIFE OF ALEXANDER (PLUTARCH'S COMPARATIVE BIOGRAPHIES)

V. V. Malashchenko¹

¹Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236016, Russia
Submitted on October 09, 2018
doi: 10.5922/2225-5346-2019-2-2

The article describes the main features of the hagiographic genre in the Life of Alexander from Plutarch's Comparative Biographies. I use the comparative, reverse and structural-semantic methods to analyse the biography of Alexander the Great, the images of the protagonist and the narrator, the unreality and the deification of the protagonist. There is a certain typological convergence between bios as a genre and Plutarch's ancient biographies. This convergence is reflected in the structure of Alexander's biography, which is built according to a certain model, a plot-scheme pattern, and includes Alexander's birth, childhood, upbringing, adolescence, maturity, his victories, lifetime deification and death. The correlation of the two genre forms helps to reveal and explore the biographic image of Plutarch's main character as well as his human fate, the aim of life and the freedom of choice. These aspects are reflected in the hagiographic genre. I analyse the similarities and differences of the narrative strategies employed since the narrative (non-diegetic narrator) in the hagiography genre is clearly related to the non-diegetic "multiple" narrator of Plutarch's biography. I argue that the genre of ancient biography with its topos of private life and its entertaining and instructive functions serves as a nutrient substrate for the formation of the genre of bios.

Keywords: *Plutarch, Alexander the Great, biographical genre, biography, hagiography, life, genre.*

References

Averintsev, S.S., 1994. Good Plutarch tells about heroes, or happy marriage of a biographical genre and moral philosophy. In: *Plutarkh. Sraonitel'nye zhizneopisaniya: v 2 t.* [Plutarch. Comparative biographies: in 2 tons]. Vol. 1. Moscow: Izdatel'stvo «Nauka». pp. 637 – 653 (in Russ.).

Averintsev, S.S., 1973. *Plutarkh i antichnaya biografiya: k voprosu o meste klassika zhanra v istorii zhanra* [Plutarch and ancient biography: to the question about the place of the classic of the genre in the history of the genre]. Moscow: «Nauka» (in Russ.).

Averintsev, S.S., n.d. *Pochemu Evangeliya – ne biografii?* [Why are the Gospels not biographies?]. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Sergej_Averincev/pochemu-evangelija-ne-biografii/ [Accessed 12 November 2018] (in Russ.).

Bakhtin, M.M., 1979. Author and hero in aesthetic activity. In: M.M. Bakhtin, ed. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskusstvo. pp. 7–180 (in Russ.).

Bitsilli, P.M., 1995. *Elementy srednevekovoi kul'tury* [Elements of medieval culture]. Vol. XXVIII. St. Petersburg: Mifril (in Russ.).

Zhivov, V.M., 1994. *Svyatost': kratkii slovar' agiograficheskikh terminov* [Holiness: A short dictionary of hagiographic terms]. Moscow: «Gnozis» (in Russ.).

Avdiev, V.I., Pikus, N.N., eds., 1962. *Istoriya Drevnei Gretsii* [History of ancient Greece]. Moscow: «Vysshaya shkola» (in Russ.).

Levek, P., 1989. *Ellinisticheskii mir* [Hellenistic world]. Moscow: Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury (in Russ.).

Nikulina, E.N., 2008. *Agiologiya: kurs lektsii* [Hagiology: a course of lectures]. Moscow: PSTGU. Available at: URL: https://azbyka.ru/otechnik/Zhitija_svjatykh/agiologija/ [Accessed 14 November 2018].

Popova, T.V., 1975. *Antichnaya biografiya i vizantiiskaya agiografiya* [Antique biography and Byzantine hagiography]. *Antichnost' i Vizantiya*. Moscow: «Nauka» (in Russ.).

Plutarkh, A., 1994. *Plutarkh. Sravnitel'nye zhizneopisaniya: v 2 t.* [Plutarch. Comparative biographies: in 2 vol.]. Vol. 2. Moscow: Izdatel'stvo «Nauka» (in Russ.).

The author

Dr Vladimir V. Malashchenko, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: vladmalkbg@yandex.ru

To cite this article:

Malashchenko, V.V. 2019, The hagiographic genre of the life of Alexander (Plutarch's *Comparative biographies*), *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 10, no. 2, p. 26–34. doi: 10.5922/2225-5346-2019-2-2.

ЖАНР ЖИТИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ КОНРАДА ВЮРЦБУРГСКОГО

А. И. Васкиневич¹

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14
Поступила в редакцию 10.12.2018 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2019-2-3

Рассматриваются три стихотворных жития, созданные немецким средневековым поэтом XIII века Конрадом Вюрцбургским. Это жития святых, почитаемых как католической, так и православной церквями: святого Сильвестра, папы Римского, святого Алексия, человека Божия и святого Пантелеимона. Особое внимание уделено обоснованию Конрадом Вюрцбургским концепции жанра, к которому он обращается, его сущностных особенностей, специфики читательской рецепции текстов житийной литературы. Обосновывается стремление средневековых немецких авторов создавать духовную литературу в поэтической форме. Приводится характеристика терминов, обозначающих в немецкой традиции жанр жития в средневековую эпоху, в сравнении с понятием, употребляемым Конрадом Вюрцбургским. Рассматриваются особенности оформления текста, функции пролога и эпилога. Анализируются некоторые особенности сюжетосложения упомянутых житий. Подчеркивается значение творчества Конрада Вюрцбургского для становления жанрового канона жития святых в немецкой литературе.

Ключевые слова: житие, Конрад Вюрцбургский, немецкая средневековая литература.

Конрад Вюрцбургский — немецкий поэт XIII века (1220/30—1287). Несмотря на свое имя — Конрад из Вюрцбурга — большую часть жизни он провел в Базеле, где и похоронен в Кафедральном соборе. Он был профессиональным поэтом, состоявшим на службе у базельского патрициата. Его перу принадлежат произведения разных жанров. Это и рыцарские романы, и зарождающаяся новеллистика («Повесть о сердце»), и различные лирические произведения (шпрухи, лейхи, любовные песни). Значительный вклад он внес и в развитие духовной литературы. Сюда относятся и стихотворная аллегория «Мзда мира» (*Der Welt Lohn*), и восхваляющее Деву Марию религиозное стихотворение «Золотая кузница» (*Die goldene Schmiede*), и три стихотворных жития (приводятся в предположительной последовательности времени их создания): «Сильвестр» (*Silvester*) — о папе Римском Сильвестре, «Алексий» (*Alexius*) — об Алексии, человеке Божием, «Панталеон» (*Pantaleon*) — о святом целителе Пантелеимоне. Все три жития были написаны примерно в 70—80-е годы XIII века (Konrad, 1974, S. X—XII) и посвящены древним святым III—V веков. На русский язык эти немецкие стихотворные жития не переводились и у нас практически не изучены. Основной русскоязычной работой по творчеству Конрада Вюрцбургского являет-

ся исследование Ю. А. Гугнина (Гугнин, 2003). Непосредственно житиям посвящена работа Т. Р. Джексона (Jackson, 1983). Актуальная обновляемая немецкоязычная библиография произведений Конрада Вюрцбургского и литературы о нем, включающая в том числе как ряд изданий текстов написанных им житий, так и научные труды, их касающиеся, размещена на сайте университета Торонто (Horsfall, Stock, 2017). В статье жития цитируются по тем изданиям, которые оказались доступны (что представляется возможным для анализа жанровой специфики), более современными являются издания «Сильвестра» и «Алексия» под редакцией П. Гереке (Konrad, 1925; Konrad, 1926) и издание «Панталеона» под редакцией Т. Нойкирхена (Konrad, 2008).

Литература на немецком языке, посвященная святым, начинает развиваться еще в древневерхненемецкий период. Первым произведением житийной традиции на немецком языке традиции считается «Песнь о святом Георге» (Georgslied), написанная в конце IX века и восходящая к латинскому источнику (Paul, 1984, S. 123). Более поздние житийные тексты на немецком языке тоже в основном основывались на материале латинских образцов. Хотя иногда и немецкий текст, в свою очередь, становился импульсом для сочинения на латинском языке. Так, например, написанная в конце IX века монахом Ратпертом из Санкт-Галлена на материале латинского прозаического жития поэтическая «Похвала святому Галлу» (*Lobgesang auf den heiligen Gallus*) была переведена на латинский язык Эккехардом IV, а затем утрачена (Wehrli, 1997, S. 98).

На латинские источники при создании житий опирался и Конрад Вюрцбургский, хотя к тому времени бытовали и народные легенды об этих святых; новейший обзор источников и истории их изучения см. в статье С. Гризе (Griese, 2013, S. 59–61). Предположительно, первым стихотворным житием, написанным поэтом, было житие святого Сильвестра. В прологе к нему (стихи 1–100) Конрад Вюрцбургский заявляет свою цель — создать немецкое стихотворное переложение латинской легенды: «daz ich diz buoch verrihte, / und ez in tiusch getiht / bringe von latine» (Grimm, 1841, S. 4). Аналогичными словами и тоже в прологе выражается указание на то, что «Алексий» стал переложением на немецкий язык с латыни: «sô daz sîn leben ûs genomen / daz in latine stat geschieben / werde in tiusch von mir getrieben» (Konrad, 1898, S. 23). Похожую формулировку можно найти и в «Панталеоне», но уже в эпилоге: «brâht er si von latine ze tiuscher worte schîne» (Konrad, 1974, S. 72). Свою заслугу Конрад Вюрцбургский видит именно в том, что создал тексты этих житий на немецком языке.

Все три жития были написаны по заказу благочестивых благотворителей. И свое имя, и их имена Конрад Вюрцбургский называет либо в прологе, либо в эпилоге к житиям (аналогично тому как сегодня указываются сценарист, режиссер и продюсеры в начальных или финальных титрах фильмов). В «Сильвестре» поэт указывает имя заказчика в прологе, в цитируемом издании Гримма он назван как господин Лютольд фон Рётенляйн (Grimm, 1841, S. 3), по современным данным — Лютольд II фон Рётельн, настоятель кафедрального собора Базеля. Поскольку бла-

готворитель был духовным лицом, в качестве важной детали упоминается и молитвенное сопровождение самим благотворителем выполнения этого заказа: «durch die bete sine tuon ich ez als ich beste kan» (Grimm, 1841, S. 4) («по его молитвам я сделаю все настолько хорошо, насколько смогу»), — пишет Конрад. Возможно, духовный сан заказчика побудил поэта указать его имя в прологе к житию святого Сильвестра. В «Алексии» и «Панталеоне» заказчики упомянуты в эпилогах. Благотворителями «Алексия» выступили Иоганн фон Бермесвиль и Генрих Изенлин. Заказчиком «Панталеона» был Иоганн фон Аргуэль. Он входил в городской совет и был прокуратором базельского госпиталя (Konrad, 1974, S. IX). Вероятно, это определило его желание получить перевод жития святого Пантелеимона, особо почитавшегося как целителя. Хотя прокуратором базельского госпиталя был также и Генрих Изенлин, один из заказчиков жития святого Алексия (Konrad, 1898, S. 22).

В немецкой медиевистике принято употреблять по отношению к житиям латинский термин *vita*, к житийным сюжетам и созданным на их основе произведениям применяется также понятие «легенда» (*Legende*), жанровые признаки которой в целом соответствуют жанру жития: она посвящена святому, почитаемому в литургической практике, изображает святого как последователя Христа, рассказывает его историю, повествует о чудесах, ее хронотоп связан с пространством и временем священной истории (*Heilsgeschichte*). Латинские сборники историй о святых также могли обозначаться термином *legenda*, например известная *Legenda aurea* — «Золотая легенда» Иакова Ворагинского. В отличие от жития (*Vita*) легенда может описывать не всю жизнь святого, а лишь одно чудо (Wehrli, 1997, S. 96).

Однако сам Конрад Вюрцбургский обозначает жанр жития иначе, как «*göttliche maere*» — благочестивое сказание, священную легенду, похвалу святому. Слово «*göttlich*» в средневерхненемецком означает не только «божественный» (*göttlich*), но и «святой», «священный» (*heilig*), «благочестивый» (*fromm*) (Hennig, 2001, S. 136). Если слово «*legenda*» — это «то, что нужно прочитать», «то, что достойно прочтения», то глагол *mâren* в древневерхненемецком означает «возвещать», «хвалить» (Wahl, 1997, S. 87, 90). Несмотря на то что в средневерхненемецком его значение в целом изменяется до «совершаться, происходить» (*sich darstellen / ereignen*) (Hennig, 2001, S. 216), древний смысл, вероятно, сохраняется в рамках житийной литературы, где жанр жития сближается с похвалой, панегириком. Существительное *mære* многозначно, это и «история» (*Geschichte*), и «рассказ», «повесть» (*Erzählung*), и «весть» (*Botschaft*), и «речь» (*Rede*), и «слово» (*Wort*), и др. (Hennig, 2001, S. 217). Позднее *mære* сближается с новеллой (Achnitz, 2000, S. 185) и в итоге трансформируется в сказку — *Märchen*. У самого Конрада Вюрцбургского жанровые границы *mære* достаточно широки. Этот термин применяется не только по отношению к житиям, но и к произведениям новеллистического характера, ярким примером чему может служить «Повесть о сердце» — *Herzmære*, и к произведениям назидательно-аллегорическим, так, «Мзда мира» (*Der Welt Lohn*) начинается с обращения к читателю: «*Ir werlte*

minnaere, vernehmend disiu maere» (Konrad, 1999, S. 50), что значит «Вы, любители мира, послушайте этот рассказ». Какими бы разными ни были произведения жанра *maere* у Конрада Вюрцбургского, все они носят назидательный характер.

Пролог к «Сильвестру» тоже начинается с обращения к читателю и концептуального обоснования самого жанра, который Конрад Вюрцбургский использует, его сущности и ценности. С точки зрения поэта, рассказ о житии святого «приносит двойной плод»:

Ez bringet zweiger hande frucht
daz man die wârheit mit genuht
von götlichen maeren saget (Grimm, 1841, S. 1).

Жанровая дидактика строится на евангельском основании. «По плодам их узнаете их» (Мф 7:16) — принцип оценки, изложенный в Новом Завете. Но что это за «двойной плод»?

Средневерхненемецкое слово «wârheit» по значению близко к современному нем. *Wahrheit* — «истина», «правда», хотя имеет и другие значения (Hennig, 2001, S. 456). Средневерхненемецкое *genuht* имело ряд значений: «радость» (*Freude*), «полнота» (*Fülle*) и др., однокоренной глагол *genügen*, сохранившийся в современном немецком языке (*genügen* — «хватать, быть достаточным»), раньше имел и значение «быть довольным» («*zufrieden sein*») (Hennig, 2001, S. 112). Но в современном немецком языке есть еще и однокоренной глагол *vergnügen* — «развлекать» и существительное *Vergnügen* — «удовольствие». С. Гризе переводит употребленное здесь Конрадом слово «*genuht*» как «*Freude*» — «радость» (Griese, 2013, S. 61), но тут же интерпретирует «двойной плод» как отсылку к принципу «развлекая, поучай» (Griese, 2013, S. 62), основанному на представлении Горация, выраженном в его «Поэтическом искусстве», что поэты могут либо поучать читателя, либо развлекать его, либо совмещать прекрасное с полезным. Христианский подход исключал развлечение как единственную цель искусства. Однако эстетическая сторона в средневековую эпоху играла большую роль и для литературы духовного содержания. Одной из причин обоснования заботы о совершенстве поэтической формы была попытка конкуренции с художественным стилем античных мастеров слова. Еще Хротсвита Гандерсгеймская (938—973) в предисловии к своим драмам пишет о том, что христиане обращаются к языческим книгам ради художественности их языка, читают измышления Теренция ради стилистической изысканности и попадают под влияние языческого содержания. Хротсвита ставила своей задачей подражание Теренцию в том, что касается языка и поэтической формы, но, изменив содержание пьес в оппозицию античному автору, воспевающему греховные блудные похождения, создавала произведения, прославляющие целомудрие святых дев (Hrotsvita, 1998, S. 47—49). Немецкая духовная литература носит поэтический характер, в том числе и для того, чтобы конкурировать с античными, языческими произведениями, не уступая им в уровне худо-

жественности, литературности, но превосходя их в христианском содержании. Жития Конрада Вюрцбургского, как и многие другие произведения немецкой духовной литературы, в том числе и этого жанра, написаны в стихотворной форме, представляют собой высокие образцы поэтического творчества. Возможно, в этом вообще заключается главная особенность христианской литературы западной традиции, в этом ключе трактует принцип «двойного плода» Конрада Вюрцбургского и С. Коксон: «Аргумент, что поэзия должна иметь двойной эффект, совмещать развлечение и мораль, был распространенным и представлял существенный аспект средневековой литературной теории» (Сохон, 2001, р. 100).

В качестве гипотезы можно выдвинуть предположение, что выбор Конрадом Вюрцбургским слова «*genuht*» был не случаен. Вряд ли удастся полностью восстановить авторскую интенцию, но известно, что спектр значений этого слова в употреблении самого поэта достаточно богат, что подтверждается выборкой из его произведений, представленной в Словаре средневенгерского языка под редакцией В. Мюллера, где отмечается, что это было любимое слово Конрада Вюрцбургского (BMZ, Bd. II/1, Sp. 354b). Традиционно словари средневенгерского языка не дают значения «развлечение» для слова «*genuht*», однако контекстуальное его употребление в этом смысле при обосновании теории «двойного плода» кажется убедительным. Однако основное значение «радость» позволяет сместить смысловые акценты в сторону не просто эстетического удовольствия, а именно христианского понимания радости. Это доказывается и введением второй, синонимической, пары слов для выражения той же мысли. Как дерево приносит и полезный плод, и прекрасные цветы, так же и жития святых соединяют в себе пользу и радость («*nütze unde fröudenbare kan ez mit ein ander wesen*»), поэтому их так любят читать добрые люди. Таким образом, «польза» сближается с «истиной», а «удовольствие» — с «радостью». Истина и радость — ключевые понятия христианства. В сознании читателя, знакомого с Евангелием, возникают слова Христа «...и познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин. 8:32), «Я есть путь и истина и жизнь» (Ин. 14:6), «...да радость Моя в вас пребудет, и радость ваша будет совершенна» (Ин. 15:11) и др. Вопреки расхожему мнению, текст Священного Писания был знаком немецкому читателю в Средние века не только на латыни. В IX веке появляется двуязычный переводной текст Евангельской гармонии сирийца Татиана на латинском и древневерхненемецком, затем на его основе — «Хелианд» («Спаситель»), а также «Евангельская книга» Отфрида, в это же время возникают переводы не только текстов Нового Завета, но и Книги Бытия и Псалтири. В дальнейшем эта переводческая традиция не прекращается, известны и другие, более поздние, но выполненные задолго до М. Лютера переводы Евангелия на немецкий язык. Актуализировали ли евангельские смыслы выбранные лексические средства, могло бы показать сопоставление лексических средств передачи новозаветных концептов, но это тема для дальнейших исследований, пока остановимся на утверждении

о несомненной взаимосвязи текста жития с Евангелием на смысловом, концептуальном уровне. Таким образом сразу устанавливается связь с Евангелием, с проповедью Христа, формируется читательская установка на восприятие излагаемого сюжета как Священной истории, настраивается восприятие читателя на включенность в эту историю, которая и к нему имеет непосредственное отношение и должна побудить его преодолеть собственные грехи и возрасти духовно. Она помогает двигаться вперед («ez tribet fürder») и прогоняет тяжкую тоску («und verjaget den liuten swaeren urdrutz»). И польза ее столь велика, что человек исправляется, становится лучше:

und gît dâ bî sô rîchen nutz,
daz man dervon gebezzeret wirt (Grimm, 1841, S. 1).

У человека, слушающего легенды о мучениках и их добродетелях, благородное сердце («ein edel herze»). Он обретает блаженство, ему становится чужд грех. Духовная литература всегда предполагает активную читательскую позицию, это ее сущностная черта, человек читает духовную литературу именно для того, чтобы она дала ему духовные ориентиры и помогла жить христианской жизнью. Образ святого является примером для подражания, через него Бог являет свои чудеса. Святые становятся для христианина путеводной звездой (leitsterne) и светом христианства (licht der cristenheit), а их жизнь — чистым зеркалом (lûter spiegelglas, выражаясь по-русски, «честным зеркалом») (Grimm, 1841, S. 1–2).

Пролог «Алексия» (стихи 1–56) начинается с обращения к Богу как творцу мироздания: «Got, schepfer über alliu dinc» (Konrad, 1898, S. 23), к Богу направлены и слова поэта о том, что он славит Его раба, рассказывая о жизни последнего: «daz ich geprîse dinen kneht / und ich des leben hie gesage» (Konrad, 1898, S. 23). Житие Алексия также должно представить образец благочестивой жизни и укрепить его читателей в добродетели. Заканчивается пролог обращением к читателю, призывом «открыть свои уши и сердце» («sîn oren und des herzen ger»), чтобы услышать о чудесах, произошедших в жизни святого (Konrad, 1898, S. 25). Подобный призыв встречается и в «Панталеоне»: «swer nû sîn leben welle / vernemen hi emit reiner ger, / der biete herze und ôren her» (Konrad, 1974, S. 3). Он также восходит к обращению Христа к людям: «Имеющий уши, да услышит» (Мф. 11:15, Мф. 25:30) и пояснению, данному ученикам на вопрос, отчего он говорит притчами: «...ибо огрубело сердце людей сих и ушами с трудом слышат, и глаза свои сомкнули, да не увидят глазами и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и да не обратятся, чтобы Я исцелил их» (Мф. 13:15)

В прологе к «Панталеону» (стихи 1–66) поэт также обосновывает важность чтения жития мучеников. Они укрепляют сердце («ein herze wirt gesterket») и делают его чуждым греху («und wirt im sünde wilde»). Конрад подчеркивает истинность рассказываемой истории («wil ich ein wâres maere sagen») и значение обращения к житию святого: «Кто держит перед глазами его смерть и почитает его на земле, того он обратит

и избавит от мук» (Konrad, 1974, S. 2). В прологе возникает и понятие образа (bild). Несомненно, оно связано с представлениями о том, что человек сотворен по образу и подобию Божию, житие является нарративным аналогом иконы. Святой снова назван «светом христианства» («licht der kristenheit»), способным пробудить в сердцах истинную любовь («glanz der wâren mine»). Здесь важна отсылка к Нагорной проповеди: «Вы — свет мира. <...> Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (Мф. 5:14–16). Прославлением святого и его чудес также заканчивается и эпилог, соответственно, композиционно замыкается рамочная конструкция.

Что касается житийных сюжетов, излагать их здесь нет необходимости. Все святые, которым посвящены поэтические жития Конрада Вюрцбургского, почитаются и в католической, и в православной церкви, хотя святой Пантелеимон и Алексий, человек Божий, несомненно, в православной культуре известны больше, чем святой Сильвестр. В западной традиции последний известен даже в светской культуре, поскольку день его памяти приходится в католицизме на 31 декабря, в современном немецком языке в связи с секуляризацией произошло смещение значения, и выражение «Silvester feiern» стало употребляться в смысле «справлять Новый год». Тем не менее жития всех трех святых: святого Пантелеимона, Алексия, человека Божия, и святого Сильвестра входят как в мартирологи католической церкви, так и в Четьи minei (жития святых) святителя Димитрия Ростовского (1651–1709) и известны православному читателю. Единственное, чего не учитывает западная традиция, и в том числе Конрад Вюрцбургский, — это изменение имени Панталеон (рус. Пантолеон) — «лев во всем» — на Пантелеимон («всемиловитый»), что отражено в житиях восточной традиции, в частности у Димитрия Ростовского. Есть и другие нюансы обработки сюжета. Например, время действия «Панталеона» Конрада Вюрцбургского соответствует легенде — это 303 год, когда по приказу Диоклетиана римский император Максимиан начал проводить политику преследования христиан. Именно с упоминания этого факта и начинается основная часть «Панталеона»: «Ein keiser hiez Maximiân. / bî des zîten wart getân / der kristenheite schaden gnuoc» (Konrad, 1974, S. 3). А вот место действия поэт перенес из Никомедии в Рим: «...waz ze Rôme sezhaft» (Konrad, 1974, S. 3). Таким образом, местом событий всех трех житий оказывается Рим. С указания на место действия начинается основная часть повествования «Сильвестра»: «Ze Rôme ein witewe saz hie vor» (Grimm, 1841, S. 4) и «Алексия»: «Ze Rôme ein edel here was» (Konrad, 1898, S. 25).

Однако некоторые видоизменения сюжета не являются существенными для жанра жития. Главное, что соблюдается основной принцип: сюжет выстроен так, чтобы житие святого соотносилось с жизнью Иисуса Христа, было вписано в Священную историю. Например, в «Панталеоне» сюжетная схема жития изображает жизнь целителя как подражание Христу. Панталеон становится целителем, убедившись,

что истинный целитель — Христос, поскольку, помолившись ему, он смог воскресить мальчика, укушенного большой змеей (у Димитрия Ростовского — ехидной). Это чудо соотносится с чудом, совершенным самим Христом, воскресившим сына вдовы (Лк. 7:12–15). Далее Панталеон, также по аналогии с Христом (Лк. 18: 35–43), совершил чудо исцеления слепого, после чего уверовал и крестился отец Панталеона Евсторий. Император Максимиан испытывает Панталеона, сможет ли он именем Христовым исцелить расслабленного. И святой совершает и это чудо в подражание Христу (Лк. 5: 17–20 и Ин. 5: 1–15). Кроме того, страдания и мученическая смерть святого по существу, хотя не в деталях, повторяют страдания и мученическую смерть Христову и сопровождаются новыми многочисленными чудесами.

Таким образом, Конрад Вюрцбургский теоретически обосновывает и утверждает своими произведениями жанровый канон жития святого на почве немецкой литературы. Сопоставление житийных сюжетов в западной и восточной традициях могло бы стать перспективой дальнейших исследований.

Список литературы

Гугнин Ю. А. Творчество Конрада Вюрцбургского в контексте немецкой литературы XIII века. М. ; Новополюцк, 2003.

Admütz W. Ein mære als Bispel. Strickers Verserzählung «Der kluge Knecht» // *Honemann V., Tomasek T.* (Hg.). *Germanistische Mediävistik.* Münster, 2000. S. 177–204.

BMZ = *Mittelhochdeutsches Wörterbuch.* Mit Benutzung des Nachlasses von Georg Friedrich Benecke ausgearbeitet von Wilhelm Müller und Friedrich Zarncke : 3 Bde. Leipzig, 1854–1866. URL: http://woerterbuchnetz.de/cgi-bin/WBNetz/wbgui_py?mode=Volltextsuche&hitlist=&patternlist=&lemid=BN00438&sigle=BMZ (дата обращения: 14.09.2018).

Coxon S. *The Presentation of Authorship in Medieval German Narrative Literature 1220–1290.* N. Y., 2001.

Griese S. *Heilige Helden in Konrads von Würzburg Legenden* // *Geistliche Literatur des Mittelalters und der Frühen Neuzeit.* Frankfurt a/M, 2013. S. 55–67.

Grimm W. (Hg.) *Konrads von Würzburg Silvester.* Göttingen, 1841.

Jackson T. R. *The Legends of Konrad von Würzburg. Form, Content, Function.* Erlangen, 1983.

Hennig B. *Kleines Mittelhochdeutsches Wörterbuch.* Tübingen, 2001.

Horsfall W., Stock M. *Konrad von Wuerzburg — A Bibliography* (April 2017). URL: <http://hdl.handle.net/1807/76860> (дата обращения: 14.09.2018).

Hrotsvita von Gandersheim. *Dulcitus. Abraham. Zwei Dramen.* Stuttgart, 1998. S. 47–49.

Konrad von Würzburg. *Das Leben des heiligen Alexius* / Hg. R. Henczynski. Berlin, 1898.

Konrad von Würzburg. *Die Legenden. I (Silvester)* / Hg. P. Gereke. Halle, 1925.

Konrad von Würzburg. *Die Legenden: II (Alexius)* / Hg. P. Gereke. Halle, 1926.

Konrad von Würzburg. *Heinrich von Kempten. Der Welt Lohn. Das Herzmaere.* Stuttgart, 1999.

Konrad von Würzburg. *Pantaleon* / Hg. W. Woesler. Tübingen, 1974.

Konrad von Würzburg. *Pantaleon: Bereinigter diplomatischer Abdruck und Übersetzung* / Hg. Th. Neukirchen. Berlin, 2008.

Paul H. (Hg.) Germanische Literaturgeschichte : in 2 Bdn. Stuttgart, 1984. Bd. 1.
Wahl H. M. Die Jakobserzählungen. Berlin ; N. Y., 1997.
Wehrli M. Geschichte der deutschen Literatur im Mittelalter. Stuttgart, 1997.

Об авторе

Анжелика Игоревна Васкиневич, кандидат филологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.
E-mail: AVaskinevich@kantiana.ru

Для цитирования:

Васкиневич А.И. Жанр жития в творчестве Конрада Вюрцбургского // Слово.ру: балтийский акцент. 2019. Т. 10, №2. С. 35–44. doi: 10.5922/2225-5346-2019-2-3.

HAGIOGRAPHIC GENRE IN THE WORKS OF KONRAD VON WÜRZBURG

A. Vaskinevich¹

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevskogo Str., Kaliningrad 236016 Russia
Submitted on December 10, 2018
doi: 10.5922/2225-5346-2019-2-3

I analyse three hagiographic poems written by Konrad von Würzburg, a German poet of the XIII century. The poems describe the lives of Saint Alexis, a Man of God, Saint Pantaleon and Pope Sylvester. These saints are worshipped both by the Catholic and the Orthodox churches. Special attention is paid to Konrad von Würzburg's concept of 'genre', its essential features and the reader's perception of hagiographic texts. I hold that German medieval writers tended to create spiritual literature in a poetic form. I define the terms, which according to German tradition, characterize hagiography as a genre in the medieval epoch and compared them with the notion used by Konrad von Würzburg. I examine the peculiarities of the text structure, the functions of the prologue and the epilogue and analyse a number of specific features typical of the plot of the above-mentioned hagiographic poems. Conrad von Würzburg's outstanding merit lies in the establishment of hagiographic canons in German literature.

Keywords: hagiography, Konrad von Würzburg, German medieval literature.

References

Gugin, J. A., 2003. *Tvorchestvo Konrada Würzburgskogo v kontekste nemeckoj literatury XIII veka* [Works of Konrad von Würzburg in the context of German literature of the XIII century]. Moscow, Novopolock (in Russ.).

Achnitz, W., 2000. Ein mære als Bîspel. Strickers Verserzählung "Der kluge Knecht". In: V. Honemann, T. Tomasek, eds, *Germanistische Mediävistik*. Münster: LIT. pp. 177–204.

BMZ = *Mittelhochdeutsches Wörterbuch, 1854–1866. Mit Benutzung des Nachlasses von Georg Friedrich Benecke ausgearbeitet von Wilhelm Müller und Friedrich Zarncke*. Vol. 3. Leipzig. Available at: <http://woerterbuchnetz.de/cgi-bin/WBNetz/wbgui.py?mode=Volltextsuche&hitlist=&patternlist=&lemid=BN00438&sigle=BMZ> [Accessed 22 November 2018].

- Coxon, S., 2001. *The Presentation of Authorship in Medieval German Narrative Literature 1220 – 1290*. New York: Oxford University Press.
- Griese, S., 2013. Heilige Helden in Konrads von Würzburg Legenden. In: *Geistliche Literatur des Mittelalters und der Frühen Neuzeit*. Frankfurt am Main. pp. 55–67.
- Grimm, W., ed., 1841. *Konrads von Würzburg Silvester*. Göttingen: Dieterische Buchhandlung.
- Jackson, T.R., 1983. *The Legends of Konrad von Würzburg. Form, Content, Function*. Erlangen: Palm & Enke.
- Hennig, B., 2001. *Kleines Mittelhochdeutsches Wörterbuch*. Tübingen: Niemeyer.
- Horsfall, W., Stock, M., 2017. *Konrad von Wuerzburg – A Bibliography*. Available at: <http://hdl.handle.net/1807/76860> [Accessed 1 April 2017].
- von Gandersheim, H., 1998. *Dulcitus. Abraham. Zwei Dramen*. Stuttgart: Reclam. pp. 47–49.
- von Würzburg, K., 1898. *Das Leben des heiligen Alexius*. Berlin: Mayer & Müller.
- von Würzburg, K., 1925. *Die Legenden. I (Silvester)*. Halle: Niemeyer.
- von Würzburg, K., 1926. *Die Legenden: II (Alexius)*. Halle: Niemeyer.
- von Würzburg, K., 1999. *Heinrich von Kempten. Der Welt Lohn. Das Herzmaere*. Stuttgart: Reclam.
- von Würzburg, K., 1974. *Pantaleon*. Hg. W. Woesler. Tübingen: Niemeyer.
- von Würzburg, K., 2008. *Pantaleon: Bereinigter diplomatischer Abdruck und Übersetzung*. Hg. Th. Neukirchen. Berlin: Erich Schmidt.
- Paul, H., ed., 1984. *Germanische Literaturgeschichte*. Vol.1. Stuttgart: Magnus.
- Wahl, H.M., 1997. *Die Jakobserzählungen*. Berlin, New York: Gruyter.
- Wehrli, M., 1997. *Geschichte der deutschen Literatur im Mittelalter*. Stuttgart: Reclam.

The author

Dr Angelika Vaskinevich, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: AVaskinevich@kantiana.ru

To cite this article:

Vaskinevich, A. 2019, Hagiographic genre in the works of Konrad von Würzburg, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 10, no. 2, p. 35–44. doi: 10.5922/2225-5346-2019-2-3.

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЛЕКСЕМ С КОРНЕМ -БОГ- В ЖИТИЙНЫХ ТЕКСТАХ XV—XVII ВЕКОВ

*Н. В. Писарь*¹

¹ Балтийский федеральный университет имени И. Канта
236016, г. Калининград, ул. А. Невского, 14
Поступила в редакцию 30.10.2018 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2019-2-4

Рассматриваются лексемы, имеющие в своей структуре корень -бог-, которые используются в текстах житий XV – XVII веков не только в качестве номинанта понятия «Бог», но и для характеристики других объектов, явлений и т. п. Материалом исследования стали житийные тексты XV – XVII веков как один из источников формирования в сознании славян ценностной картины мира, основанной на аксиологии христианского вероучения. Цель исследования – выявление специфики использования лексем с корнем -бог- в указанных текстах, обнаружение их тесной связи между собой и с понятием «Бог», определение семантических критериев, по которым изучаемая группа лексики формирует парадигмы. Для исследования был избран комплексный подход, в основу которого положен наряду с общенаучными методами функционально-семантический анализ с элементами качественно-количественного, этимологического, контекстуального анализа и др. Результатом проведенного исследования стало обнаружение количественной неоднородности употребления лексем с корнем -бог- в житийных текстах XV – XVII веков, что выразилось в доминировании лексемы БОГЪ по отношению к другим лексемам с указанным корнем и в использовании композит с корнем -бог-, которые группируются по семантическим признакам «обозначение лиц, имеющих непосредственное отношение к Богу», «характеристика деятельности конкретной исторической личности», «абстрактное понятие», «реалия того времени», «полисемант». Большую группу составляют лексемы, употребляемые для характеристики человека, предмета или явления по признакам «достойный Бога», «(не) чтущий Бога», «обладающий божественной мудростью», «следующий по пути божьему», «тот, на кого (то, на что) воздействует Бог». Также было установлено, что лексемы с корнем бог- в житийных текстах XV – XVII веков входят в более широкую парадигму «соответствующий нормам христианского вероучения, имеющий положительную оценку – не соответствующий им, обладающий отрицательной оценкой», которая в свою очередь является основой аксиологии христианского вероучения.

Ключевые слова: лингвоаксиология, функционально-семантический анализ, Бог, житийный текст, XV – XVII века.

Агиография на протяжении многих веков является одним из значимых источников формирования ключевых констант русской культуры. В связи с тем что основу житийных текстов, несомненно, составляет христианское вероучение, фундаментальным понятием, репрезентирующимся в них, оказывается «Бог». В житиях осмысливается роль Бога в жизни человека, описываются христианские идеалы и ценности, определяется путь следования к Господу. Все это способствует созданию в

сознании сначала славян, а впоследствии и русских особой картины мира, в которой основополагающую роль играют нравственные ценности, тесно связанные с образом Бога. В плане вышесказанного интерес представляет реализация в житийных текстах представлений о Боге и выявление семантических оснований, по которым происходит характеристика предметов, явлений и т.п. как относящихся к Богу. Поскольку агиография — это огромный пласт текстов, нами для данного исследования был избран период с XV по XVII век как время, в которое, по мнению А. Кадлубовского, «устанавливается литературная форма жития и те приемы, по которым оно слагается; именно в эту эпоху жития отражают с большей ясностью черты более или менее определенного мирозерцания, в большей степени обнаруживаются между ними различия в указанном отношении, — различия, которые представляют известную правильность и последовательность и которые допускают объяснение с точки зрения направлений религиозной мысли, определившихся в данную эпоху на Руси» (Кадлубовский, 1902, с. 170). Источниками настоящего исследования стали 30 наиболее известных старорусских житийных текстов, имеющих большое значение для понимания ценностных установок того времени. Из них методом сплошной выборки было извлечено около 2700 примеров использования лексических единиц с корнем *-бог-*. На наш взгляд, указанного количества источников вполне достаточно для выявления особенностей функционирования рассматриваемых лексем и определения основных семантических критериев, по которым происходит формирование соответствующих лексико-семантических парадигм. Привлечение более широкого круга источников является перспективой настоящего научного исследования.

Проведенный анализ житийных текстов XV–XVII веков показал, что формирование представлений о Боге реализуется прежде всего через посредство лексем с корнем *-бог-*, среди которых наиболее частотной оказывается *богъ*. Этимологически данная лексема восходит к архаической модели **bogъ*, имеющей значение «одно из высших, стоящих над миром неземных существ, некая высшая сила, верховное существо, стоящее над миром», которая близка др.-перс. **baga* 'участь', 'судьба', 'господь', 'бог', др.-инд. **bhagas* 'одаряющий', 'господин', 'достояние', 'счастье', *bhajati, bhajate* 'наделяет', 'делит'; авест. *baça* 'господь', 'бог' (Трубачев, 1975, с. 160–163; Фасмер, т. 1, с. 181–182; Черных, 1993, с. 98). Следовательно, на основе этимологических данных можно установить наиболее древние значения лексемы *богъ* — 'господин', 'наделяющий' и 'счастье'. В исторических словарях зафиксировано определение лексемы *богъ* — «по религиозным представлениям, верховное существо, правящее миром» (Словарь русского языка, 1975, вып. 1, с. 255), которое не воссоздает ее исконной семантики в полной мере. В житийных текстах XV–XVII веков лексема *богъ* употребляется в 69,5 % случаев от общего количества контекстов с лексемами с корнем *-бог-* и реализует как сему «господин», так и семы «наделяющий», «счастье». Ср., с одной стороны: «Глава Богꙋ вышнемꙋ, иже въ Троици славимомꙋ, еже есть ꙗꙋвание наше, свѣтъ и животъ нашъ, въ негоже вѣрꙋемъ, вън же крести-

хомся, о немже живемъ, и движемъ, и есмы!» (ЖСР)²; а с другой — «ниже от самѣх пеленъ Бога позна, и Бога възлюби, и Богом спасенъ высть» (Там же); «Се во дарова вама Богъ отрока тѣшениа тьякломенита, яко въ родствѣ его тѣшениа дарова Богъ своимъ церквамъ» (Там же).

Интересно, что дериваты рассматриваемой лексемы в житиях не обладают высокой частотностью. Так, лексема *божество*, фиксируемая историческими словарями со значением «божественная сущность, божественная природа; то же, что и Бог» (Словарь русского языка, 1975, вып. 1, с. 272), употребляется лишь в 2 % контекстов, что, на наш взгляд, связано, с одной стороны, с близостью семантики лексем *богъ* и *божество*, использующихся в качестве номинанта Бога, а с другой — с меньшей семантической емкостью лексемы *божество*, реализующей лишь сему «высшая сущность», в сравнении с лексемой *богъ*. Ср.: «Что же извѣщаю по три числа, а что ради не помяну болаго и страшнаго, еже есть тричисленое Божество: тремъ святынями, тремъ образы, тремъ собствы, въ три лица едино Божество пресвятыа Троица, и Отца, и Сына, и Святого Духа; трипостаснаго Божества, едина сила, едина власть, едино господство?» (ЖСР); «но Отчее и Сыновнее и Святаго Духа едино божество» (Там же).

Лексемы *божественный* и *божий*, имеющие значение «обладающий божественной природой; относящийся к Богу, божеству; свойственный Богу, происходящий от Бога» и «относящийся к Богу» (Словарь русского языка, 1975, вып. 1, с. 272–273) соответственно, в текстах житий XV–XVII веков, реализуя свою словарную семантику, так же не обладают высокой частотностью. Ср.: «Логинъ же ражжегся ревностію божественнаго огня» (ЖПА); «И даръ Божий непщевал еси ұтаити (ЖМФ); имѣяй страхъ Божий въ сердца своемъ» (ЖИР); «Господь удиви его, паче прочихъ младенцевъ новоражающихся, и тацѣми знаменми проявляше о немъ премудрое Божие промышление» (ЖСР); «До zde ұбо окончавше предисловіе, и тако Бога помянувшѣ и на помощь призвавшѣ его: добро во есть о Бозѣ начати, и о Бозѣ кончати, и къ Божиимъ равомъ вѣсѣдовати, о Божиихъ угодницѣхъ повѣсть чинити» (Там же); «родители же его принесоша младенецъ въ церковь Божию» (Там же). Как свидетельствуют данные и подобные им контексты, посредством указанных определений дается характеристика свойствам и поступкам как Бога, так и человека, а также отмечается принадлежность кого-либо или чего-либо Господу.

Значимо, что единичными оказываются и случаи употребления в житийных текстах XV–XVII веков лексемы *безбожный*, то есть «не знающий Бога, языческий, не христианский» (Словарь русского языка, 1975, вып. 1, с. 93), имеющей отрицательную семантику и использующейся в основном для характеристики иноверцев и врагов, нападающих на Русь. Ср.: «Видя же тогда отечество свое навѣтѣемо и озобляемо, — не токмо от безбожныхъ татар или от богомерския латыни» (ЖДИ).

² Здесь и далее цитаты из житийных текстов, кроме ЖПА, приводятся по «Библиотеке литературы Древней Руси» (<http://lib.pushkinskijdom.ru>). Использование электронной версии данного издания, на наш взгляд, допустимо, поскольку она оформлена в полном соответствии с печатной.

Низкая частотность использования данной лексемы, вероятно, связана с тематической направленностью житийных текстов, основной целью которых было описание благочестивой жизни подвижника, а историческим реалиям, в том числе описанию битв с иноверцами, отводилась второстепенная роль. Однако изучение указанной специфики функционирования лексемы **БЕЗБОЖНЫЙ** в древнерусской письменности требует дальнейшего анализа и является перспективой настоящего исследования.

Этимологически родственные лексеме *богъ* лексемы **БОГАТЫЙ** и **УБОГЫЙ** и их дериваты также не обладают высокой частотностью (2,8 и 1,5 % от общего количества словоупотреблений). В житийных текстах XV—XVII веков они употребляются в своих словарных значениях «обладающий большим имуществом, богатый; щедрый, обильный; роскошный, дорогой» и «бедный, неимущий; нищий; увечный; недостойный» (Словарь русского языка, 1975, вып. 1, с. 258—259; Срезневский, 1893, т. 3, стл. 1114) соответственно. Ср.: «Обычай же в начало игуменьства своего сицевъ имѣяше: еже всякому приходящему к нему и хотящему быти мниху, желающему острицися, не отрѣваше убо никоже, ни стара, ни юна, ни богата, ни убога» (ЖСР); «Преподобный же Бергий всяку нужю оу, и тѣсноту, и всяку скудость, и недостатки трѣпяше съ благодареннемъ, ожидая от Бога богатыя милости» (Там же); «Азъ благодатию Господнею богатъ сый зѣло по дѣху Господню вываа» (ЖВН); «Спаси мя, съблуди мя, убогую си раву свою» (ЖСР); «Видѣвши убо убогаа душа мучителя того, страхомъ овната высть» (ЖВН); «И глаголах ти, о чядо, како истовѣ увѣдѣхъ аз, яко тако строатся убогомю челоуѣку» (Там же). Данные контексты свидетельствуют о том, что в житийных текстах лексемы **БОГАТЫЙ** и **УБОГЫЙ** используются для характеристики человека по шкале «наделенный Богом — обделенный Богом» и выступают экспликаторами прежде всего наличия/отсутствия нравственных ценностей в душе человека, в соответствии с чем богатым является человек, обладающий христианскими добродетелями, убогим — человек, в душе которого их нет или недостаточно, для того чтобы стать достойным Бога.

В плане вышесказанного интересно, что более частотными в рассматриваемых текстах оказываются помимо лексемы **БОГЪ** композиты с начальным корнем *-бог-*, обозначающие принадлежность к Богу. В общей сложности они функционируют в житиях XV—XVII веков в более чем 20 % контекстов. На наш взгляд, это не случайно, поскольку в христианском сознании Бог является Абсолютом, Высшей Ценностью, от которой человек, в силу своей греховности, отдален; жития же представляя собой жизнеописание человека, принадлежащего Господу, реализуют идею о возможности приближения к Всевышнему через приятие и усвоение христианских ценностей, соблюдение этических норм, осмысление собственной жизни как пути следования к Богу. В результате в житийных текстах принадлежность Богу становится своеобразным маркером положительной моральной оценки действий того или иного субъекта, он становится образцом нравственности, а его дела — богоугодными.

Среди указанных композит доминирующее положение занимают сложные лексемы — номинанты лиц, имеющих непосредственное отношение к Богу. Так, лексемы *богородица* — «богородица, церковь, монастырь в честь богородицы», *богоматн* — «богоматерь, Богородица» (Словарь русского языка, 1975, вып. 1, с. 266, 262; Чернышева, 2017, с. 58) функционируют в агиографии XV—XVII веков в 13,9 и 3 % контекстов соответственно. Ср.: «украшааи престола пресвятгя и преславныя владычица наша Богородица, преосвященный Кипреянъ митрополитъ» (ЖСР); «монастырь поставльшаго пречистыя владычица нашаа богородица» (ЖКБ); «Аще ми Богъ поможетъ, отче, поставлю монастырь въ имя пречистыа Богоматере» (ЖСР). Встречается в единичных контекстах и лексема *богоотроковица* — «эпитет Богородицы», «Божия Отроковица» (Словарь русского языка, 2006, вып. 27, с. 264; Чернышева, 2017, с. 61). Ср.: «за благодсть щедротъ излия себе отъ отеческихъ нѣдръ Сынъ, — Слово боже, въ дѣву чисту Богоотроковицу...» (ЖПА). Данные лексемы используются в качестве именованний Богородицы, они «узнаваемы, содержат очевидный смысл, указывающий на Нее и открывающий Ее уникальные качества», такие, как Мать Бога, Родительница Бога, Молодая (см. Чернышева, 2017, с. 24—25). Композита *богоотець*, использующаяся при упоминании о царе Давиде как предке Богородицы (Словарь русского языка, 2006, вып. 27, с. 264), также употребляется лишь в единичных контекстах и обладает прозрачной семантикой. Ср.: «Давидъ Богоотець в пѣснехъ рече» (ЖЗиС).

Лексемы *богослов* — «знаток богословия», *богомолец* — «тот, кто молит Бога за кого-либо; тот, кто пользуется призыванием; тот, кто из набожности посещает особо чтимые церкви, монастыри», *богопроповедник* — «проповедник божественного учения», *боговидец* — «тот, кто видел Бога» (Словарь русского языка, 1975, вып. 1, с. 266, 263, вып. 27, с. 266, 253) употребляются для характеристики деятельности конкретной исторической личности как угодной Богу. Ср.: «И, во отечество свое пришед, истинная богопроповѣдница (княгиня Ольга. — Н.П.) показася» (ЖО); «Чистота дѣвственика Богословца показа» (Там же). В целом ряде случаев данные лексемы являются устойчивой частью имени или входят в состав устойчивой формулы. Ср.: «Василна Великаго, Богослова Григорна и Златаустаго Иоанна» (ЖСР); «Богомолецъ вашъ Кирильъ благословляетъ» (ЖКБ); «Якоже Моисей боговидецъ» (Там же).

Кроме того, в житийных текстах встречаются и такие композиты, как *богоявление* — «явление Бога перед кем-либо; праздник, установленный церковью в честь крещения Иисуса Христа; церковь или монастырь, названные в честь праздника богоявления», *богоразумие* — «знание о Боге и божественном» (Словарь русского языка, 1975, вып. 1, с. 1, с. 268, вып. 27, с. 267), обладающие соответствующей семантикой. Ср.: «И пришедъ въ градъ вселися в монастырь святого Богоявленна» (ЖСР); «Егда же придетъ праздникъ святыхъ Богоявленний» (ЖЗиС); «от него же и пресладкаго вкуса богоразумия насыщаеми веселимся» (ЖО); «увидѣхом истинный свѣтъ Тройческаго богоразумия» (Там же).

В единичных контекстах в рассматриваемых текстах функционирует и лексема *богадѣльня*, являющаяся производным от цслав. *бога дѣля*

«бога ради» (Фасмер, 1964, т. 1, с. 182) и репрезентирующая значение «учреждение, созданное из благочестия, из любви к Богу для призрения бедных». Например: «**созда же н богадѣлню внѣ монастыря**» (ЖКК).

Наиболее разнообразными в житийных текстах XV–XVII веков оказываются сложные прилагательные и причастия с начальным корнем *-бог-*, которые используются для характеристики как князя, святого, так и дел, предметов, явлений, угодных Богу. К ним относятся, например, лексемы *боголѣпный* – «подобаяющий Богу, приличествующий Богу» (Словарь русского языка, 1975, вып. 1, с. 261), *боголюбвзный* – «приятный, угодный Богу» (Срезневский, 1893, т. 1, стлб. 131, Словарь русского языка, 1975, вып. 27, с. 259), *богоблаженный* – «благословенный, достойный почитания, восхваления (Бога); святой» (Словарь русского языка, 1975, вып. 1, с. 232, вып. 27, с. 252), *богоприятный* – «угодный Богу» (Там же, вып. 1, с. 265), *богоугодный* – «угодный Богу» (Там же, с. 267) и их дериваты, которые содержат в своей семантике значение «достойный Бога». Ср.: «**украшивши всю землю полотскую своимъ боголѣпнымъ монастыремъ**» (ЖЕ); «**о боголюбезный въ самодержавныхъ и равноапостольный Владимире**» (ЖО); «**Приидите, церковнии свѣтила, всего християнскаго народа пастырне и учителине; градите, богоблаженнии отцы**» (ЖАР); «**И домова ея молитва богоприятна, но не яко церковная**» (ЖЮЛ); «**да не забыто будетъ житие его чистое, и тихое, и богоугодное**» (ЖСР).

Лексемы *боголюбивый* – «любящий Бога, благочестивый», *богобоязливый* – «боящийся греха, благочестивый», *богочестивый* – «почитающий Бога, благочестивый» (Словарь русского языка, 1975, вып. 1, с. 262, с. 262, вып. 27, с. 271–272) в своей внутренней форме содержат общую сему «чтущий Бога». Ср.: «**боголюбивая великая княгиня Александра**» (ЖДИ); «**Человекъ же тѣи богобоязлив, саномъ быше дьякъ церковный**» (ЖЗиС); «**богочестивый князь Петръ**» (ЖКБ). Отрицательно окрашенными оказываются входящие в эту группу композиты *богомерзкий* – «богопротивный, нечестивый» и *богоненавистный* – «ненавистный Богу» (Словарь русского языка, 1975, вып. 1, с. 262, 264), функционирующие в единичных контекстах и реализующие словарную семантику. Ср.: «**якоже древнии Авраамъ отеческий богомерзкий закон, егоже держаше, отнюдъ возненавидѣ и до конца ненавидяше**» (ЖО); «**сѣбранныи богоненавистныхъ**» (ЖФБ). Низкая частотность употребления указанных композитов с отрицательной семантикой, вероятно, связана с идейной направленностью житийных текстов. Для агиографов первостепенное значение имели положительные с точки зрения христианской морали модели поведения человека и соответствующая данным принципам характеристика. И в этой связи наиболее значимыми атрибутами человека становятся именно «угодный Богу» и «чтущий Бога» как «соответствующий нормам христианской морали».

Также в житиях XV–XVII веков функционируют и лексемы *богомудрый* – «разумеющий волю Бога; содержащий божественную мудрость», *богоносный* – «несущий, заключающий в себе божественное начало (о пророках, апостолах, святых и т.п.)», *богоподражательный* – «заключающий в себе подражание Богу и Божественному», содержащие общую сему «имеющий божественную природу», а также лексема

богоподобный — «подобный Богу, подражающий Богу» (Словарь русского языка, 1975, вып. 1, с. 264, вып. 27, с. 263, с. 265), реализующая значение «сравниваемый с Богом». Ср.: «сию богомудрѣю и равноапостольнѣю великѣю княгиню **Олгу**» (ЖО); «**богоподражательное житіе (ЖПА)**; **Радѣйся**, богосианная руская звѣзда» (ЖО); «**Мало же съкратив день и другѣй, отпѣвъ молебнаа Спасу и Пречистой и о устроении наказавъ богоподобно**» (ЖФБ). Данные определения также согласуются с нравственными принципами христианского вероучения.

Кроме того, в текстах житий рассматриваемого периода функционируют и лексемы **богоизбранный** — «избранный Богом», **богоосвященный** — «освященный Богом» (Словарь русского языка, 1975, вып. 1, с. 261, вып. 27, с. 263, вып. 13, с. 91), **богожеланный**, **богодуховенный**, **богодарованный**, **богопопущенный (богонапущенный)** — «посланный Богом (в наказание)» (Там же, вып. 1, с. 265), **богоспасаемый**, **богорасленный**, **богозванный**, **богоподательный**, **боговещательный**, **богонасажденный**, **богохранимый**, **богонаученный**, **богодѣланный** и их дериваты, которые обладают общим значением «тот, на кого (то, на что) воздействует Бог», то есть «начальное бого- играет роль субъекта действия» (Чернышева, 2015). Ср.: «**Радѣйся**, всеблагенная **Олга**, **богоизбранный сосуде цѣломудрия**» (ЖО); «**богоносному отцу Сергию**» (ЖН); «**благочестиваа княгини и их богодарованнаа чада**» (ЖФБ); «**богодуховенная словеса**» (ЖЗиС); «**и богонапущенный гнѣвъ възбрани**» (ЖМ); «**богоспасаемый град Тферь**» (Там же); «**стадо богозванное**» (ЖСР); «**богоподательный врач (Сергий. — Н. П.)**» (Там же); «**и приснопамятного отца боговѣщательныхъ молитвъ надѣяся**» (ЖКБ); «**Радѣйся**, **богонасажденная богорасленная лозо**» (ЖО); «**и богожеланнымъ свѣтомъ просвѣти емоу сердечнѣи очи**» (Там же); «**богохранимый отецъ его Ярослав**» (ЖАН); «**Но якоже пестротами златыми, богодуховенныхъ пророкъ и богонаученныхъ апостолъ словеса**» (ЖАР); «**все богодѣлanno**» (ЖПА). Данные контексты и им подобные свидетельствуют о том, что любое воздействие Бога указывает на избранность человека или объекта, с которым совершается то или иное божественное деяние.

На основании вышеизложенного можно утверждать, что в житийных текстах XV—XVII веков функционируют различные лексемы с корнем *-бог-*, среди которых доминирующее положение занимает лексема **богъ**, заключающая в себе семы «высшее существо», «господин», «наделяющий, дарующий». Дериваты же данной лексемы, такие как **божество**, **божий**, **божественный**, **безбожный**, так же, как и этимологически родственные ей **богатый** и **убогый**, не обладают высокой частотностью и используются в житийных текстах рассматриваемого периода для репрезентации значения «(не) относящийся к Богу», «наделенный / обделенный христианскими добродетелями». В отличие от них в указанных текстах широко распространены композиты с одним из элементов *-бог-*, которые используются в большинстве случаев для именования лиц, имеющих непосредственное отношение к Богу (**богородица**, **богомати**, **богоотроковица**, **богоотець**), для характеристики деятельности конкретной исторической личности (**богослов**, **богопроповедник** и др.), абстрактных понятий (**богоразуміе**), реалий того времени (**богадельня**) или содержат в своей внутренней форме несколько значений (**богоявле-**

ние), а также композиты, служащие для характеристики человека, предмета или явления по признакам «достойный Бога» (*боголѣпный, богольбязный, богоблаженный, богоприятный, богоутодный*), «(не) чтущий Бога» (*боголюбивый, богобоязливый, богочестивый, богомерзкий, богоненавистный*), «имеющий божественную природу» (*богомудрый, богоносный*), «сравниваемый с Богом» (*богоподобный*), «тот, на кого (то, на что) воздействует Бог» (*богонизбранный, богооснянный, богожеланный, богодухновенный, богодарованный* и др.).

В рассматриваемых житийных текстах лексемы с корнем *-бог-* используются в случаях, если необходимо репрезентировать следующее:

- 1) субъект действия — Бог (*богонизбранный, богооснянный, богожеланный* и др.);
- 2) объект действия — Бог (*богородица, богомати, богоотроковица, боготец, богослов, богопроповедник, богоприятный, богоутодный, боголюбивый, богобоязливый, богочестивый* и др.);
- 3) отношение к Богу, связь с Богом (*божий, божественный, безбожный, богатый, убогий* и др.);
- 4) наличие божественной природы (*богомудрый, богоносный*);
- 5) сходство с Богом (*богоподобный*).

В целом лексемы с корнем *-бог-* в житиях содержат более широкий оценочный потенциал и позволяют осуществлять классификацию объектов действительности по принципу «соответствующий нормам христианской морали — не соответствующий им».

Таким образом, лексемы с корнем *-бог-* в житиях XV—XVII веков обладают в подавляющем большинстве случаев положительной семантикой и используются не только для описания сущности Господа, но и в качестве характеристики людей, предметов или явлений с точки зрения воздействия Господа на них, принадлежности Богу и степени духовной близости к нему. Посредством использования лексем с корнем *-бог-* в житиях происходит категоризация объектов на «соответствующие нормам христианского вероучения, имеющие положительную оценку» и «не соответствующие нормам христианского вероучения, имеющие отрицательную оценку». Данная модель, в основе которой лежит аксиология христианского вероучения, создает в сознании человека того времени соответствующую ценностную картину мира.

Список литературы

Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д.С. Лихачева [и др.]. СПб., 1997. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=2070> (дата обращения: 05.09.2018).

Житие протопопа Аввакума, им самим написанное. СПб., 1904. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003718646#?page=1> (дата обращения: 05.09.2018).

Кадлубовский А.П. Очерки по истории древнерусской литературы житий святых : 1—5. Варшава, 1902. URL: <https://dlib.rsl.ru/01003704953> (дата обращения: 05.09.2018).

Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1975.

Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка : в 3 т. СПб., 1893.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. М., 1964—1973. Т. 1 : А — Д. 1964.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. М., 1993. Т. 1 : А — Пантомима.

Чернышева М.И. Именования Богородицы в древнерусской письменности: около 500 лексических единиц с объяснениями и комментариями. М., 2017.

Чернышева М.И. Уходящие слова, ускользающие смыслы: историко-лексикологические исследования // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2015. Т. 10. Вып. 1 : Пространство и время текста. URL: http://j-spacetime.com/actual%20content/t10v1/t10v1_PDF/2227-9490e-aprovr_e-ast10-1.2015.71.pdf (дата обращения: 05.09.2018).

Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачева. М., 1974. Вып. 2 : bez-bratъ. 1975.

Список сокращений

ЖАН — Житие и подвиги великого князя Александра Ярославича, прозванного Невским.

ЖАР — Житие Антония Римлянина.

ЖВН — Из «Жития Василия Нового».

ЖДИ — О житии и подвигах... великого князя и царя русского Димитрия Ивановича.

ЖЕ — Житие и подвижничество блаженной и преподобной Евфросинии, игумении (монастыря) Спаса-Вседержителя в граде Полоцке.

ЖЗиС — Житие Зосимы и Савватия Соловецких.

ЖИР — Житие Иринарха Ростовского.

ЖКБ — Житие Кирилла Белозерского.

ЖКК — Житие Корнилия Коменского.

ЖМ — Житие и подвиги преподобного отца нашего Макария чудотворца, игумена, создавшего обитель Святой Живоначальной Троицы, Колязино именной.

ЖМФ — Житие митрополита Филиппа.

ЖН — Житие и подвиги преподобного отца нашего игумена Никона, ученика блаженного Сергия чудотворца.

ЖО — Житие святой блаженной и равноапостольной великой княгини Ольги, нареченной во святом крещении Еленой.

ЖПА — Житие протопопа Аввакума, им самим написанное.

ЖСР — Житие Сергия Радонежского.

ЖФБ — Житие Ферапонта Белозерского.

ЖЮЛ — Житие Юлиании Лазаревской.

Об авторе

Надежда Владимировна Писарь, кандидат филологических наук, доцент Института гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: NPisar@kantiana.ru

Для цитирования:

Писарь Н.В. Особенности функционирования лексем с корнем *-бог-* в житийных текстах XV—XVII веков // Слово.ру: балтийский акцент. 2019. Т. 10, №2. С. 46—55. doi: 10.5922/2225-5346-2019-2-4.

LEXEMES WITH THE STEM -БОГ- (GOD) IN HAGIOGRAPHIC TEXTS
OF THE 15th – 17th CENTURIESN. V. Pissar¹

¹Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevskogo Str., Kaliningrad, 236016, Russia
Submitted on October 30, 2018
doi: 10.5922/2225-5346-2019-2-4

The article explores lexemes stemming from Rus. боѡ- (god), which were used in the texts of the XV – XVII centuries. This stem expressed the concept of God and was used as a means of characterization of objects, phenomena, etc. The material of the analysis was taken from the texts of the XV – XVII centuries, which are a valuable source of information for the study of the system of values of Slavs, based on the axiology of Christian dogmas. The aim of this research is to identify the specificity of these lexemes, their interconnection as well as their relatedness to the concept of God. I defined a number of semantic criteria, according to which the studied lexical group forms various paradigms. I argue that there is quantitative heterogeneity in the use of lexemes with the stem боѡ- (God) in the XV – XVII centuries. This heterogeneity was expressed in the dominance of the lexeme analysed over others. The identified lexemes are grouped according to the following semantic features: designation of people related to God, characteristics of the activity of a specific historical personality, an abstract concept, an object or a phenomenon of that time, or a polysemantic word. This large group of lexemes consists of the words characterizing a person, an object or a phenomenon on the basis of the following attributes – 'worthy of God's praise, '(not) worthy of praise', 'possessing Divine wisdom', 'following the path of God', etc. I argue that lexemes with the stem боѡ- (God) in the texts of the XV-XVII centuries are parts of a broader paradigm of 'conforming to the standards of Christian dogmas, positively assessed vs not corresponding to the standards, negatively assessed'. This assessment forms the basis of the axiology of the Christian doctrine.

Keywords: axiology, functional semantic analysis, God, text, XV – XVII centuries.

References

- Likhachev, D.S., ed., 1997. *Biblioteka literaturyi Drevney Rusi* [Library of literature of ancient Russia]. St. Petersburg. Available at: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=2070> [Accessed 5 September 2018] (in Russ.).
- Belyaev, A.E., ed., 1904. *Jitie protopopa Avvakuma, im samim napisannoe* [Life of Protopopos Avvakum, written by him]. Saint-Petersburg. Available at: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003718646#?page=1> [Accessed 5 September 2018] (in Russ.).
- Kadlubovskiy, A.P., 1902. *Ocherki po istorii drevnerusskoy literatury zhitiy svyatykh: 1 – 5* [Essays on the history of ancient literature of the lives of the saints: 1 – 5]. Warsaw. Available at: <https://dlib.rsl.ru/01003704953> [Accessed 5 September 2018] (in Russ.).
- Krys'ko, V.B., ed., 1975. *Slovar russkogo yazyika XI-XVII vv.* [Dictionary of the Russian language XI – XVII centuries]. Moscow (in Russ.).
- Sreznevskii, I.I., 1893. *Slovar drevnerusskogo yazyika: v 3 t.* [Old Russian Dictionary: 3 volumes]. St. Petersburg (in Russ.).
- Vasmer, M., 1964. *Etimologicheskii slovar russkogo yazyika: v 4 t.* [Etymological dictionary of the Russian language: 4 vol.]. Vol. 1. Moscow (in Russ.).

Chernykh, P. Ya., 1993, *Istoriko-etimologicheskii slovar sovremennogo russkogo yazyka: v 2 t.* [Historical and etymological dictionary of the modern Russian language: 2 vol.]. Vol. 1. Moscow (in Russ.).

Chernysheva, M.I., 2017. *Imenovaniya Bogoroditsy v drevnerusskoy pis'mennosti: Okolo 500 leksicheskikh yedinit s ob'yasneniyami i kommentariyami* [Names of the Virgin in ancient Russian writing: About 500 lexical units with explanations and comments]. Moscow (in Russ.).

Chernysheva, M.I., 2015. *Uhodyashchie slova, uskol'zayushchie smysly: istoriko-leksikologicheskoe issledovaniya* [Outgoing words, elusive meanings: historical and lexicological research]. Available at: http://j-spacetime.com/actual%20content/t10v1/t10v1_PDF/2227-9490e-aprov_r_e-ast10-1.2015.71.pdf [Accessed 5 September 2018] (in Russ.).

Trubachev, O.N., ed., 1974. *Etimologicheskii slovar slavyanskikh yazykov. Praslavianskiy leksicheskii fond* [Etymological dictionary of Slavic languages. Slavonic lexical fund]. Vol. 2. Moscow (in Russ.).

The author

Dr Nadezhda Pisar, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: NPisar@kantiana.ru

To cite this article:

Pisar, N. V. 2019, Lexemes with the stem -БОГ- (GOD) in hagiographic texts of the 15th–17th centuries, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 10, no. 2, p. 46–55. doi: 10.5922/2225-5346-2019-2-4.

СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС: ТВОРЧЕСТВО НИКОЛАЯ КОНОНОВА

УДК 821.161.1

«NOMEN EST OMEN»: О РОЛИ ИМЕН В РОМАНЕ НИКОЛАЯ КОНОНОВА «ПАРАД»

А. А. Давиденко¹

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14
Поступила в редакцию 17.11.2018 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2019-2-5

Анализируется роль имен троих персонажей романа Н. Кононова «Парад» – Льва, Люды и Аркадия. В качестве методики исследования выбран мультиязыковой анаграмматический код, позволяющий путем анаграммирования (в ряде случаев с переходом с одного языка на другой) обнаружить в тексте произведения сознательно или неосознанно заложенные его создателем скрытые смыслы. Языковая игра, к которой на протяжении романа прибегает Н. Кононов, показывает связь имени Лев с семантикой телесности и персональных качеств (при описании персонажа автор использует ряд образов – царь зверей, трусливый лев и пр.). Мультиязыковой анаграмматический код высвечивает связь имени протагониста с двумя ключевыми концептами романа – любовью (LEV = LoVE) и смертью. Подобным образом этот код работает с именами Люда (ludus как игра в переводе с латыни; Лев, играющий с Людой, – homo ludens) и Аркадий, где последнее также пронизано семантикой смерти, проступающей в выражении Et in Arcadia ego. Имена персонажей романа являются ключом к пониманию тройственной структуры произведения. В частности, краткая формула имени Аркадий (Адя = Ад + я) указывает на Ад как на одну из трех частей мироздания в католическом представлении, вслед за которым в тексте обнаруживаются указания на Рай и Чистилище. Сделан вывод о том, что имена выступают в романе фактором текстопорождения, помогая вскрыть заложенную в тексте зашифрованную информацию.

Ключевые слова: Н. Кононов, языковая игра, анаграмматический код, семиотическая система.

Творчество Николая Кононова стало объектом многочисленных исследований. Специалисты неоднократно отмечали склонность писателя к языковой игре, к использованию мультиязыкового анаграмматического кода (Дмитровская, 2014; Дмитровская, 2015; Дмитровская, Дементьев, 2013; Дмитровская, Дегтяренко, 2016). В настоящей статье предпринята попытка применить уже апробированный предшественниками метод к материалу романа «Парад», в частности – к именам и их роли в тексте.

Отправными пунктами для анализа являются два тезиса. Во-первых, при создании произведения автор вольно или невольно наделяет текст как явными, так и скрытыми смыслами. Постигание глубинного смысла иногда становится возможным путем перехода от явных образов к подразумеваемым через обращение к языку, которым пользуется автор. В ряде случаев это обеспечивается выявлением стратегий анаграммирования, причем в этой процедуре может быть задействован не один язык; во-вторых, имена выступают важной частью семиотической системы — некоторой упорядоченной совокупности знаков. В некотором смысле эту идею раскрывает выражение *Nomen est omen* (*Имя — знамение*), восходящее к комедии «Перс» древнеримского автора Тита Макция Плавта, где один из героев отмечает *знаковость* имени Лукриды (Lucris). Семиотическая система наряду с разнообразными языковыми конструкциями передает читателю дополнительную информацию, а разные формы одного и того же имени позволяют подчеркнуть ее специфику.

Для иллюстрации потенциала имени как средства передачи информации в романе «Парад» в статье рассматриваются номинации трех персонажей — Льва, Люды и Аркадия. Сюжет «Парада» начинается сценой медосмотра молодых людей врачами военкомата, где повествователь впервые сталкивается с центральной фигурой произведения — Львом. Полная форма имени неслучайно использована Н. Кононовым. Она отсылает к образу льва — представителя животного мира, о чем автор говорит прямо: «Лев был столь особенным и видом своим и повадками, что в общее стадо его пристроить даже мысленно было невозможно никоим образом» (Кононов, 2015, с. 19). Слово «повадки» характеризует поведение скорее животного, нежели человека. Слово «стадо» применяется писателем по отношению к остальным участникам медосмотра намеренно, чтобы подчеркнуть возвышенное положение Льва по сравнению с ними, что соответствует человеческим представлениям о льве как о царе зверей, занимающем господствующую позицию в сообществе. Культурная история образа льва освещена в фундаментальной монографии «Господин как лев. Происхождение и использование одного политического символа в раннем и высоком Средневековье» (Jäckel, 2006).

Особое место Льва в «стаде» Н. Кононов подчеркивает при помощи семантики телесности: «Он героически сиял завершенной голизной на фоне всех прочих, похожих на обрубки в своих мятых сатиновых семейниках, перетаптывающихся и кучкующихся, таких нелепых, что они казались жертвами, чей плотский срок вот-вот окончится, и они станут банальным веществом убоины, и согнаны в это место, и раздеты для того, чтобы посмотреть — насколько они готовы к грядущим общемировым экзекуциям» (Кононов, 2015, с. 18).

Один из врачей реагирует на появление Льва так: «Но почувствовав по каким-то токам перед собой невообразимого "Льва-гимнаста", он мгновенно стянул со своего лица мировую паутину, молодежато и возбужденно поднялся, слишком громко оттолкнув стул и будто приветствуя долгожданного гостя широким жестом — да вы не пожалее-

те, — пригласил его, чтобы выказать особенное уважение, за ширму высотой по грудь, стоящую рядом, куда с прочими подвергаемыми публичному досмотру он ходить давно разленился» (Кононов, 2015, с. 19). И если могучее телосложение молодого человека напоминает телосложение льва, то «золотеющая на неярком свету спортзала изумительными светлыми потемками небритость юного Льва» вызывает в памяти ассоциацию с гривой, дополняя образ этого представителя фауны. Льву как животному обычно приписывается такая черта, как храбрость, однако эта ассоциация действует, скорее, в человеческих представлениях. В природе, вероятно, встречаются как храбрые, так и трусливые львы. Эта двойственность не ускользает от Н. Кононова. На этапе знакомства читателей со Львом персонаж скорее труслив, несмотря на свою физическую мощь, — для него медосмотр заканчивается получением записки с именем и номером телефона врача, после чего служба в армии ему уже не грозит. Стремление избежать отправления военной повинности выдает во Льве дефицит отваги, что делает его похожим на Трусливого Льва из детского произведения Лаймена Баума «Удивительный волшебник из страны Оз» (1900). Далее в романе Лев фигурирует уже как фарцовщик, чья деятельность всегда сопряжена с риском и требует известной доли авантюризма и, в общем, смелости. Один из клиентов Льва прямо сравнивает его со львом: «Может, к нам на Хопер, это самое, понимаешь меня, зяма, ты как часом звать-то... Ну, Лев, я так и думал, что ты лев, лохматый, значит, ты Лев, хм, кучерявый, царь звериный» (Кононов, 2015, с. 50).

В 85 % упоминаний автор, говоря о персонаже, использует полное имя, тогда как в 15 % — краткую форму Лёва. В некоторых случаях имя пишется через букву «е», омонимически совпадая со словом «лево» как показателем ориентации в пространстве, противоположным правому. «Право» в романе выступает в роли свода законов советского государства, который Лев, продавая импортные вещи, то есть толкая «левак», нарушает. Таким образом, левизна, читаемая в имени Лёвы, противопоставлена праву — советскому законодательству.

Центральный персонаж романа самым именем раскрывает тот семантический комплекс, который лежит в основе всей системы значений этого произведения. В реконструкции этой системы значений помогает выявление мультязыкового анаграмматического кода. Этот метод позволяет выделить одну из возможных интерпретаций имени протагониста романа. Лев связан и с любовью, и со смертью. Имя персонажа созвучно английскому слову «love», означающему любовь (анаграмма ЛеВ = LoVe). Именно этим чувством оказывается связанной со Львом Люда. Одновременно с этим Лев как хищник в живой природе убивает ради пропитания, неся тем самым смерть и даже питаясь падалью, то есть мертвечиной. В одном месте романа автор воспроизводит имя героя латиницей — «Leon», от латинского «leo» (лев), что близко к английскому эквиваленту «Lion» и к другим номинациям льва в европейских языках.

Таким образом, анаграммирование имени Лев раскрывает заложенную в нем отсылку к любви и смерти — двум основным понятиям системы координат романа, на которых во многом выстраивается сюжет.

Второй персонаж — машинистка Люда, которая никогда ничего не может запомнить и постоянно делает ошибки, печатая тексты. Этимология имени Людмила хорошо известна — *милая людям*, но краткое имя Люда с точки зрения мультиязыкового кода отсылает к латинскому слову «*ludus*», обозначающему игру. Это тоже неслучайно, так как Люда в романе является участницей перманентной игры, но где-то эта игра действительная, а где-то символическая. Еще в школе Люду из-за ее неспособности учиться, забывчивости и непонимания всего заставили пройти «строжайшую медико-психолого-педагогическую комиссию по школьному дебилизму», где поставили ей диагноз «запущенность» (Кононов, 2015, с. 92–93). Ее сравнение с более трудными детьми при этом описывается игровой лексикой: «Она, конечно, выигрывала тысячу очков на фоне конченных девиантов, закатывающих настоящие припадки перед школьной линейкой» (Кононов, 2015, с. 93). В другом месте Н. Кононов пишет о Люде так: «Но иногда в ней вдруг всплывали какие-то галантные странности с витиеватым театральным флером, — перенять их она могла, скажем, в кино или придумать сама, играя в некую внутреннюю, невидимую никому девичью игру» (Кононов, 2015, с. 105). В подобие игры Люда превратила и поздравление Юуусю Куммеевали, участника Октябрьской революции: «Люда взяла обратно со стола коробку с сухим тортиком, будто мы только что вошли, она помянула меня, и я встал рядом, как на сцене. Она забрала из рук вертикально сидящего на пуфе старика почтовую карточку и отдала мне. Мы замерли. И она глубоко кивнула, и спектакль начался снова» (Кононов, 2015, с. 114).

Семантика игры связывает Люду и Льва. *Homo ludens* (человек, или мужчина, играющий) — название знаменитой книги Йохана Хёйзинги (Хёйзинга, 1997 (1938)), — в таком свете раскрывается как характеристика для Льва, мужчины, вступающего в игру с игрой. Игра Льва проявляется в том, что он не замечает Люду, *играя* с ее чувствами.

Полное имя Людмила, которым ее называют только другие персонажи романа и никогда автор, несет в себе любовь со стороны людей. Людмила — та, кто мила людям или любима ими. Время от времени герои «Парада» обращаются к ней «по-людски»: сначала отец Аркадия, предлагающий ей деньги за половую связь с его сыном, а затем алкоголик в попытке узнать, который час. Несмотря на имманентную глупость Люды, многие в романе относятся к ней с симпатией, а некоторые и вовсе влюблены. Здесь можно усмотреть парадокс: любовь живых людей всегда несет отпечаток смерти, поскольку это любовь простых смертных. И сама Люда часто размышляет о смерти, это в определенный момент даже становится ее навязчивой мыслью.

Третий персонаж романа Аркадий — умственно отсталый молодой человек, работающий в ручкозаправочном кооперативе. Аркадий влюблен в Люду и постоянно караулит ее после работы, выговаривая только две буквы — «Лю». Это первые буквы как ее имени, так и слова «любовь». Само имя «Аркадий» содержит массу реминисценций, отсы-

лая, в частности, к древнегреческой области Аркадия, где, по сложившимся в европейской культуре представлениям, царит идиллия – утопическое пространство торжества любви. Однако, как известно, и в Аркадии находится место для смерти. В «Эклогах», или пастушеских песнях, Вергилия I века до н. э. среди идиллических пейзажей Аркадии появляется могила с надписью «Et in Arcadia ego», что в переводе означает «И в Аркадии я есть», где под «Я» в большинстве интерпретаций подразумевается смерть. Вдохновленные этим сюжетом художники XVII века, среди которых Джованни Франческо Барбьери, известный как Гверчино, и Николя Пуссен, писали своих «Аркадских пастухов», обязательно изображая гробницу с надписью на латыни и черепами, символизирующими смерть. Так, сочетание образов любви и смерти, которое характерно для Льва и Людмилы, просматривается и в комплексе значений, порождаемом именем Аркадий в общекультурном контексте.

Отец Аркадия, по совместительству директор кооператива, называет сына ласково Адей, потому что последний отзывается только на это имя. Имя «Адя» разлагается на два слова – «Ад», куда после смерти попадают грешники, и «я», то есть *ego*. Неудивительно поэтому, что в конце романа Аркадий в погоне за своей любовью Людой выбегает на улицу и погибает под колесами милицейского УАЗика. Так, любовь, которая движет Аркадием, в конце концов приносит ему смерть.

Имена указанных персонажей выступают ключами к пониманию геометрии произведения. В его основе находится фигура с тремя вершинами, напоминающая треугольник, поддерживаемый двумя столпами – любовью и смертью. Первые признаки двойственности можно обнаружить уже в самом первом имени в романе – в его названии. Слово «парад» имеет связь и с любовью, что символически выражено, например, в виде свадебного кортежа, и со смертью, где похоронная процессия также отчасти напоминает парад.

Тройственность отмечена не только именами троих персонажей, но и сосуществованием на страницах романа трех составных частей мироздания в католическом представлении – Рая, Ада и Чистилища, на что указывает лексика, которую Н. Кононов использует в разных местах романа. В эту трехчастную структуру оказываются вовлеченными и другие действующие лица произведения. Персонаж по прозвищу Холодок, *играючи* раскладывая слово «ладно» на составные части, обнаруживает, что в нем сокрыта оппозиция «рай – ад» (Кононов, 2015, с. 277). На протяжении романа автор демонстрирует, что действительность, в которую помещены персонажи, лишена райских черт. Описывая город, по которому гуляет Лев, писатель отмечает, что повседневность города заставляет забыть о том, что «где-то есть благоуханные сады, родящие в изобилии раннюю черешню, а следом вишню, розовые яблоки, прозрачные груши, несказанные персики и *райские* абрикосы...» (курсив здесь и далее мой. – А. Д.) (Кононов, 2015, с. 24). В другом месте романа сожительница Нмбмтуклы, темнокожего аспиранта из Верхней Вольты, грезит, что «настанет час, и Нмбмтукла непременно

вывезет ее в свое сказочное африканское королевство, где пальмы, кокосы и *райские* птицы...» (Кононов, 2015, с. 167). Показательна, наконец, и непродолжительная встреча Мотылька с известной и обожаемой им певицей, после чего «пролилась и заблагоухала *райская* эссенция внутри торгового помещения обычной булочной, чтобы испариться уже безвозвратно» (Кононов, 2015, с. 202). Выходит, что герои романа живут в среде, в которой нет места райским атрибутам, а если последние там и обнаруживаются, то вскоре бесследно исчезают.

Более того, героям Н. Кононова присущи некоторые черты, которые подчеркивают их связь скорее с Адом, чем с Раем. Лев наносит на лицо своей сожительнице Кисе грим, оттачивая на ней «свои демонические экзерсисы» (Кононов, 2015, с. 48), а в Люду «в минуты одиночества вселялся демон неодолимого девичьего танца, и она коту, сидящему на полу перед нею, обращала свою неумную динамическую страсть» (Кононов, 2015, с. 131)². На похоронах Ади, которого впервые другие персонажи в романе называют по фамилии, имени и отчеству (таким образом, в некотором смысле Адя становится самим собой только после смерти), слово берет Балванна и объявляет собравшимся об участии в параде 7 ноября, призывая их к ответственному поведению (Кононов, 2015, с. 361). Писатель, таким образом, показывает, что в реальности сквозь Рай (*Парадиз*) просматривается Ад.

В романе находится место и для Чистилища («пургаториум»), где в соответствии с католическими представлениями души очищаются от грехов. В одном месте романа Н. Кононов прямо использует однокоренное слово «пургацию» для описания канализации в туалете, который посещают машинистки, в том числе Люда (Кононов, 2015, с. 308). Ад, Чистилище и Рай — это пространство, в котором разными способами связаны любовь и смерть. В Ад души попадают из-за низкой любви, которая приводит человека к грехам. В Рай дорога открыта праведникам, которые жили в любви к Богу и ближним. При этом неизбежным условием попадания души человека в одно из трех пространств является его физическая смерть.

Дополнительным маркером тройственности является любовный треугольник, который образуют Лев, Люда и Аркадий, но кроме любви они также связаны семантикой конца земной жизни.

Таким образом, следует подчеркнуть, что имена в определенных формах использованы Н. Кононовым в романе отнюдь не случайно, поскольку они, выступая фактором текстопорождения, помогают вскрыть заложенную в тексте зашифрованную информацию. Это происходит как за счет игры с именами персонажей, актуализирующей образы и смыслы древнегреческой и древнеримской культур, что также подчеркивает их смертность, так как латынь и древнегреческий язык согласно распространенным представлениям — это мертвые языки, так и путем использования полных и кратких форм, которые наполняют текст коннотативными значениями.

² Любопытно, что в Средние века европейцы стали считать коша воплощением демонических сил (см. об этом: Махов, 2006, с. 228–230).

Список литературы

Дмитровская М.А. Вегетативный код в рассказе Николая Кононова «Амнезия Анастасии». 2. Об овсе — оба все! // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2015. №8. С. 39–45.

Дмитровская М.А. Коли муза Клио: история души человеческой и история народов в романе Николая Кононова «Фланёр» // Новое литературное обозрение. 2014. №4 (128). С. 266–284.

Дмитровская М.А., Дегтяренко К.А. «Полный абзац» (узловые концепты в творчестве Николая Кононова) // Критика и семиотика. 2016. №1. С. 205–226.

Дмитровская М.А., Дементьев И.О. Гробовщик Адриан (подтексты и претексты романа Николая Кононова «Фланёр») // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. №8. С. 58–63.

Кононов Н. Парад : роман. М., 2015.

Махов А.Е. Hostis Antiquus: Категории и образы средневековой христианской демонологии. Опыт словаря. М., 2006.

Хэйзинга Й. Homo ludens; Статьи по истории культуры / пер. Д.В. Сильвестрова. М., 1997.

Jäckel D. Der Herrscher als Löwe. Ursprung und Gebrauch eines politischen Symbols im Früh- und Hochmittelalter. Köln ; Weimar ; Wien, 2006.

Об авторе

Алексей Анатольевич Давиденко, ассистент Института гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: AADavidenko@kantiana.ru

Для цитирования:

Давиденко А.А. «Nomen est omen»: о роли имен в романе Николая Кононова «Парад» // Слово.ру: балтийский акцент. 2019. Т. 10, №2. С. 56–63. doi: 10.5922/2225-5346-2019-2-5.

«NOMEN EST OMEN»: THE ROLE OF NAMES IN THE NOVEL *PARADE* BY NIKOLAY KONONOV

A. A. Davidenko¹

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevskogo Str., Kaliningrad, 236016, Russia
Submitted on November 17, 2018
doi: 10.5922/2225-5346-2019-2-5

The author analyses the role of the main characters' names – Lev, Lyuda and Arkady – in the novel Parade by N. Kononov. The multilanguage anagrammatic code is chosen as a research technique: anagramming (in some cases with a transition from one language to another) allows the author to identify hidden meanings consciously or subconsciously used by the writer. N. Kononov resorts to language game throughout his novel and shows the connection between the name Lev and the semantics of physicality and personality traits. Describing his characters, the writer uses a number of images: the king of all animals, the cowardly lion,

etc. The multilanguage anagrammatic code highlights the connection of the name of the protagonist with the two key concepts of the novel – love (LEV = LoVE) and death. Similarly, this code works with the names of Lyuda ('ludus' as 'game' in Latin; Lev playing with Lyuda – 'homo ludens'). The name Arkady is semantically associated with death in the expression 'et in Arcadia ego'. The names of the characters in the novel are the key to the understanding of the threefold structure of the text. The short form of the name Arkady (Adya = Ad (Hell) + I) refers to Hell as one of the three parts of the Universe in the Catholic religion, followed in the text by Paradise and Purgatory. The author concludes that the names perform a text-generating function and reveal the encrypted information inherent in the text.

Keywords: N. Kononov, language game, anagrammatic code, semiotic system.

References

Dmitrovskaya, M. A., 2015. The vegetative code in the story "Amnesia of Anastasia" by Nikolay Kononov. 2. Ob ovse – oba vse! *IKBFU's Vestnik: Philology, pedagogy, and psychology*, 8, pp. 39–45 (in Russ.).

Dmitrovskaya, M. A., 2014. If the Muse of Clio: the story of the human soul and the history of peoples in the novel "Flaneur" by Nikolay Kononov. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary review], 4(128), pp. 266–284 (in Russ.).

Dmitrovskaya, M. A., Degtyarenko, K. A., 2016. "Full paragraph" (key concepts in the works of Nikolay Kononov). *Kritika i semiotika* [Critique and semiotics], 1, pp. 205–226 (in Russ.).

Dmitrovskaya, M. A., Dementev, I. O., 2013. Undertaker Adrian (subtext and pre-text of the novel "Flaneur" by Nikolay Kononov). *IKBFU's Vestnik: Philology, pedagogy, and psychology*, 8, pp. 58–63 (in Russ.).

Kononov, N., 2015. *PARAD: Roman* [PARADE: the novel]. Moscow (in Russ.).

Makhov, A. E., 2006. *HOSTIS ANTIQUUS: Kategorii i obrazy srednevekovoj hristianskoj demonologii. Opyt slovarya* [HOSTIS ANTIQUUS: Categories and images of medieval Christian demonology. Essay of handbook]. Moscow (in Russ.).

Huizinga, J., 1997. *Homo ludens; Stat'i po istorii kul'tury* [Homo ludens; The articles on the history of culture]. Moscow (in Russ.).

Jäckel, D., 2006. *Der Herrscher als Löwe. Ursprung und Gebrauch eines politischen Symbols im Früh- und Hochmittelalter*. Köln; Weimar; Wien.

The author

Aleksei Davidenko, Assistant Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: AADavidenko@kantiana.ru

To cite this article:

Davidenko, A. A. 2019, «Nomen est omen»: the role of names in the novel *Parade* by Nikolay Kononov, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 10, no. 2, p. 56–63. doi: 10.5922/2225-5346-2019-2-5.

**АЛХИМИЧЕСКАЯ СИМВОЛИКА
КАК ИНСТРУМЕНТАРИЙ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ
В ПОВЕСТИ Н. КОНОНОВА «ИСТОЧНИК УВЕЧИЙ»**

*Д. А. Малеваная*¹

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14
Поступила в редакцию 16.10.2018 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2019-2-6

Повесть «Источник увечий» Н. Кононова рассматривается как «психоаналитический отчет» – безусловно, художественный, но рассчитанный на определенный терапевтический эффект для повествователя. Прочтение сугубо авторских на первый взгляд характеристик трех главных персонажей в свете алхимической символики позволяет прояснить «психологическую функцию» каждого из них как отражения определенного аспекта психики. Овечин, в чьем образе доминирует солярная символика, предстает как проекция Эго – сиюминутного сознания, связанная с образами Луны и воздуха Оля – как проекция находящейся в сфере бессознательного Анимы. Повествователю и его персонажу отведена роль пребывающей за сиюминутным сознанием осознающей части психики. При всей очевидности того, что речь в повествовании идет о душевном заболевании, о «раздвоении личности», присущем состоянию психоза, оно предстает одновременно как разматывание и упорядочивание истории, событий прошлого, их аналитическое осмысление, то есть как начало процесса индивидуации.

Ключевые слова: Н. Кононов, автоповествовательная проза, я-повествователь, психоанализ, алхимическая символика.

Повесть Николая Кононова «Источник увечий» получила в критике и в литературоведении не одно прочтение. Она рассматривалась и как изопренное изложение истории душевной болезни, раздвоения личности, и как автотерапевтическое повествование пациента психиатрического учреждения. Эти два понимания не исключают друг друга, но важна расстановка акцентов.

Вполне возможно, что к первому толкованию подводило само структурирование повествования еще в журнальном издании («Знамя», 2001), а также в составе сборника «Магический bestiарий», вышедшего в следующем, 2002, году, где «Источник увечий» имел подзаголовок «повесть в двух неравных частях», которые были озаглавлены «Здоровье» (первые 8 из 21 главы) и «На приступ». Действительно, 1-я часть, где три персонажа этой истории еще образуют сложно взаимодействующую троицу, может быть осмыслена как представляющая состояние здоровья, пусть и относительного, на фоне 2-й, большей части, открывающейся словами «Через короткое время наша троица распалась».

В последующих изданиях «Магического бестиария» деление повести на две части было снято. Первый уровень структурирования — деление на главы — сохранился (и даже был акцентирован новым подзаголовком «в главах»), свидетельствуя о способности рассказчика к последовательному и аналитическому изложению своей истории. И здесь важно заметить, что сама способность повествовать о происшедшем указывает, с точки зрения последователей Юнга (см.: Франк, 2017, с. 252), на тот факт, что сохранилась некоторая часть личности, остающаяся за пределами переживания и оказывающаяся в состоянии вести постоянное наблюдение за происходящим — вовне или, как в нашем случае, в своей памяти, в своих психических процессах, этом внутреннем театре. Эта роль отдана повествователю как в настоящем, во времени рассказывания, так и в прошлом, во времени рассказываемой им истории, где его персонаж (назовем его *я*-персонаж) наделен теми же качествами — он ощущает себя «персонажем своей жизни», которая «безучастная, огибала» (Кононов, 2012, с. 524²), даже не касалась его, и внешне «как будто... вообще исключен из бытия. Как некий инертный наблюдатель, как насекомое Босха с высокого шестка» (с. 538). При этом внутри себя эпизод за эпизодом он испытывает мощные переживания, интенсивность которых и его неспособность их переработать, канализировать (на тот момент, период времени) в итоге приводят к обострению его психоза в предфинальных главах. И, к слову, тот факт, что после прыжка из окна он остается жив, пусть и попав в то самое учреждение, из которого пишут тупым карандашиком, как и сам процесс *письма*, способность хоть и с запинками, витиевато, с нарушениями логики и, порой, синтаксиса, но сообщить о своих переживаниях, — эти два момента обнадеживают, свидетельствуя о начале процесса исцеления, переработки пережитого.

Склоняясь ко второму варианту прочтения повести — как «психоаналитического отчета», представленному, в частности, в рецензии Дмитрия Полищука «Контрольные Кононова» (Полищук, 2003), и осознавая необходимость обоснования этой позиции, мы обратились к «системе персонажей» повествования. Все герои этой «череды наблюдений» — самостоятельные, отдельные персонажи, вместе с тем становящиеся проекциями элементов психики *я*-персонажа в силу их «попадания в точку», соответствия этим структурам психики. На первый взгляд ситуация кажется предельно очевидной: классический (при всех авторских отступлениях от этой классичности) треугольник, в котором психоаналитик увидел бы зашифрованную историю взаимодействия таких аспектов личности, как Эго, Тень и Анима. Однако все просто только на первый взгляд и, главным образом, только для женского персонажа — Оли, которая, будучи противоположна по полу рассказчику, не может выступать никем иным, кроме как воплощением, проекцией его Анимы. Для двух мужских персонажей, самого рассказчика и Овечина, его друга-врага («лютого и дражайшего», как определит его в

---

² Далее ссылки на текст повести даются по этому изданию с указанием в скобках номера страницы.

финале рассказчик, наконец во всей полноте осознавший его амбивалентность), невозможно однозначно подобрать «амплуа», поскольку взаимодействуют не только и не столько они сами, сколько их свойства. На этих свойствах и остановимся подробнее.

Образ Овечина (или, как тонко определяет в самом начале повествования рассказчик, «череда его образов») складывается из нескольких взаимопересекающихся характеристик: 1) рациональность, разумность, 2) маска и 3) свет / блеск / сияние / связь с металлами. *Рационализм* Овечина, одновременно и тупой, и сияющий (две его характеристики на протяжении всего повествования), то есть амбивалентный по своей сути, и *краснобайство* как одно из внешних проявлений рассудочности однозначно позволяют идентифицировать данного персонажа как воплощение Эго, то есть индивидуального сознания — сияющей разумом солярной стороны нашей психики, отвечающей за связь с внешним миром, за успешность действий в нем. И Овечин на протяжении своей жизни мастерски справляется с этой задачей, восходя по карьерной и материальной лестнице все выше и выше, подстраиваясь под изменяющиеся внешние обстоятельства. Вместе с тем пафосное, высокопарное краснобайство находится в одной плоскости с *театральностью*, «постановочностью» овечинского образа (не зря рассказчик неоднократно говорит о срежессированности им отдельных эпизодов как о не подлежащей сомнениям данности), и эта характеристика отсылает к Персоне, являющейся внешним воплощением Эго. Склонность к надеванию маски, принятию на себя некоего образа, показная, картинная театральность придают Овечину черты персонажа неживого, потустороннего, связывая с хтоническим миром (еще в начале повествователь задается вопросом: «Значит ли это, что я тогда уже угадал в нем мертвеца, с которым мне будет назначена встреча?»³). На реализацию хтонического начала в образе Овечина работают и мотивы змея-искусителя, Сатаны, просвечивающие в его образе на протяжении всей истории, и когда я-персонаж в одном из предфинальных эпизодов оказывается в силах озвучить свою злость и ненависть к Овечину, к его окологьявольской, змей-искусительской стороне, озвучить практически прямо («громко», хотя и «не глядя на него»), это становится свидетельством происходящей внутри него работы по интеграции еще одного связанного с Эго аспекта психики — Тени. Тень, как известно, представляет собой вытесненные в бессознательное черты Эго, неприемлемые для индивида. Тень проявляет амбивалентность самого Эго, которая может быть уравновешена при прохождении человеком пути индивидуации (Юнг, 1996).

В контексте названных выше признаков значимую роль играет связь образа Овечина с солярной символикой через признаки блеска, света, сияния, а также через ассоциации с металлом, в первую очередь с медью. Эта группа взаимосвязанных признаков неизбежно отсылает нас к ал-

³ Следует отметить, что в первой главе «Ведение» сосредоточены все мотивы, все векторы, которые потом прорастут в повествовании, став метафорами *психического* и в глобальном смысле, и отдельных его аспектов и их черт.

химической символикe. Алхимия как древняя протонаука – больше чем просто одна из предшественниц ряда современных естественных наук. Средневековая, а до нее арабская, алхимия была тесно связана с египетско-греческой герметической традицией и в не меньшей степени с азиатскими, ассиро-вавилонскими воззрениями. Одна из точек зрения на происхождение алхимии связывает зарождение алхимического мышления с осознанием человеком возможности трансформации материи при помощи огня, поскольку металлургия, обработка металлов открыла ему реальности, ранее для него недоступные, а с ними возникли (или, возможно, лишь проявились) и новые символы (Элиаде, 1998, с. 81). Для вавилонян и их средиземноморских учеников материя была живой и одухотворенной (наделенной энергией и интенцией к взаимодействию), как всё в Космосе. По сути, алхимические системы разных регионов Древнего мира объединяет при всех внешних, практических различиях этот общий взгляд на материю и дух как на взаимосвязанные пласты. Поэтому, несмотря на все подробности алхимических трактатов о том, как получить то или иное вещество, алхимическая работа, которую сами средневековые алхимики называли Великим или Философским Деланием, происходила не только в ретортах и колбах, но и подразумевала внутреннюю трансформацию наблюдающего за превращениями веществ алхимика (Константинов, 2007, с. 749). Здесь достаточно напомнить, что араб. *Kalb* означает «сердце», и это дополнительным светом озарит тот эпизод начала зимнего похода в повести, когда через «особенный взор» без взирания, через общий для них воздух между *я*-персонажем и Олей происходит «обмен частью мягкой⁴ анимы, еще не ставшей к тому времени твердой душой», и *я*-повествователь из настоящего времени замечает: «Если бы я тогда знал Давидовы псалмы. То я бы понял, что это *мое сердце плавится во мне*» (с. 503).

Мотив нагревания, через которое возможно преобразование изначального вещества в новое состояние, частотен в повести и возникает в моменты наивысшего напряжения, при взаимодействии *я*-персонажа либо с Олей, либо с Овечиным. Также присутствует противоположный мотив – затухания огня, тления, догорания, то есть снижения интенсивности горения. Так, в первоначальном описании Овечина в 1-й главе, полном нанизываемых друг за другом мотивов блеска, света, имеющих как положительную, так и отрицательную семантику, что проявляет двойственность этого персонажа, последним становится глагол *тлеть*: «И если бы он перестал так тлеть, то наверняка бы умер» (с. 495). Этот глагол употреблен здесь, очевидно, в значении ‘гореть, поддерживая собой огонь, подспудно, в скрытом виде’ или, более абстрактно, ‘сохраняться, существовать в скрытом виде’, но при этом отсылает к другим своим значениям – ‘гореть без пламени, обугливаться и превращаться в пепел’ и даже ‘разлагаться, гнить, преть’ (Толковый словарь Ушакова). То же состояние постигает героя во время финальной встречи с Овечиным, когда он узнает о существовании их общей дочери и

⁴ Курсив здесь и далее везде в цитатах наш. – Д. М.

смерти Оли: «Он перемежал свою речь вскриком "слышишь", не содержащим и тени вопрошания. Он мог так же кричать мне: "живешь?", "глеешь?", "догораешь?". Все что угодно» (с. 553). Но использование в данном ряду именно этих слов указывает на состояние повествующего персонажа.

После распада троицы и медицинского искоренения изъяна, нарушавшего мужскую функциональность Овечина и уподоблявшего его монаху-аскету (пастырю — частое его определение и автоопределение), свет Овечина четко связывается с блеском металла, а именно — меди, и этот исходящий из него блеск точно так же имеет как свою присутствующую, возрастающую сторону, так и убывающую: «Да-да, медь, которую надо было все время полировать — вот что было в нем сияющего. И тусклого, когда он забывал об этом вечном трении» (с. 533). Глава 14 «Термопара», повествующая — опять же в металлических-электрических метафорах — о плотских утехх Овечина, становится пароксизмом металлического свечения и термоэлектрических эффектов: «В его мужских соленых рассказах всегда присутствовали образы, связанные с чистыми металлами. <...> Эти новеллы вызывали во мне металлический привкус, словно бы я понюхал гвоздь, подержал на языке свинцовое грузило или лизнул сосочки батарейки» (с. 537—538).

Примечательно, что *металлический* (то есть кисловатый) *привкус*, являющийся, как мы помним из курса физики, «вкусом электричества» (опыты А. Вольты с живой электрической цепью), неизменно сопутствует Овечину. Привкус, правда, становится запахом — но с какой навязчивой регулярностью он ощущается главным героем: «Я не любил его скользкий стекольный дух. Он как-то вкрадчиво *кислил* — как школьная химическая лаборатория, но гораздо тише и въедливей. <...> Я думаю, что я чувствовал тот *кислый электрический дух*, потому что я все-таки боялся Овечина» (с. 518); «Шум от вырывающегося воздуха... ветер, исходящий от него, *кислой* буквой надавливал уже и на мое лицо» (с. 521). И тогда в описании финальной встречи уже не нужно уточнений: «Терпкий, нездешний дух этого человека опрокинулся на меня и разошелся дальше пыльными невидимыми сферами» (с. 544).

Концентрируя, собирая в себе эту энергию, Овечин ее силой в определенные моменты оказывает увечающее воздействие на реальность. Показательно описание эффекта от его выступлений на собраниях с целью добиться восстановления своей партийной чести и снятия выговора за утерю комсомольского билета, которая обернулась для его занимавшейся научной карьеры настоящей трагедией: «Он образовывал зияние. Он выжигал кислород. От него делалось кисло» (с. 532), причем в реальном мире, в природе борьбе Овечкина за свое положение сопутствуют первые майские грозы. Безусловно, кислород не горит, но это очень выразительная метафора интенсивного, агрессивного воздействия электричества на воздух, в котором в повести зашифрована Анима. Также выразителен эпизод последней встречи, когда Овечин предлагает я-персонажу делать из воздуха «абсолютные деньги», подвергнув этот дорогой герою элемент «паскудной переработке» (с. 547). Последняя может быть прочитана как псевдоалхимическое, сниженное пре-

вращение воздуха, являющегося по своей сути «Ничем» (и в то же время для повествователя — Всем), в материальный и высоко котирующийся элемент, профанный аналог золоту. Для героя сама мысль о подобной манипуляции с воздухом звучит надругательством над Анимой. Собственно, и финальное определение им Овечина — *небосос*, которое представляет собой неточный палиндром слова «способен», работает на этот же смысл.

Итак, перед нами металлически-электрически-магнетически-огненно-световой образ, то есть вариант солярного образа, олицетворяющего мужской принцип коллективного сознания. И это заставляет вспомнить трактат арабского алхимика X века Мохаммеда ибн Умайля, известного как Сеньор, в котором присутствует образ двух Солнц, в латинском переводе трактата названных *sol cum justia* и *non justia*, то есть «солнце со справедливостью» и «солнце без справедливости». Первое на изображениях имеет два луча, второе — один. Солнце с одним лучом олицетворяет ригидную установку сознания, с двумя — открытую, или, иначе, парадоксальную, признающую существование противоположностей и противоречий. Такая установка сознания предполагает наличие живой связи с темной стороной своей личности, то есть с бессознательным, поэтому солнце с двумя лучами и названо в трактате ибн Умайля справедливым. Именно такое солнце-сознание будет служить каналом, по которому сможет протекать, а значит, проявляться вовне бессознательное, ассоциирующееся, в свою очередь, с ночью и озаряющей ее мрак луной (Франц, 2017, с. 128, 148–151).

В свете вышесказанного становится наконец понятна функция, которую призван выполнять *я*-персонаж: тогда как Овечин олицетворяет находящееся на первом плане психики обычное, сиюминутное сознание, *я*-герой, этот прикованный к своему незримому шестку наблюдатель, тесно связанный с бессознательной Анимой, выступает в роли сознания парадоксального, *осознающей части психики*, пребывающей за сиюминутным сознанием, то есть собственно *осознавания*. При этом в образе Оли со всей однозначностью проявлена лунная символика, с первых же определений отсылающая к пушкинской Ольге из «Евгения Онегина» и травестирующая этот образ до предела: «лупоглазая милая Оля»; «не сводила с него своих глупых голубых луп»; «сквозь густую сень ресниц на него лилось сияние оптических приборов, прозываемых очами. Этот отраженный свет падал и на меня» (с. 498); «Плотный февральский снег искрился в лучах восторга, излучаемых Олей. Она, как линза, концентрировала их» (с. 500). Оля-луна выступает линзой-усилителем для света, исходящего от Овечина-солнца, поддается гипнотическим, вводящим буквально в транс чарам его речей и всего его образа (как позже поддастся и само осознающее Я) и совершенно теряет себя. Эта способность Оли подвергаться внешним воздействиям усиливается образом *селенитового обелиска* (из одноименной 5-й главы): полудрагоценный камень селенит обладает волокнистой структурой и вследствие этого мягок для обработки, а также легко царапается и затирается.

После распада троицы Оля полностью отходит в тень (даже ее переход на «самую простую специализацию» имеет и непрямой смысл), теряет свой свет, который теперь перераспределен между бывшими членами тройки неравномерно, пытается наложить на себя руки, а с предательством Овечина полностью исчезает из жизни повествователя.

Наблюдающее сознание в лице главного героя, находящееся между *сознанием* и *бессознательным* (и осознающее «свое двойственное положение»), оказывается бессильно объединить, уравновесить эти две стороны психики, либо проникаясь до пределов бессознательным, пока разум отошел (в кусты по делу, не терпящему отлагательств — гл. 5), либо полностью теряя контакт с разумом, когда Овечин, двинувшийся по карьерной лестнице, переезжает в Москву (в духе лексической игры самого писателя можно сказать, что *моск* переехал в *Москву*). Этим и объясняется заболевание главного героя, о котором он стыдливо упоминает в главе 16, носящей название «Summary»⁵: «Надо признаться, что я болел. Иногда замедленно, легко, но подолгу, иногда серьезно, но искрометно и кратко» (с. 542). Можно предположить, что речь идет о душевном заболевании, о «раздвоении личности», присущем состоянию психоза. Но вместе с тем развертывающееся перед читателем повествование предстает как разматывание и упорядочивание рассказывающим своей истории, событий прошлого, как их аналитическое осмысление со всеми присущими этому процессу особенностями — то есть как начало психологического процесса индивидуации. И если и говорить о болезни, то как об изначальном состоянии неполноты, увечности, которую этот путь индивидуации призван исправить.

Список литературы

- Кононов Н. Источник увечий // Кононов Н. Саратов : рассказы. М., 2012.
- Константинов А.В. Архетипы трансформации в алхимии // Философия, религия и культура стран Востока : матер. науч. конф. (Санкт-Петербург, 7–10 февр. 2007 г.). СПб., 2007. С. 746–754.
- Полищук Д. Контрольные Кононова // Новый мир. 2003. №2. С. 162–168. Рец. на кн.: Кононов Н. Магический бестиарий. В 3 разделах. М., 2002.
- Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1995. URL: <http://ushdict.narod.ru> (дата обращения: 15.03.2018).
- Франц М.-Л. фон. Алхимия: введение в символизм и психологию. М., 2017.
- Элиаде М. Азиатская алхимия. Сборник эссе. М., 1998.
- Юнг К.Г. Структура психики и процесс индивидуации. М., 1996.

Об авторе

Дарья Александровна Малеваная, кандидат филологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.
E-mail: dariabp@yandex.ru

---

⁵ Слово *summary* в международной терминологии входит сразу в два медицинских понятия, в некотором смысле антонимичных друг другу: *история болезни* (которую заводят в начале лечения) и *выписной эпикриз*.

Для цитирования:

Малеваная Д. А. Алхимическая символика как инструментарий психоаналитического описания в повести Н. Кононова «Источник увечий» // Слово.ру: балтийский акцент. 2019. Т. 10, №2. С. 64–72. doi: 10.5922/2225-5346-2019-2-6.

ALCHEMIC SYMBOLS AS A MEANS OF PSYCHOANALYTICAL
DESCRIPTION IN N. KONONOV'S STORY «SOURCE OF INJURY»

D. A. Malevanaya¹

¹Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236016, Russia
Submitted on October 16, 2018
doi: 10.5922/2225-5346-2019-2-6

The story «The Source of Injury» by Nikolay Kononov is as a psychoanalytic report that has a therapeutic effect for the narrator. The characteristics of the three main characters are considered in terms of their alchemical symbolism. This point of view makes it possible to identify the psychological function of each character as a reflection of a certain aspect of their psyche. Ovechin, whose image is dominated by the solar symbolism, appears as a projection of Ego and of momentary consciousness. Olya, who is associated with the images of the moon and air, appears as a projection of the Anima, which refers to the subconscious. The narrator and his character play the role of the conscious part of the psyche abiding behind the momentary consciousness. Although the narrative is evidently about a mental illness, a split personality in the state of psychosis, it still structures past events and their analytical understanding, leading to their strictly individual perception.

Keywords: N. Kononov, auto-narrative prose, I-narrator, psychoanalysis, alchemical symbolism.

References

- Kononov, N., 2012. Source of injuries. In: N. Kononov, ed. *Saratov: rasskazy* [Saratov: stories]. Moscow (in Russ.).
- Konstantinov, A. V., 2007. The archetypes of transformation in alchemy. In: S. V. Pakhomov, ed. *Filosofiya, religiya i kul'tura stran Vostoka: mater. nauch. konf.* [Philosophy, Religion, and Culture of Eastern Countries: Conference Proceedings]. St. Petersburg, 7–10 February 2007. St. Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta. pp. 746–754 (in Russ.).
- Polishchuk, D., 2003. *Control Kononova*. *Novyi mir* [New World], 2, pp. 162–168 (in Russ.).
- Ushakov, D. N., ed., 1995. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory dictionary of the Russian language: 4 vol.]. Available at: <http://ushdict.narod.ru> [Accessed 15 March 2018] (in Russ.).
- von Franz, M.-L., 2017. *Alkhimiya: vvedenie v simvolizm i psikhologiyu* [Alchemy: an introduction to symbolism and psychology]. Moscow (in Russ.).
- Eliade, M., 1998. *Aziatskaya alkhimiya. Sbornik esse* [Asian alchemy. Collection of essays]. Moscow (in Russ.).
- Jung, K. G., 1996. *Struktura psikhiki i protsess individuatsii* [The structure of the psyche and the process of individuation]. Moscow (in Russ.).

The author

Dr Daria Malevanaya, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.
E-mail: dariabp@yandex.ru

To cite this article:

Malevanaya, D.A. 2019, Alchemic symbols as a means of psychoanalytical description in N. Kononov's story «Source of Injury», *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 10, no. 2, p. 64 – 72. doi: 10.5922/2225-5346-2019-2-6.

НОВЫЕ ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ

УДК 81'1

МЕДИАОБРАЗ САН-ЭСКОБАРА В ПРОСТРАНСТВЕ ВЫМЫШЛЕННЫХ МИРОВ: СОЦИОСЕМИОТИЧЕСКИЙ РАКУРС

Ж. Р. Сладкевич^{1, 2}

¹ Гданьский университет
80—308, Польша, г. Гданьск, ул. Вита Ствоша, 51
² Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14
Поступила в редакцию 29.05.2018 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2019-2-7

Рассматривается процесс структуризации понятия о фиктивном государстве Сан-Эскобаре в ракурсе социальной семиотики, с учетом широко понимаемого контекста и медиасреды конструирования образа. Стимулом к сетевой креации мема послужила оговорка главы МИД Польши Витольда Вациковского.

Кардинальные изменения коммуникативного пространства, господство цифровых медиаресурсов и поликодовых сообщений, гегемония визуальной культуры и усиление воздействия общественного фактора на специфику языковых преобразований способствовали выходу на авансцену гуманитарных исследований социосемиотического направления. В теоретической части статьи осуществлен синтетический анализ эволюции понятия «контекст» в лингвистике в ракурсе таких ее направлений, как системно-функциональная грамматика, когнитивистика, социальная семиотика и мультимодальный анализ дискурса. В аналитической части исследуется сконструированный медиаобраз фиктивного государства Сан-Эскобар через призму следующих контекстов: ситуативно-медиаального, культурно-познавательного, языкового, интенционального и социально-экономического. Подводя итоги специфики смыслообразования в нарративных социальных практиках, автор приходит к выводу о реконтекстуализации мысли Михаила Бахтина относительно полифонической природы языка и коммуникации.

Ключевые слова: социальная семиотика, контекст, медийный образ, интернет-коммуникация.

Кардинальные изменения коммуникативного пространства, господство цифровых медиаресурсов и поликодовых сообщений, гегемония визуальной культуры и усиление воздействия общественного фактора на специфику языковых преобразований способствовали выходу на авансцену гуманитарных исследований социосемиотического направления. В течение последних десятилетий в лингвистике, отличаю-

щейся выраженным контекстоцентризмом (Kiklewicz, 2012, s. 127), внимание ученых фокусируется не столько на системе языка, сколько на различных сферах его употребления, интенциональности коммуникации, социальных аспектах смыслообразования, изучении «различных сторон "живой" коммуникации и коммуникантов» (Кубрякова, 1995, с. 147), а также специфике общения в новом, виртуальном, пространстве. Современную коммуникативную культуру определяет глобальная трансформация, связанная с бурным развитием цифровых технологий, детерминирующая новый способ осмысления и передачи знаний, а также растущая роль социума и индивида в динамике языковых процессов и коммуникативного реагирования на текущие события.

1. Контексто-ориентированные социо семиотические исследования. Понятие контекста

Познавательная деятельность человека напрямую связана с процессами концептуализации и категоризации. Осмысление поступающей информации сопровождается образованием в сознании человека понятийной системы (концептосферы), а также отнесением объекта концептуализации к определенной категории¹. Заметим при этом, что социально-культурное наполнение понятия не является константой, а, напротив, характеризуется постоянной динамикой и модифицируется под воздействием широко понимаемого *контекста*.

Понимание дискурса как «речи, погруженной в жизнь» (Арутюнова, 1990, с. 136–137), как «текста в неразрывной связи с ситуативным контекстом» (Чернявская, 2003, с. 54) отражает новую глобальную лингвистическую перспективу — анализ языковых процессов в их связи с социокультурным фоном («kontekstem przyjęzycznym» / «околоязыковым контекстом» у Ежи Бартмиńskiego (Bartmiński, 2001, s. 33)). На необходимость учета в лингвистических исследованиях смыслопорождающей силы *контекста* указывал еще Луи Ельмслев: «...любая сущность, а, следовательно, также и любой знак определяется относительно, а не абсолютно, и только по своему месту в контексте» (Ельмслев, 1960, с. 303)². В том же ракурсе А.Ф. Лосев отмечал, что истинный смысл высказывания может быть понятен только в контексте речи: «Значение знака есть знак, взятый в свете своего контекста» (Лосев, 1982, с. 61).

Понятие контекста является ключевым для так называемой контекстоцентричной лингвистики, прежде всего прагматики, дискурсо-

¹ См. подробнее: (Лакофф, 1988, с. 12–52; Maćkiewicz, 1999, s. 47–55; Залевская, 1999, с. 99; Маслова, 2008, с. 41).

² Ср.: «...значение слова определяется не только соответствием его тому понятию, которое выражается с помощью этого слова... оно зависит... от общественно осознанных и отстоявшихся контекстов его употребления, от конкретных лексических связей его с другими словами, обусловленных присущими данному языку законами сочетания словесных значений, от экспрессивной и стилистической окраски слова» (Виноградов, 1977, с. 165).

гии, социальной семиотики. В синтетическом анализе эволюции понятия «контекст» в лингвистике Анна Душак выделяет три этапа: 1) протодискурсивный (грамматический), 2) преддискурсивный (текстовый, текстуальный) и 3) собственно дискурсивный, или интердискурсивный (Duszak, 2014, s. 228 и далее, перевод наш), отмечая при этом, что такая парадигма обусловлена не столько хронологией (хотя временные рамки имеют значение), сколько дифференциацией на когнитивном, социальном и семиотическом уровнях. Для первого этапа, представленного прежде всего работами основателя системно-функциональной грамматики Майкла Халлидея (1967; 1978; 1985), контекст трактуется как соседний текст (*co-text*), вербальное окружение анализируемого предложения. В другом значении контекст понимается как нечто внешнее по отношению к языку, то есть ситуация, в которой порождается текст (Hallida, 1978, p. 122). На втором этапе, текстуальном (этот термин представляется оптимальным, так как коррелирует с понятием процессуальности), отмеченном в 80-х и начале 90-х годов прошлого столетия сильным влиянием прагматического и когнитивистического мышления о языке (Searle, 1969; Grice, 1975; van Dijk, 1980). Контекст как в прагмалингвистическом, так и дискурсивном исследовательском русле функционирует как понятие, соотносимое скорее с планом пресуппозиции, чем выраженным *explicite* фрагментом текста, является неотъемлемым элементом коммуникации. Контекст представляет собой интерпретационную рамку, структуру знаний, необходимых для определения языкового значения, восприятия высказывания в ситуации его использования или выбора оптимальной коммуникативной стратегии.

Модели языка / дискурса основаны на склонности человека к пространственной визуализации взаимоотношений языка и контекста как взаимосвязанных и в то же время самостоятельных категорий. Это положение наглядно иллюстрирует системно-функциональная грамматика Халлидея (1978), развитая в трудах Эггинса и Мартина (Eggins, Martin, 2001 (1997)). Язык и контекст представляют собой соприкасающиеся поля, где меньшее из них символизирует язык. Халлидей дифференцирует контекст ситуации (*context of situation*) и контекст культуры (*context of culture*), причем первый из них представлен тремя социосемиотическими измерениями: поле (*field*), система социальных ролей (*tenor*) и медиаканал (*mode*). Такая парадигма коррелирует с тремя метафункциями языка: идеационной (*ideational*), межличностной (*interpersonal*) и текстовой (*textual*)³ (рис. 1).

³ Отправной точкой в коммуникативной грамматике является блок интенций, который определяет намерение вербализовать конкретный контент, то есть когнитивную мотивацию. Этот контент в исходной форме существует в сознании говорящего в виде двухчастного когнитивного представления, состоящего из *идеационного образа*, отражающего конкретный фрагмент реальности (что говорящий хочет сказать), и *прагматического намерения*, которое собирается осуществить говорящий (зачем он это говорит). Формы и способы вербализации идеационного контента с учетом коммуникативного намерения адресанта раскрываются на *текстовом уровне* (Awdziejew, Nabrajska, 2004, s. 28).

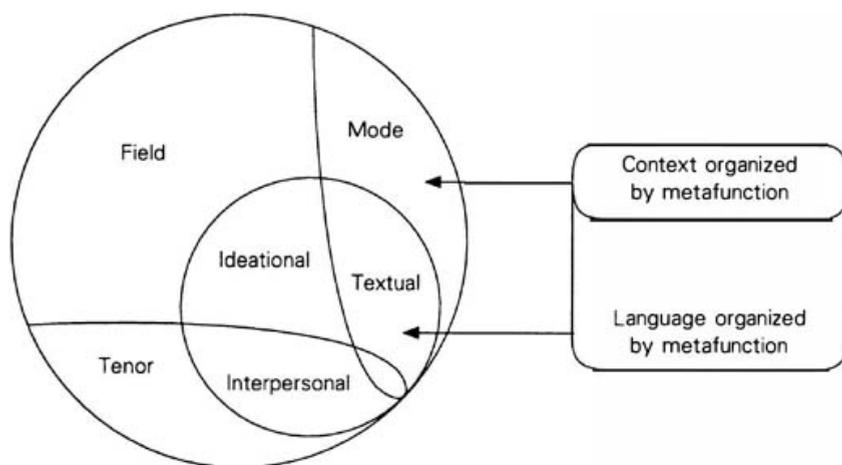

Рис. 1. Соотношение языка и контекста в функционально-систематической модели (Eggs, Martin, 2001 (1997), p. 166, без учета перевода на польский)

Т. ван Дейк, приверженец социокогнитивного направления, критически отнесся к данной теории, упрекнув ее авторов в том, что такой подход недостаточно когнитивен (*not cognitive enough*) и в данной модели не учитываются фоновые знания реальных носителей языка (van Dijk, 2008, p. 54 и далее).

Третий этап, интердискурсивный, представленный взаимосвязанными направлениями системно-функционального дискурс-анализа, социальной семиотики, мультимодального анализа текстов (Martin, 1992; Searle, 1995; Searle, 2010; Iedema, 2003; Kress, Leeuwen, 2001; Fairclough, 2003; Kress, 2010; Wang, Liu, 2015). В указанных исследовательских перспективах наступает расширение понятия «контекст» путем включения в него сфер, характеризующихся возрастанием абстрактности и удаленностью от языка, — жанра и идеологии⁴. Уровень жанра коррелирует

⁴ Понимая дискурс как «текст + контекст (лингвистический и экстралингвистический)», Е. И. Шейгал (2004, с. 11) отмечает, что в дискурсе можно выделить два измерения, аналогичных *parole – langue*: реальное и виртуальное (потенциальное). Реальное — «это поле коммуникативных практик как совокупность дискурсивных событий, это текущая речевая деятельность в определенном социальном пространстве, обладающая признаком процессности и связанная с реальной жизнью и реальным временем, а также возникающие в результате этой деятельности речевые произведения (тексты), взятые во взаимодействии лингвистических, паралингвистических и экстралингвистических факторов. В потенциальном измерении дискурс представляет собой семиотическое пространство, включающее вербальные и невербальные знаки, ориентированные на обслуживание данной коммуникативной сферы, а также тезаурус прецедентных высказываний и текстов. В потенциальное измерение дискурса включаются также представление о типичных моделях речевого поведения и набор речевых действий и жанров, специфических для данного типа коммуникации» (Шейгал, 2004, с. 12–13).

с понятием сообщества, его ценностей, норм поведения, то есть культурного контекста, а более абстрактный уровень идеологии связан с социальными отношениями власти, предпочтениями и предрассудками, которые участники привносят в общение и которые находят отражение в текстах. Эту парадигму иллюстрирует схема, предложенная Джеймсом Мартином (рис. 2; см. также: Fairclough, 1989, p. 25).

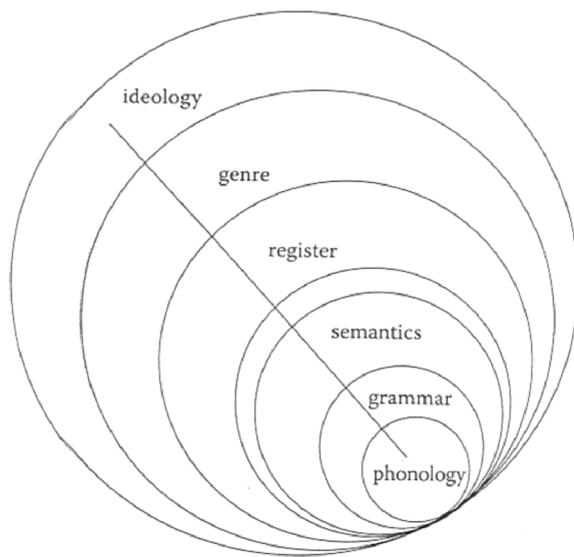

Рис. 2. Язык и его семиотическое окружение (Martin, 1992, p. 496)

Выделение уровней контекста более высокого порядка является следствием возрастающей роли *socium* в экспликации коммуникативных явлений. Наряду со знанием культуры усиливается значение контекстно-ориентированных социальных практик, что знаменует собой новое направление мышления и новый исследовательский подход (Duszak, 2014, s. 236). На рубеже XX–XXI столетий можно отметить некоторое изменение оптики понимания соотношения языка и контекста. В отличие от указанного выше образа языка в контексте (рис. 2), представляющего собой многослойную конструкцию, стала уже классической трехмерная модель дискурса, рассматриваемого в свете социокультурных практик, предложенная Норманом Фэркло (рис. 3) и углубленная его последователями (рис. 4).

Трехмерная парадигма акцентирует необходимость исследования смыслообразования в дискурсе не только в строго лингвистической перспективе, но и с учетом таких параметров, как интердискурсивность, интертекстуальность, транзитивность (степень соотношения между текстом, социальной практикой, иллюстрируемой этим текстом, и его адресатом), а также социальной матрицы дискурса, понимаемой как широкий социальный, политический и экономический контекст, в котором происходят и развиваются конкретные коммуникативные события.

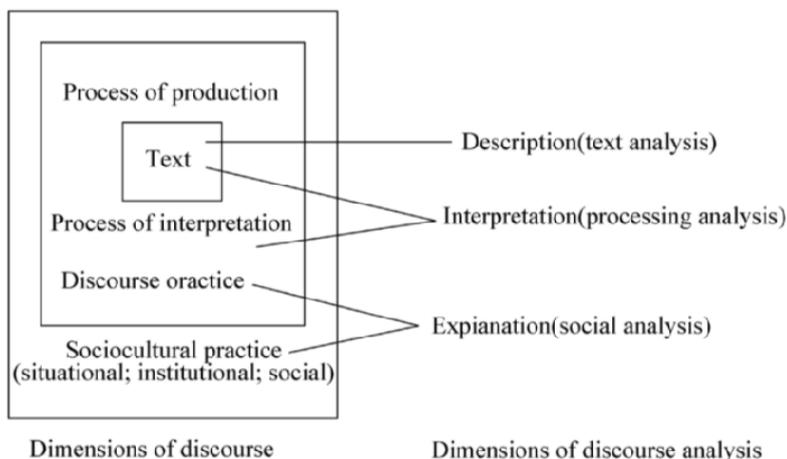

Рис. 3. Дискурс и социокультурные изменения (Fairclough, 1995, p. 98)

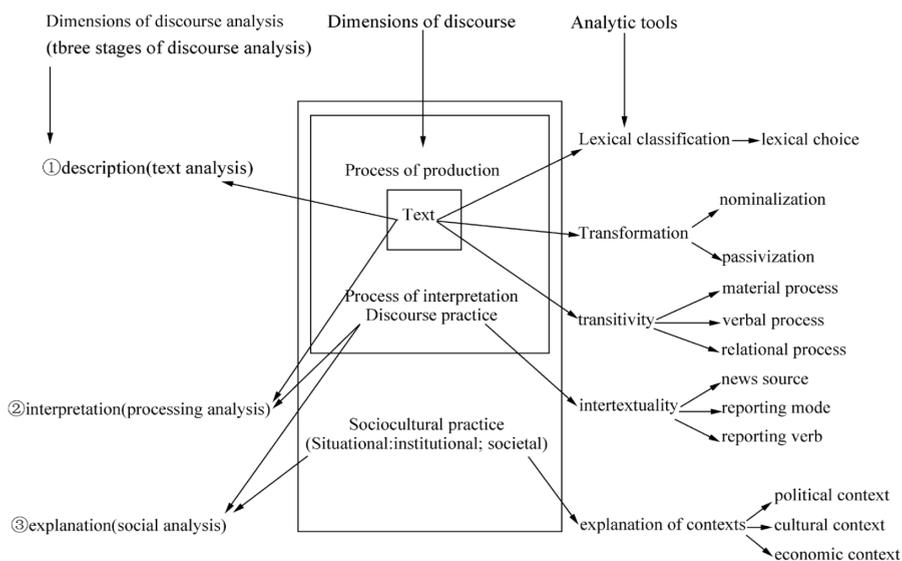

Рис. 4. Проекция, объединяющая трехмерную модель Фэркло и положения системно-функциональной грамматики (Wang, Liu, 2015, p. 3)

В связи с вышеизложенным в современных кодифицированных источниках можно найти разнообразные толкования рассматриваемого термина – от узких, собственно лингвистических дефиниций контекста, как в словарях А. А. Князева, М. А. Можейко или В. Н. Ярцевой⁵,

⁵ Контекст (от лат. contextus – соединение, связь) – фрагмент текста, включающий избранную для анализа единицу, необходимый и достаточный для определения значения этой единицы, являющегося непротиворечивым по от-

до широких, включающих социальную, культурную, историческую среду генерирования текста: «набор характеристик, которые уточняют условия существования данного феномена, подлежащего изучению, то есть локализуют события и процессы в пространстве и времени; <...> набор особых условий, в рамках которых происходят описываемые события или действия» (Зерчанинова, 2006); «окружение единицы, языковая или внеязыковая (экстралингвистическая) среда ее функционирования» (Kiklewicz, 2012, s. 112, перевод наш).

Типологии контекстов также многообразны. Так, А. А. Вербицкий выделяет внешний по отношению к речи контекст (физическое окружение) и внутренний, собственно речевой, а также социальный и субъективно-психологический контексты (Вербицкий, 1990, с. 118)⁶. Оптимальной представляется классификация видов широко понимаемого контекста, предложенная А. К. Киклевичем (Kiklewicz, 2012, s. 127 и далее)⁷:

1) *культурный*, в том числе идеологический контекст, включающий знания о мире, убеждения, верования и ориентиров;

2) *ситуационный* контекст — конфигурация коммуникативной ситуации (участники, наблюдатели, сцена, атрибуты);

3) *социальный* контекст, то есть межличностные отношения в речевых актах (равенство, дружба, партнерство, подчинение и т. п.);

4) *интенциональный* контекст, отражающий намерения сокоммуникантов, проецирующий последовательность коммуникативных шагов и их эффекты;

5) *литературный* контекст — сфера интертекстуальных связей.

Таким образом, можно заключить, что любой текст является продуктом, порожденным определенным контекстом, отвечающим на языковые ожидания партнеров общения и призванным реализовать конкретные коммуникативные задачи. В этом плане появление новых понятий, концептов и образов является своеобразной коммуникативной реакцией на динамику социально-политического и культурно-языкового контекстов, отражает мироощущение и мировоззрение определенного сообщества на данном историческом срезе.

ношению к общему смыслу данного текста. Другими словами, это полноценный фрагмент текста, позволяющий понять изначальное значение содержания включенной в этот фрагмент единицы (Князев, 2002); квазитекстовый компонент, порождаемый эффектом системности текста как экспрессивно-семантической целостности и состоящий в супераддитивности смысла и значения текста по отношению к смыслу и значению составляющих его языковых единиц (Можейко, 2001, с. 502). Отметим, что супераддитивность можно трактовать как несводимость свойств и значения текста к сумме свойств его компонентов. См. также: (Ярцева, 2002, с. 473).

⁶ В классификации В. Я. Мыркина подвидами коммуникативного контекста являются: 1) лингвистический, 2) паралингвистический, 3) ситуативный, 4) психологический, а также 5) контекст культуры (1978, с. 97).

⁷ Йоланта Мацькевич контекст понимает в следующих аспектах: 1) общий ситуативный фон, в том числе контекст масс-медиа как его разновидность; 2) культурно-познавательный контекст; 3) непосредственное знаковое окружение общения и 4) многоплановые отношения между анализируемым и другими текстами (Maćkiewicz, 2016, s. 32–33).

2. Медиально-ситуативный контекст. Участники сетевой коммуникации. Мем как базовая единица глобального медиадискурса

Формы публичной коммуникации развиваются соответственно потребностям социума и определяются изменениями в общественной сфере. Современную коммуникативную культуру моделируют динамические преобразования, связанные с бурным развитием интернет-технологий, обуславливающих новый способ осмысления и передачи знаний, а также иной характер языковой креации.

Появление Интернета как нового масс-медийного пространства, развитие телекоммуникационной инфраструктуры привели к экспансии экранно-визуальной культуры и иконизации семиосферы (Skudrzyk, 2005, s. 47). Новые технологии способствуют «сжатию» временной и пространственной дистанции: виртуальное пространство обеспечивает доступ ко всем пользователям, независимо от их местонахождения, и позволяет передавать информацию практически мгновенно (Slobodzian). Интернет создает особые возможности естественной коммуникации, фактически не подлежащей контролю. Форумы, блоги, соцсети позволяют спонтанно обмениваться информацией без темпорально-локальных ограничений, что превращает их в мощный инструмент общественной коммуникации, а сам социум уменьшается до размеров «глобальной деревни» с племенным костром — всемирной сетью (McLuhan, 2001, s. 178 – 179), в которой каждый может стать участником всеобщего диалога, *wreader*-ом (контаминация англ. *writer* и *reader*), то есть активным пользователем цифровых гипермедиа, являющимся одновременно адресатом и адресантом, читающим и пишущим (Szpunar, 2010, s. 256; <http://ru.amp.dictionaty.education/english/dictionary/wreader>).

Именно благодаря такой конфигурации коммуникативных ресурсов стало возможным быстрое и масштабное распространение информации о событии, которое произошло на другом полушарии и попало в фокус нашего исследования.

Исключительный резонанс в польском публичном дискурсе вызвало заявление главы МИД Польши Витольда Вашиковского в интервью, взятом у него репортерами в Нью-Йорке во время заседания Совета Безопасности ООН 10 января 2017 года. Министр упомянул о встрече с дипломатами разных государств, в том числе Сан-Эскобара:

Mamy okazję do prawie 20 spotkań z różnymi ministrami. Z niektórymi, jak np. na Karaibach po raz pierwszy chyba w historii naszej dyplomacji. Na przykład z takimi krajami jak San Escobar albo Belize.

У нас есть возможность почти 20 встреч с различными министрами. С некоторыми, как, например, в Карибском бассейне в первый раз, вероятно, в истории нашей дипломатии. К примеру, с такими странами, как Сан-Эскобар или Белиз⁸.

⁸ <http://www.newsweek.pl/polska/san-escobar-z-kim-rozmawial-witold-waszcykowski-wpadka-szefa-msz,artykuly,403328,1.html> (дата обращения: 09.08.2018).

В тот же день в Твиттере и на Фейсбуке появилось несколько коротких постов, заголовочная часть которых включает лексему Сан-Эскобар, а на следующий день их прочло более двух миллионов человек⁹. Иными словами, оговорка (так указанную часть выступления министра несколько часов спустя в Твиттере прокомментировала пресс-секретарь МИД Польши Иоанна Вайда¹⁰) в считанные часы приобрела дискурсивный характер и черты перформативного акта речи¹¹: В. Вашиковский «учредил» новое государство-фантом, а его детали, атрибутику и символику разработали интернауты, профессиональные журналисты и картографы. Такого рода воздействие на мир посредством речевых актов, позволяющее создавать новые состояния дел, можно охарактеризовать словами Джона Серля как «социальную магию» (Searle, 1995, p. 34). Рассматриваемое высказывание широко комментировалось в Польше и за границей (*The New York Times*, *BBC*, *The Washington Post*¹²), стало импульсом для масштабного сетевого креатива на тему Сан-Эскобара, превратившегося в гиперпопулярный мем (см.: Сладкевич, 2018).

В настоящее время *интернет-мем*, долгое время рассматривавшийся как феномен игрового плана, получил статус «основной структурной единицы современного медиапространства» (Квят, 2013), отличающейся:

- лаконичностью и смысловоемкостью, что соответствует клиповому мышлению современной аудитории, способной легко усваивать лишь гранулированный контент;
- мобильностью, то есть способностью легко передаваться от потребителя к потребителю;
- валентностью, то есть способностью вступать в связи с другими мемами.

В эпоху тотальной «интернетизации» массового коммуникативного пространства мем как его структурная единица соответствует нескольким общим тенденциям. Во-первых, в условиях мгновенного обмена информацией и вытекающего закона экономии речевых ресурсов мож-

---

⁹ <http://wyborcza.pl/7,75398,21230101,sam-escobar-jest-jez-wszedzie-o-nowym-sojuszniku-polski-od.html> (дата обращения: 09.08.2018).

¹⁰ И. Вайда объяснила, что речь шла о встрече министра с представителями Федерации Сент-Китс и Невис (San Cristobal y Nieves) — государства, расположенного в бассейне Карибского моря.

¹¹ М. В. Ильин расширяет понятие перформатива не только на высказывания, но и на символические действия, отмечая, что в практике перформативы разворачиваются во времени. В этой связи исследователь представляет политические процессы как цепь последующих звеньев: перформативное высказывание — перформативный акт — перформативное событие (Ильин, 2016, с. 267–268). В анализируемом случае ошибочное высказывание дипломата повлекло за собой сетевую полифонию, то есть серию актов по креации образа фиктивного государства, и превратилось в перформативное событие, интенсивно развивающееся несколько месяцев, все еще актуальное и коммуникативно значимое.

¹² Так, статья Адама Тейлора в «Washington Post» изобилует многочисленными анекдотами на тему призванной к жизни фейковой страны (Taylor, 2017).

но говорить о визуальном повороте, отвечающем стремлению современного общества увеличить информативность через редукцию средств (Химик, 2004). В этом плане реализация мема многомодусна (мем, как правило, разворачивается не только в вербальной перспективе). Во-вторых, коммуникативная природа мема соответствует смеховой карнавальной стихии (Загибалова, 2008, с. 3–21), общему «духу травестирования и пародийного отстранения» (Айзенберг, 1997, с. 214); раскрепощенности и игровому характеру сетевого общения. При этом для понимания интернет-мема необходимо соблюдение следующих условий: наличие общих фоновых знаний у коммуникантов; способность коммуниканта увидеть все культурные знаки, заложенные в интернет-меме; способность выстроить ассоциативные связи, соединяющие репрезентируемый мемом концепт с другими элементами коллективного когнитивного пространства (Беловодская, 2016, с. 123–124).

В современных исследованиях прослеживается несколько подходов к исследованию мема как сетевого медиаобраза: первый выстроен на более узком понимании и предполагает изучение «только медиатекстов, созданных профессиональными репортерами» (Галинская, 2013, с. 92); второй предусматривает включение в анализ всех текстов «созданных в медиапространстве (профессиональными журналистами, блоггерами, интернет-пользователями и т.д.)» (Беловодская, 2016, с. 120–121). В рассматриваемом нами случае последний вариант предпочтительнее, поскольку позволяет включить в корпус изучаемых текстов анонимное сетевое творчество, которое конденсирует и транслирует актуальные коллективные представления социума. Благодаря возможностям сетевой коммуникации сообщение о неудаче Вашчиковского могло запустить сложные и многоуровневые процессы рецепции и передачи информации. По мере структуризации медиаобраза Эскобара получатель, чтобы стать отправителем, должен был понять сообщение, действующее уже на нескольких уровнях: примарном, представленном высказыванием главы польской дипломатии, и надстроенных над ним уровнях высказываний других участников коммуникационного события (Badyda, Warda-Radys, 2017, s. 96). Остроумное комментирование оговорки министра стало своего рода забавой, запустившей / активизировавшей креативность интернавтов и эволюционировавшей от разговоров о самом медиаинциденте до комментирования различных областей польской социально-политической, нравственной и культурной действительности. Эта интерактивная игра (спонтанная и стимулированная администраторами веб-сайтов¹³) заключалась в том, что поль-

¹³ К примеру, на сайте телеканала TVN 24 <http://kontakt24.tvn24.pl/czas-na-nawiazanie-stosunkow-dyplomatycznych-z-szuflandia-internauci-o-wpadce-ministraszczykowski,1267,gt> (18.08.2018) появилось приглашение к диалогу и совместной креации образа Эскобара: *Internauci już dzielą się pomysłami, gdzie może leżeć tajemniczy San Escobar. Jedna z internautek napisała, że to «wspaniałe i piękne miejsce na emeryturę – podobnie do Nibylandii», inna zaznacza, że «San Escobar może leżeć koło Hog-*

зователи Интернета заполняли пустое пространство вымышленного Сан-Эскобара различными объектами, которые соответствовали ему и сложившимся стереотипам мышления данного социума.

3. Культурно-познавательный и литературный контексты. Интертекстуальные связи

Культурно-познавательный ракурс можно охарактеризовать как своего рода когнитивное столкновение информации, прозвучавшей из уст отправителя, министра Ващиковского, с внеязыковыми компетенциями аудитории. После саммита ООН шеф польской дипломатии, занимающий лидирующую позицию в общественной иерархии, а соответственно имеющий высокий ранг как адресат в пространстве общественной коммуникации, сообщил об установлении реальных дипломатических отношений с несуществующим государством. Отсутствие компетенций в базовой для этого адресанта сфере было отмечено адресатом, внеязыковые компетенции которого позволили констатировать, что Сан-Эскобар не только не является членом ООН, но и вообще не фигурирует на карте мира. Соединение несоединимого (Желтухина, 2000, с. 7), «отклонение от когнитивного и языкового стереотипа» (Панина, 1996, с. 11) не только вызвали закономерный комический эффект, понимаемый как «неожиданность, резко превращающаяся в понимание» (М. Войнаровский, цит. по: Глинка, 2018), но и активизировали в воображении реципиентов представление об иных вымышленных мирах.

Сложившиеся в культурах образы вымышленных миров можно разделить на несколько групп:

1. Условные «государственные» образования, не признанные официально, как Эсперантуйо / Esperantujo – идеальная страна эсперантистов, существующая временно, как правило, в период их конгрессов. Слово образовано по общей модели названий стран в языке эсперанто (franco – Francujo, то есть ‘француз – Франция’). Эсперантисты обсуждали также вопрос о своем флаге (белый квадрат с зеленой звездой на зеленом полотнище), о гимне, выпуске почтовых марок и наличии консульств Эсперантуйо в других странах (см.: Агеева, 1990). К подобным локусам можно отнести Христианию (страну, находящуюся в Копенгагене и объявившую о своей независимости 26 сентября 1971 года с населением ок. 850 человек) или княжество Хатт-Ривер в Австралии, основанное фермером Л. Кэсли в 1970 году в ответ на повышение налога на пшеницу. В государстве появились свои титулы, почтовые марки, валюта. По данным за 2011 год, в нем постоянно проживает около 30 че-

---

warti» / Интернавты уже делятся идеями, где может находиться загадочный Сан-Эскобар. Одна из пользовательниц написала, что это «великолепное и прекрасное место для выхода на пенсию – похоже на Нидландию», другая отмечает, что «Сан-Эскобар может лежать вблизи Хогвартса».

ловец, в то время как число обладателей паспортов княжества за его пределами составляет около 14000¹⁴. Спустя десятилетие после образования княжества официальные власти Австралии смирились с его существованием и разрешили не платить налоги (см.: Бочкарева, 2016; 10 самых удивительных виртуальных государств).

2. Затонувшие или исчезнувшие, но, согласно преданиям и поверьям, существовавшие земли. Зачатком креации локусов в этом направлении было описание Атлантиды в диалогах Платона, развитое позднее в работах последователей. Так, в научно-популярной книге «Атлантиды пяти океанов» (1987) А.М. Кондратов деонимизировавшей лексемой «атлантида» называет любую не существующую ныне землю: Пачифида — затонувшие острова-«мосты» в Тихом океане; Полинезида, Маорида, Азорида; в книге «Атлантиды ищите на шельфе» (Кондратов, 1988) появляются Охотия (суша на дне Охотского моря), Ниппонида (в Японском море; погибшая из-за тектонических процессов), Сунда (затопленный материк в Юго-Восточной Азии) и др. Известны и другие историко-географические гипотезы, как: Берингия — предполагаемый древний мост в Беринговом проливе между Азией и Северной Америкой; Лемурия — мифический затонувший континент в Индийском океане, название которого связано с именем мадагаскарских приматов лемурув, больше нигде не встречающихся, на чем и основана гипотеза о Мадагаскаре как части затонувшего ныне континента; Земля Санникова — остров-призрак в Северном Ледовитом океане, который якобы видели некоторые исследователи к северу от Новосибирских островов.

3. К третьей группе следует отнести фигурирующие в легендах и мифах локусы, отражающие представления людей о земном рае, земле обетованной. Они связаны с космогоническими представлениями народов древности, когда страна мыслилась как центр модели космоса. Таковы социально-утопическое воображение об Эдеме (в Средневековье связанном с Азией), Офире — упоминаемой в Библии в Книге Царств сказочно богатой стране, из которой мореплаватели, рабы царя Соломона, привезли ему золото для постройки храма, а также великое множество драгоценных камней и сандалового дерева. В России это представления о стране Беловодье (легендарной стране свободы, ассоциирующейся с Ирием — древнеславянским раем, к которому восходит образ молочных рек в русских сказках), в буддийской мифологии — о стране Шамбале, в Античности — о блаженных островах и саде Гесперид с молодильными золотыми яблоками, в древнегреческой мифологии — Гиперборея (легендарная северная страна, место обитания счастливого народа гипербореев), в мифах индейского племени алгонкинов — Королевство Сагеней (страна в Северной Америке, изобилующая золотом, серебром и мехом). Согласно Л.А. Ельницкому, происхождение утопических идей, связанных с географическими представле-

¹⁴ <http://www.off-the-path.com/en/the-unknown-country-within-australia> (дата обращения: 09.08.2018).

ниями, коренится в культе божеств плодородия, в частности, греческого Кроноса и римского Сатурна, почитавшихся царями потустороннего царства блаженных и царями «золотого века» (Ельницкий, 1962, с. 76).

В Средние века создавалось много легенд о диковинных богатых и прекрасных землях, например стране Пресвитера Иоанна (Джона) или стране Эльдорадо, в которой золото лежит грудками и на поиски которой отправлялись целые экспедиции экспертов. В фольклоре средневековой Европы «у народной Утопии множество имен, она фигурирует под разными образами. Это и английская страна Кокейн и французская Кокань. Это и Помора и Горная Бразилия, Гора Венеры и Страна Юности. Это и Люберланд и Шларафенланд, Рай бедняка и Леденцовая гора» (Мортон, 1956, с. 18). К примеру, Шларафенланд (нем. Schlaffaffenland, 'страна ленивых обезьян') в немецких сказках — страна молочных рек и кисельных берегов, в которой звери бегают и летают жареными, дома сделаны из пряников, вместо камней повсюду лежит сыр. В этой стране не надо трудиться, ведь богатство ее неисчерпаемо, а главной добродетелью ее жителей являются наслаждения и отдых. В Кокани также сказочное изобилие еды и питья, прекрасные природные условия, позволяющие собирать по четыре урожая в год, не прекращаются праздники, а все жители здоровы и молоды. Утопические представления об идеальном, не искаженном цивилизацией мире, проявляются и в современной поп-культуре (напр., планета Пандора в фильме «Аватар» 2009 года).

4. Тартар, кристаллизировавший представления о загробном мире; страна Зазеркалья, то есть представления о жизни «по ту сторону», в русском фольклоре — тридевятое царство, тридесятое государство, попасть в которое можно, только преодолев море, огненную реку, пропасть, непроходимый лес. Герой сказки направляется туда за похищенной красавицей, чудом, молодильными яблоками или исцеляющей водой (Пропп, 1986, с. 281). Близок к вышеупомянутым и образ Лукоморья (от *лук моря* — 'изгиб морского берега') — заповедного места на краю мира, где стоит мировое древо — ось мира, по которому можно попасть в другие миры, так как его вершина упирается в небеса, а корни достигают преисподней.

5. Антиутопические образы стран¹⁵, в которых господствуют диктатура, самодурство, отсталость и дикие нравы¹⁶. Детализированный ин-

¹⁵ Описать все богатство литературы не представляется возможным, можно лишь упомянуть великолепные описания Лилипутии и Блефуску в «Путешествии Гулливера» Джонатана Свифта, мир чудес и зазеркалья в «Алисе в Стране чудес» Льюиса Кэрролла, земли удивительной страны Оз из серии книг Лаймена Баума «Удивительный волшебник из страны Оз», Земноморье из шестикнижия Урсулы Ле Гуин, мир Ведьмака польского писателя Анджея Сапковского или Этория из цикла произведений современного российского фантаста Михаила Костина.

¹⁶ К этой группе примыкают образы стран, олицетворяющих определенные фобии, страхи или наказания за пороки, например Страна невыученных уроков (Л. Гераскиной), Страна дураков (А.Н. Толстого), Страна лжецов (Дж. Родари) и т. п.

тернавтами образ Сан-Эскобара наиболее приближен к типу «банановой республики» — страны Латинской Америки, в которой отмечается политическая нестабильность, отсталая инфраструктура, инфляция и т. п. Образ банановой диктатуры является одним из наиболее востребованных в западной поп-культуре, кинематографе, беллетристике. Приведем несколько примеров. Самой известной, пожалуй, является вымышленная испаноговорящая страна Вальверде, схожая с Кубой или Никарагуа, используемая создателями голливудских фильмов, когда по сценарию им требуется показать некое проблемное южно- или центральноамериканское государство. Вальверде фигурирует в ряде известных кинолент: «Коммандо» / «Commando» (1985), «Хищник» / «Predator» (1987), сериале «Суперавианосец» / «Supercarrier» (1988), «Крепкий орешек 2» / «Die Hard 2» (1990) и др.

Западная социально-антиутопическая проекция отсталых и опасных стран отражена также в вымышленных локусах комиксов «Marvel», сконцентрированных в Восточной Европе, Азии и Африке. Назовем некоторые из них: Латверия — расположенная между Венгрией, Трансильванией и Сербией зажиточная страна с полумиллионным населением, возглавляемая Виктором фон Думом, диктатором, узурпировавшим престол и не терпящим инакомыслия. Союзница Латверии — обнищавшая Симкария, через которую пролегает наркотрафик между Западом и Восточной Европой. Недалеко от Латверии и Симкарии располагается Заковия, которая после падения СССР погрязла в междоусобицах и коррупции. Ее население страдает от голода, нищеты и болезней, во многих регионах в дефиците даже питьевая вода. На юго-востоке Европы располагаются: захудалая республика Транзия; Народная республика Черная, в которой после падения коммунизма власть перешла в руки военных, что инициировало массовые репрессии. Северная Слорения, граничащая с Латвией и Литвой, после развала Союза увязла в межэтнических конфликтах. Из африканских локусов внимания заслуживает Ваканда, находящаяся рядом с Угандой, Кенией и Эфиопией. Здесь высокие технологии, современные города и небоскребы соседствуют с древними религиями и ветхими руинами. Своим богатством Ваканда обязана залежам вибрианума, редкого и ценного металла внеземного происхождения. По соседству с Вакандой расположены Азания и Ниганда, посещать которые крайне опасно: в Азании свирепствует апартеид, а Ниганда разорена бесконечными войнами (подробнее: Ионов, 2018).

Список отсталых псевдодемократических республик, иллюстрирующих «западный» фокус мировидения, можно продолжать. На рубеже XIX и XX веков английский писатель Энтони Хоуп создал образ Руритании — своего рода отсталой австро-венгерской провинции, в которой происходит действие романа «Узник Зенды». Руритания в англоязычном мире превратилась в нарицательное имя для обозначения типичной косной и застойной центральноевропейской страны. В межвоенный период в бельгийском комиксе о Гингине появилась Бордурия — вымышленное государство на Балканах с фашистской формой правле-

ния. Позднее в поп-культуре увидели свет Молвания (страна из на-смешливой серии путеводителей по фантастическим странам «Jetlag»), Элбония (государство из комикса «Дилберт» Скотта Адамса), Кракожия (вымышленная славяноязычная страна Восточной Европы в фильме «Терминал» (2004) Стивена Спилберга); в компьютерных играх, к примеру, сербоязычная Эдония (Resident Evil 6) и постсоветская республика Черноруссия (ArmA 2), а также масса других запомнившихся фиктивных топонимов.

Как известно, восприятие напрямую зависит от уже имеющихся установок и стереотипов относительно объектов, информацию о которых мы получаем (Коноплева, 2013). Иначе говоря, любая попавшая в фокус внимания новость соотносится с уже имеющимися и хранящимися в памяти знаниями относительно данного объекта или события, со стереотипными представлениями о каком-либо фрагменте действительного или фиктивного мира, подтверждением чему является и образ Сан-Эскобара, постепенно кристаллизировавшийся благодаря творческой активности пользователей Интернета.

В Твиттере, Инстаграме и на Фейсбуке появились аккаунты «Демократической республики Сан-Эскобар» (<https://facebook.com/sanescobarcountry/>; <https://facebook.com/SanEscobarPolska/>; <https://twitter.com/sanescobartimes>; <https://www.wykop.pl/tag/sanescobar/>). На этих профилях можно не только ознакомиться с символикой государства и его картой (рис. 5), которая является важным концептуальным элементом этого понятия. В легенде к карте указано, что она была разработана на основе постов на сайте www.facebook.com/sanescobarcountry и тысяч комментариев, написанных пользователями в период 10–16 января 2017 года.

Согласно карте, площадь поверхности Сан-Эскобара составляет 92000 км², а граничит он с шестью государствами, из которых реальным является лишь Мексика. Указанные по соседству государства отсылают к семиотическому пространству иных фиктивных миров, знакомых польскому интернауту: Вестерос / Westeros — один из континентов вымышленного мира Джорджа Мартина в саге «Песнь Льда и Пламени» и экранизации «Игра престолов» (см. 15 великолепных карт несуществующих миров); Сан-Теодорос / San Theodoros — фиктивное латиноамериканское государство, известное в Европе благодаря комиксу о приключениях Тинтина бельгийца Жоржа Реми; Сан-Сериффе / San Seriffie — маленькая республика, расположенная в Индийском океане, придуманная в 1977 году редакторами британской газеты «The Guardian» в качестве первоапрельского розыгрыша и опубликованная как семи-страничное приложение с описанием географии и культуры двух ее главных островов — «Upper Caisse» и «Lower Caisse». Успех мистификации был колоссальный: телефоны редакции звучали весь день, и лишь немногие заметили, что все данные об острове были названы в честь терминологии принтера¹⁷; Сан-Пекеño / San Pequeño (досл. исп. 'маленький святой') — вымышленная страна, родина медсестры Джини Куэвас из американского ситкома «Медсестры» / «Nurses» (1991–1994).

¹⁷ <https://sergeytsvetkov.livejournal.com/113825.html> (дата обращения: 09.08.2018).

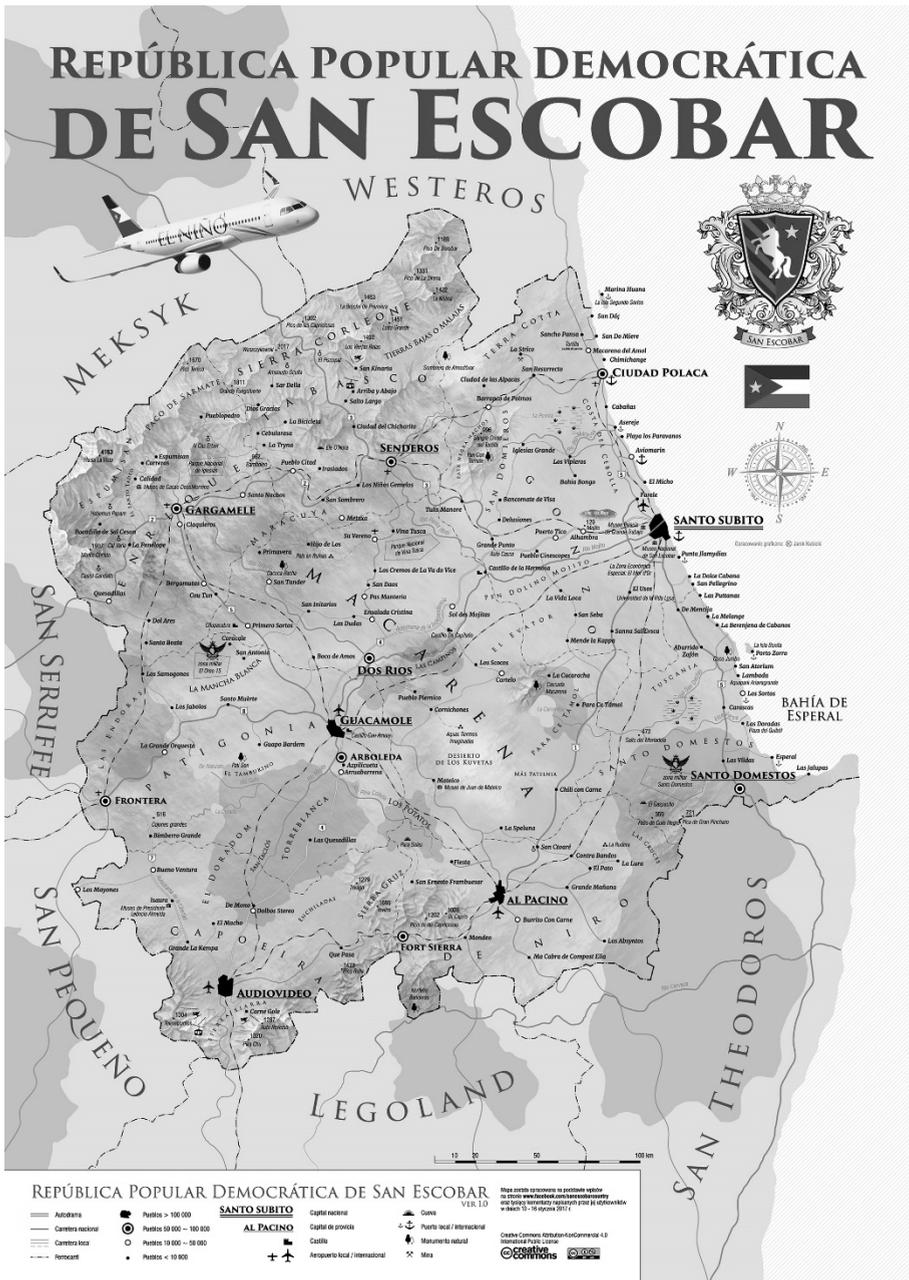

Рис. 5. Географическая карта демократической республики Сан-Эскобар¹⁸

¹⁸ https://www.polityka.pl/multimedia/_resource/res/20122854 (дата обращения: 09.08.2018).

Анализируя визуальную и языковую структуру гипертекста о Сан-Эскобаре, представленного комментариями, карикатурами, демотиваторами, видеороликами, можно узнать, что долгое время страну возглавляла президентская пара — Леонсио и Изаура (герои популярного бразильского сериала 80-х годов), а пост министра обороны занимает Хосе Аркадио Моралес, сыгранный Цезари Пазурой в фильме «Kilerów 2-óch». Столицей новоиспеченной республики является город Санто-Субито, в котором вознесен большой памятник первооткрывателю страны — Витольду Вашиковскому¹⁹. Страна имеет собственную валюту — «пабло» (аллюзия к образу Пабло Эскобара — колумбийского наркобарона и политического деятеля 90-х годов XX века), причем на лицевой стороне банкноты в десять пабло изображен польский политик Ярослав Качиньский. В эскобарской сети книжных магазинов «Los Empíricos de San Escobar» хитом является книга, обложка которой представляет собой копию пакета какао DecoMorrena²⁰, а в эскобарской прессе появляется информация, что Польша может заменить французские вертолеты эскобарскими «десперадос», вооруженными ракетами «халалень» (Szczerek, 2017).

Таким образом, Сан-Эскобар вошел в общий контекст функционирующих в поп-культуре фантастических локусов. Интернавты соотнесли Сан-Эскобар с такими фиктивными местами, как Нарния из цикла книг для детей К. С. Льюиса, Средиземье, Гондор и Мордор²¹ в легендарии Дж. Р. Р. Толкина «Властелин колец», галактическая империя «Звездных войн», таинственный Хогвартс из цикла книг о Гарри Поттере Д. Роулинг, остров Нетландия (Небыляндия, Нетинебудет) из произведения Д. Барри о Питере Пэне и т. п. В мемах интернет-пользователи предлагали министру Вашиковскому в следующей раз отправить дипломатов профессору Дамблдору из Хогвартса, ко льву Аслану из Нарнии или галактическому императору (рис. 6). В значительной степени именно благодаря широкой интертекстуальной матрице кристаллизовалась легенда Сан-Эскобара как фиктивного, но социально и контекстуально значимого топонима (рис. 7).

¹⁹ Прообразом послужил памятник Филиппу II в столице Македонии Скопье.

²⁰ В 2016 году на одном из интернет-форумов появилась фотография пачки какао этой популярной марки, а к ней вопрос: «...может кто-нибудь знает больше книг этого автора?» Тема была мгновенно подхвачена пользователями, которые в течение нескольких часов написали ок. 400 отзывов о «книге» и из производителя какао сделали всемирно известного писателя бестселлеров, последним хитом которого является «Najwyższa jakość» / «Высочайшее качество», а в ближайшее время выйдут следующие тома трилогии — «Największa Przyjemność» / «Величайшее удовольствие» и «Najlepszy Smak» / «Наилучший вкус» (см. все отзывы: <http://lubimyczytac.pl/ksiazka/306961/najwyzsza-jakosc>).

²¹ Данный фиктивный локус весьма продуктивен в публицистике для характеристики российско-украинских политических отношений, например: «Украина давно напоминает мне Шир, родину хоббитов: в ней практически нет государства, зато это теплый, плодородный край, населенный в основном добродушным, прижимистым и здравомыслящим народом. По сравнению с ней Россия, особенно Москва, — конечно, Мордор. Тут и климат жестче, и орки встречаются на каждом шагу» (Бершидский, 2013).

Рис. 6. Мы устанавливаем дипломатические отношения с Нарнией и Галактической империей²²

Рис. 7. «Министр, Ваш календарь²³»

- 10.01 Сан-Эскобар
  - 12.01 Нетландия
  - 14.01. Нарния
  - 16.01 (Hundred Acre Wood) Чудесный / Виннипуховый лес
  - 20.01 Мордор...
- Мордор перенесем. Звоните на Доманевскую²⁴

²² <http://www.gazetakrakowska.pl/aktualnosci/g/zobacz-najlepsze-memy-z-witol-dem-waszczykowskim,11684880,22230574/> (дата обращения: 09.08.2018).

²³ <https://kwejk.pl/obrazek/2859627/kierunek-san-escobar.html> (дата обращения: 09.08.2018).

²⁴ Варшавский район Służewiec на улице Доманевской, крупнейший корпоративный район в Польше, жители называют Мордором. Ежедневно сто тысяч человек съезжаются сюда на работу. Это царство пробок и коммуникативный гордиев узел, в котором обитают орки — «белые воротнички», а крупные корпорации, арендующие здесь офисы, напоминают правителя Саурона.

4. Языковой контекст

В своем высказывании министр Вашиковский «разместил» Сан-Эсkobар в бассейне Карибского моря и упомянул в той же фразе соседствующий с Мексикой Белиз, задав тем самым направление языковой креации и вызвав ассоциации с латиноамериканской культурой и испаноязычной коммуникацией. Представленная выше географическая карта страны, конденсировавшая эффекты сетевого творчества за 10–16 января 2017 года, не только стала материальным «свидетельством» существования Эскобара в конкретном месте на нашей планете, но и стимулом для дальнейшей забавы, развивающей структуру этого понятия. Карта, насчитывающая ок. 300 онимов, «репортажи», наррация «путешественников» в Эскобар и другие материалы позволяют сделать обзор языкового контекста анализируемого образа.

Из информации, размещенной в глобальной сети, можно собрать детали географии Сан-Эскобара, его крупнейших городов и туристических достопримечательностей, как: *Аль Пачино* – столица района *ДеНиро*, долина *Пан Кон Томате*, река *Бандерас*, пляж *Эсперал*, горы *Хаста-Ла-Виста* и *Сьерра-Корлеоне* или гоночный трек *Тортилла* (рис. 8–11).

Рис. 8. Долина Norteño Banderas (исп. «северные флаги») в районе Huevos Divorciados (исп. «яичница-глазунья»)²⁵

Рис. 9. Аль Пачино – это столица эскобарского района де Ниро

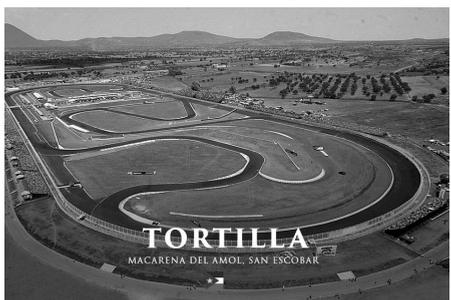

Рис. 10. Гоночный трек для Формулы 1 – Tortilla в местности Macarena del amol²⁶

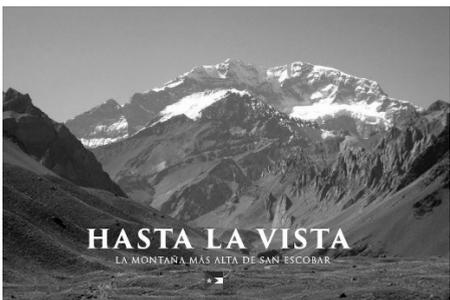

Рис. 11. Высочайшие горы Сан-Эскобара – Hasta la Vista

²⁵ Рис. 8–11: <http://buzz.gazeta.pl/buzz/56,156947,21229575,san-escobar-to-piekny-kraj-nie-wierzycie-jest-tam-nawet-pomnik.html> (дата обращения: 09.08.2018).

²⁶ Игра слов: в словах известной песни «Macarena del amor» («Макарена любви») последний компонент замещен лексемой «amol», называющий натуральный лекарственный препарат, популярный в Польше.

Топографическое пространство Эскобара коррелирует с названиями известных латиноамериканских и испанских блюд, продуктов и приправ: *Buritto Con Carne, Chilli con Carne, Enchilladas, Cuacamolle, Marakuya, Santo Nachos, Tabasco, Tortilla, Quesadillas*; напитков: *Metaxa, Rio Mojito, Rio Cerveza*; названий песен: *Asereje, Bamboleo, La Cucaracha, Macarena*; боевых искусств: *Capoeira*; фамилий актеров: *Banderas, Bardem*; футболистов: *Chicharito, Arboleda, Azpilicueta, Arrubarrena, Maradona*; певцов и музыкантов: *Carreras, Iglesias* (см.: Badyda, Warda-Radys, 2017, s. 98 – 102).

Значимым представляется факт, что созвучие топонима Сан-Эскобар с фамилией колумбийского наркобарона Пабло Эскобара способствовало сопряжению образа конструируемой страны с американским телесериалом «Нарко» 2015 года, представляющим жизнь и деятельность Пабло Эскобара, и его визуальной стороной (лицо бразильского актера Вагнера Моура, исполнившего главную роль в фильме, фигурирует во многих мемах о Сан-Эскобаре). Ошибочная трансонимизация усилила цепь ассоциаций, отсылающих к стереотипному мышлению о латиноамериканском мире: наркотрафик, колумбийская (и не только) мафия, отмывание денег и т.п. Об этом свидетельствуют названия эскобарских топонимов: *Cartelo* 'наркотиковый', *Marina Huana* 'марихуана', *Contra Bandos* 'контрабанда', *Pico de Vito Corleone* 'пик Вито Корлеоне', *Sierra Corleone* 'горная цепь Вито Корлеоне' (Дон Вито Корлеоне – главный герой романа Марио Пьюзо «Крестный отец», возглавляющий сицилийскую мафию). Значительная часть мемов, представляющих эскобарскую кухню, досуг, экономику или польских политиков, отсылает к мотиву наркотиков.

Кроме того, появились профили эскобарских политических партий: *Anarquistas de San Escobar, El Partio Verde de San Escobar, El Frente Comunista de San Escobar, Moderno – Partido Liberal de San Escobar* и *Partido Juntos Somos de San Escobar*. Согласно наррации интернавтов, в Польше уже действует посольство Сан-Эскобар, как и организация Сан-Эскобар-Полония, а в работают в Варшаве на кольце де Голля стоит пальма, являющаяся подарком властей Сан-Эскобара (Zwierzchowski, 2017).

Пеструю языковую структуру гипертекста о Сан-Эскобаре можно рассматривать и как своеобразную мозаику, отражающую элементы современной польской действительности. Наряду с экзотизмами часть эскобарских онимов представляет собой комические трансформации польских лексем – собственных (*Vasch Chico Ski* 'Ващиковский'; *Tuscania* 'Тускания, Земля Дональда Туска') и нарицательных (*San Kinarty* = *sanki i party* 'санки и лыжи'), а также интернационализмов (*Pen Dolino Mojito* 'Пендолино²⁷ Мохито', *El Tamburino* 'тамбурин', *Terra Cotta* 'терракота', *El Doradom* 'Эльдорадо', *Audiovideo* 'аудиовидео'), лекарственных средств (*Espumisan* 'эспумизан', *Para Ce Tamol* 'парацетамол').

---

²⁷ Pendolino/Пендолино – торговая марка, объединяющая серию скоростных электропоездов, производимых компанией *Alstom*.

5. Интенциональный контекст

Согласно А. К. Киклевичу, интенциональный контекст представляет собой «stany i zamierzenia partnerów komunikacyjnych, zaprogramowane efekty zainicjowanych działań komunikacyjnych» / «состояния и намерения партнеров по коммуникации, запрограммированные эффекты инициированных коммуникативных действий» (Kiklewicz, 2012, s. 127). При интерпретации интенционального контекста существенны положения модальной семантики, в которой значение соотносится не столько с референтом, сколько с модальной рамкой (модально-оценочным модусом), и лингвистической прагматики, ключевым положением которой является интенциональность высказывания: речевой акт понимается как действие по реализации коммуникативного намерения адресанта по отношению к адресату. Проблему значений языковых выражений сквозь призму модальности и истинности финский логик Хинтикка связывает с теорией возможных миров (Hintikka, 1992, s. 158). В рассматриваемом нами случае сетевой полифонии на тему Сан-Эскобара ее участники условно приняли исходную пропозицию: «Если бы Сан-Эскобар существовал, то...», что позволило не только детально структурировать образа фиктивного топонима, но и включить его в нарративную практику на тему окружающей реальности.

В общей смеховой модальной рамке гипертекста о Сан-Эскобаре можно отметить некоторую эволюцию — от шуточного комментирования неудачного высказывания главы МИДа Польши до юмористического и сатирического осмеяния некоторых актов польской социально-политической действительности. Поскольку наш корпус текстов составляют респонсивные, комические по своей тональности, поликодовые тексты, в которых значимой является визуальная составляющая, типичных модальных операторов, дискурсивных слов, эксплицирующих модус, в них мы не обнаружим (эпистемических: *знать, считать, полагать, верить, думать, предполагать, хотеть, сомневаться*, и сенсорных: *видеть, слышать, чувствовать*). Ключевой интенцией авторов мемов о Сан-Эскобаре является критика и высмеивание низкой профессиональной и эпистемической компетенции министра Ващиковского, а также других значимых фигурантов политической сцены, деятельность которых, в оценке адресантов, деструктивна.

Значительная часть изображает представителей правящей партии и ее лидера — Ярослава Качиньского. Так, мем в виде анонса сериала «Jarcos» восходит к названию американского сериала «Narcos» / «Нарко». С помощью фотомонтажа лицо актера, исполнившего роль наркобарона Пабло Эскобара, заменено портретом Я. Качиньского и сопровождается подписью: *Based on the true story of El Presidente of República Popular Democrática de San Escobar Jarcos Potarro²⁸ bodaciously portrayed by Antonio Banderas / На основе реальной истории Эль Президента Народно-демократической республики Сан-Эскобар Яркоса Потарро в исполнении Антонио Бандераса.*

Абсолютным лидером по частотности появлений в эскобаровских текстах является сам Витольд Ващиковский, который в 2017 году стал

²⁸ Одно из популярных просторечных прозвищ Ярослава Качиньского, производное от фамилии Kaczyński — Kaczor 'селезень', по исп. *pato*.

победителем плебисцита «Серебряные уста», с 1992 года отличающего общественных деятелей за резонансные высказывания. В мемах он удивляется отсутствию данных об Эскобаре, ведь он уже закупил для них вертолеты; сообщает Я. Качинскому о том, что обеспечил ему политическое убежище в Сан-Эскобаре; информирует прессу об установлении дипломатических отношений с Эскобаром, после чего займется Средиземьем или же собирается бросить все и уехать в Сан-Эскобар.

Мемы представляют премьеров Беату Шидло и Витольда Ващиковского на фоне заснеженных гор с подписью *Pico de la Idiotismo / Norte San Escobar* («Пик идиотизма»); политиков В. Ващиковского, Я. Качиньского, Р. Терлецкого и А. Мацеревича как «индейцев Сан-Эскобара»; удобно рассеявшегося на заднем сиденье роскошного автомобиля о. Тадеуша Рьдзыка, влиятельного католического духовного лица, поддерживающего правящую партию «Партия и справедливость» (ПиС), как *Padre Hostiá de la Renta / Dictator Más Grande Radio San Escobar* «Крупнейший диктатор Радио²⁹ Сан-Эскобар». Комически модифицированные антропонимы в мемах отсылают также к другим важным политическим деятелям: *Las Dudas* «президент Анджей Дуда», *Sanna Sal Evska* «Анна Залевска, министр образования», *Grande La Kempa* «депутат Беата Кемпа», *Vina Tusca, Tuscania* «Дональд Туск, председатель Европейского совета». Иные топонимы являются аллюзией на дискуссионные политические и экономические темы: *Caracale* (лексема восходит к названию французских вертолетов, выигравших при Д. Туске тендер на закупку для польской армии, однако этот тендер был аннулирован Министерством обороны при новом правительстве), *Los Scocos* (топоним отсылает к названию сберкасс SKOK – *Spółdzielcza Kasa Oszczędnościowo-Kredytowa*, ряд филиалов которых обанкротился, несмотря на поддержку партии ПиС).

В ряде креолизованных «эскобаровских» текстов можно увидеть намеки на иные социальные пороки или моральные нормы, как, например, пристрастие к алкогольным напиткам: *Los Jabolos*, *Los Samogonos*, *Bimberro Grande*, безнравственность: *Costa del Cebolla*, *Cebularasa* (*cebula* – пейоративное определение завистливого и скупого человека) или недостойное поведение на пляжах – высмеиваемое в обществе желание отгородить себе побольше места: *Playa Los Paravanos*, (подробнее: Badyda, Warda-Radys, 2017, s. 103–104).

6. Социально-маркетинговый контекст

Итак, Сан-Эскобар начал жить «собственной жизнью» и стал очередным функционирующим в поп-культуре и публичной коммуникации вымышленным государством. Были спеты песни, посвященные новоиспеченной стране, и поставлены юмористические номера: Палина Млынарска и Юлия Хмельник в качестве вокалисток эфемерного ансамбля «Chicas de San Escobar» записали хит «*Słodki presidente*», группа «Big Сус» на антенне Radio Gdańsk исполнила гимн «*Viva San Escobar*». Темой второй серии юмористической программы «*Kabaret na żywo*»,

²⁹ Тадеуш Рьдзык является учредителем и директором влиятельного католического «Радио Мария».

транслированной в марте 2017 года, были «Олимпийские игры в Сан-Эсдобар», в городах Ополе и Свидница появились ресторан и пивная под вывеской «San Escobar», а в Гданьске и Катовицах даже курсировали трамваи по указанному маршруту. Предприниматели мгновенно ухватили популярный тренд: уже в январе 2017 года была заявлена регистрация товарного знака в более чем 10 классах товаров и услуг в текстильной, пищевой, алкогольной, гостиничной, гастрономической и фармацевтической отраслях (Wikariak, 2017; Sieńko, 2017); во многих пиццериях в меню вошла одноименная пицца; в сетевых магазинах появился эсдобарский ассортимент на любой вкус: майки, футболки, толстовки с принтами на тему Сан-Эсдобара, а также чашки, кружки, сумки, носки с эсдобарской символикой, на интернет-аукционах типа Allegro можно купить продукты (кофе, какао, орехи, сухофрукты) с логотипом Сан-Эсдобара (см.: Сладкевич, 2018). В продаже появились глобусы фирмы FunnyGifts, созданные совместно с продюсерами комедийно-политического сериала «Ucho Prezesa» («Ухо председателя партии»)³⁰. На глобусе Польша подсвечивается, что позволяет, по словам производителей, «наслаждаться ее величием даже ночью». Дополнительным бонусом к глобусу являются две наклейки с островом Сан-Эсдобар, которые можно разместить на модели земного шара согласно собственным представлениям. Более того, в сети желающие могут разгадывать кроссворды и участвовать в викторине на тему этого государства (*Ile wiesz o San Escobar? Rozwiąź quiz* 2017), а компьютерные игры, как *Realpolitiks*, дают возможность виртуально установить дипломатические отношения с Сан-Эсдобар (*Realpolitiks: San Escobar wchodzi do gry* 2017).

Таким образом, благодаря специфической конфигурации современного коммуникативного пространства бурная и многоголосая реакция социума на неудачное высказывание высокопоставленного чиновника не только привела к детальной структуризации образа несуществующего на карте государства, но и позволила ему в определенной форме материализоваться.

Подводя итоги рассмотрения вопроса о специфике словообразования в нарративных социальных практиках, можно прийти к выводу, что в настоящее время происходит своеобразная реконтекстуализация мысли Михаила Бахтина (1986) о многоголосой натуре языка: полифония проявляется в анализе социальных коммуникативных практик и их эффектов, обусловленных преобладающими в данном сообществе дискурсивными стратегиями: сотрудничества и кооперации, доминирования и конфликта, солидарности или отчуждения, аутентичности или театрализации общественного диалога, что выводит на первый план категории ценностей и оценочности, а в итоге стимулирует критическое отношение к публичной коммуникации.

---

³⁰ *Ucho Prezesa* — польская политическая многосерийная комедия, транслирующаяся на YouTube, Showmax и на телевидении WP. Сюжет сериала относится к актуальной политической ситуации в Польше, а большинство сцен разворачивается в варшавском кабинете лидера правящей партии «Право и Справедливость».

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект №18-18-00442, «Механизмы смыслообразования и текстуализации в нарративных и перформативных дискурсах и практиках») в Балтийском федеральном университете им. И. Канта (Россия).

Список литературы

- Агеева Р. А. Страны и народы: Происхождение названий. М., 1990.
- Айзенберг М. Власть тьмы кавычек // Знамя. 1997. №2. С. 214–221.
- Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Яревой. М., 1990. С. 136–137.
- Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1986.
- Беловодская А. К вопросу о методике анализа медиаобраза (на примере анализа корпуса интернет-мемов, эксплицирующих медиаконцепт «Путин») // Przegląd Rusycystyczny / pod red. Ż. Śladkiewicz. 2016. №4 (156). С. 118–131.
- Бершидский Л. Москва похожа на Мордор, Украина – на страну хоббитов, 02.05.2013. URL: https://sensor.net.ua/resonance/240801/moskva_pohoja_na_mordor_ukraina_na_stranu_hobbitov (дата обращения: 19.08.2018).
- Бочкарева Н. 4 страны, которые не существуют [2016]. URL: <http://fb.ru/post/destinations/2016/2/8/4077> (дата обращения: 19.08.2018).
- Вербицкий А. А. Активное обучение в школе: контекстный подход. М., 1990.
- Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова // Лексикология и лексикография. Избр. труды. М., 1977.
- Галинская Т. Понятие медиаобраза и проблема его реконструкции в современной лингвистике // Вестник ОГУ. 2013. №11 (160). С. 91–94.
- Глинка К. Теория юмора. URL: https://scorcher.ru/neuro/neuro_sys/laughter/laughter5.php (дата обращения: 19.08.2018).
- 10 самых удивительных виртуальных государств. URL: <https://www.factroom.ru/facts/54791> (дата обращения: 20.08.2018).
- Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. 1960. Вып. 1.
- Ельницкий Л. А. Древнейшие океанские плаванья. М., 1962.
- Желтухина М. Р. Комическое в политическом дискурсе (на материале немецкого и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2000.
- Загибалова М. А. Феномен карнавализации современной культуры: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тула, 2008.
- Залевская А. А. Введение в психолингвистику. М., 1999.
- Зерчанинова Т. Е. Социология. Словарь. Екатеринбург, 2006. URL: <http://voluntary.ru/dictionary/1107> (дата обращения: 19.08.2018).
- Ильин М. В. Что может дать анализ перформативов? // Политическая наука. 2016. №4. С. 262–270.
- Ионов А. Путеводитель по вымышленным странам Marvel: Ваканда, Латверия, далее везде. 19.05.2018. URL: <https://www.mirf.ru/worlds/marvel-strany-wakanda-latveria> (дата обращения: 19.08.2018).
- Квят А. Медиаем как инструмент политического PR: когнитивный подход // Реклама и PR. 2013. №1. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1254> (дата обращения: 19.08.2018).
- Князев А. А. Энциклопедический словарь СМИ. М., 2002. URL: <http://voluntary.ru/dictionary/1105/word/kontekst> (дата обращения: 19.08.2018).
- Кондратов А. М. Атлантиды пяти океанов. Л., 1987.

- Кондратов А. М. Атлантиды ищите на шельфе. Л., 1988.
- Коноплева Т. В. Психология восприятия информации: восприятие новостей о мире политики в медиа-пространстве // Психолог. 2013. №5. URL: http://e-notabene.ru/psp/article_9247.html#8 (дата обращения: 19.08.2018).
- Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века // Язык и культура конца XX века / под ред. Ю. С. Степанова. М., 1995.
- Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. 1988. Вып. 23. С. 12–52.
- Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф. М., 1982.
- Маслова В. А. Когнитивная лингвистика. Минск, 2008.
- Можейко М. А. Контекст // Новейший философский словарь. Минск, 2001.
- Мортон А. Л. Английская утопия. М., 1956.
- Мыркин В. Я. Типы контекстов. Коммуникативный контекст // Филологические науки. 1978. №1. С. 95–100.
- Панина М. А. Комическое и языковые средства его выражения : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1996.
- Пропи В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986.
- Сладкевич Ж. Я ничего говорить не буду, а то опять чего-нибудь скажу: аберационный контент публичного дискурса в ракурсе смыслопорождения (категории осмысленности и бессмысленности) // *Perswazja językowa w różnych dyskursach* / pod red. Ż. Śladkiewicz, A. Klimkiewicz. Gdańsk, 2018. Т. 3 (в печати).
- Химик В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб., 2004 (Предисловие). URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/khimik-04.htm> (дата обращения: 01.02.2017).
- Чернявская В. Е. Дискурс // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М., 2003.
- Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М., 2004.
- Ярцева В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 2002.
- Awdziejew A., Habrajska G. Wprowadzenie do gramatyki komunikacyjnej. Łask, 2004. Т. 1.
- Badyda E., Warda-Radys L. Santo Subito, Bimberro Grande i Pico de Waszczykowski (2017 m) – wykreowany w przestrzeni Internetu fikcyjny kraj San Escobar (wpływ kontekstu na strukturę pojęcia) // *Media, biznes, kultura. Dziennikarstwo i komunikacja społeczna*. 2017. S. 93–106.
- Bartmiński J. O językowym obrazie świata Polaków końca XX wieku // *Poliszczynna XX wieku. Ewolucja i perspektywy rozwoju* / pod red. S. Dubisza, S. Gajdy. Warszawa, 2001. S. 27–53.
- Duszek A. Dyskurs w badaniach kontekstu społecznego // *Pragmatyka, retoryka, argumentacja. Obrazy języka i dyskursu w naukach humanistycznych* / pod red. P. Stalmaszczyka, P. Саpa. Kraków, 2014. S. 227–244.
- Eggs S., Martin J. Gatunki i rejestry dyskursu // *Dyskurs jako struktura i proces* / pod red. T. van Dijk, tłum. G. Grochowski. Warszawa, 2001 (1997). S. 24–39.
- Fairclough N. *Analysing Discourse. Textual Analysis for Social Research*. L., 2003.
- Fairclough N. *Critical Discourse Analysis: the Critical Study of Language*. L., 1995.
- Fairclough N. *Language and Power*. L., 1989.
- Grice P. *Logic and Conversation* // *Speech Acts. Syntax and Semantics* / ed. P. Cole, J. Morgan. N. Y., 1975. P. 41–58.
- Halliday M. A. K. *An Introduction to Functional Grammar*. L., 1985.

- Halliday M.A.K. Language as a Social Semiotic. The social interpretation of Language and Meaning. L., 1978.
- Halliday M.A.K. Notes on Transitivity and Theme in English // Journal of Linguistics. 1967. №3. P. 50–77.
- Hintikka J. Eseje logiko-filozoficzne. Warszawa, 1992.
- Iedema R. Multimodality, Resemiotization: Extending the Analysis of Discourse as Multi-Semiotic Practice // Visual Communication. 2003. №2 (1). P. 14–26.
- Kiklewicz A. Czwarte królestwo. Język a kontekst w dyskursach współczesności. Warszawa, 2012.
- Kress G. Multimodality. A social semiotic approach to contemporary communication. L. ; N. Y., 2010.
- Kress G., Leeuwen van T. Multimodal discourse. The modes and media of contemporary communication. L., 2001.
- Maćkiewicz J. Kategoriezacja a językowy obraz świata // Językowy obraz świata 12 / pod red. J. Bartmińskiego. Lublin, 1999. S. 47–55.
- Maćkiewicz J. Jak można badać komunikację medialną? – perspektywa odbiorcy // Studia Medioznawcze. 2016. №2. S. 25–35.
- Martin J. English Text. Amsterdam, 1992.
- McLuhan M. Galaktyka Gutenberga // Wybór tekstów. Poznań, 2001.
- Realpolitiks: San Escobar wchodzi do gry. URL: <http://www.gra.pl/gry/realpolitiks-san-escobar-wchodzi-do-gry> (data обращения: 22.06.2018).
- Searle J. Making the Social World. Oxford, 2010.
- Searle J. Speech Acts. An Essay of the Philosophy of Language. Cambridge, 1969.
- Searle J. The construction of social reality. N. Y., 1995.
- Sieńko A. Polskie firmy oszalały na punkcie San Escobar. Ich pomysły zadziwiają kreatywnością [2017]. URL: <http://innpoland.pl/132213,polskie-firmy-oszalaly-na-punkcie-san-escobar-ich-pomysly-zadziwiają-kreatywnoscia> (data обращения: 20.06.2018).
- Skudrzyk A. Czy zmierzch kultury pisma? O synestezji i analfabetyzmie funkcjonalnym. Katowice, 2005.
- Ślobodzian M. Globalizacja – szansa czy konieczność? URL: <http://www.edukacja.edu.pl/p-10757-globalizacja-szansa-czy-koniecznosc.php> (data обращения: 04.04.2018).
- Szpunar M. Nowe media a paradygmat kultury uczestnictwa // Teorie komunikacji i mediów 2 / pod red. M. Graszewicza, J. Jastrzębskiego. Wrocław, 2010, S. 251–262.
- Szczerek Z. Niech żyje San Escobar! Między Molvanią a San Sombrero. URL: <https://www.polityka.pl/tygodnikpolityka/swiat/1690342,1,niech-zyje-san-escobar.read> (data обращения: 19.06.2018).
- Taylor A. San Escobar: How Poland's foreign minister helped create a fake country // Washington Post. 2017. 11 Jan.
- van Dijk T. Discourse and Context. Cambridge, 2008.
- van Dijk T. Macrostructures. N. Y., 1980.
- van Dijk T. Society and Discourse. How Social Contexts Influence Text and Talk. Cambridge, 2009.
- van Leeuwen T. Introducing Social Semiotics. L. ; N. Y., 2005.
- Wang W., Liu W. Critical Discourse Analysis of New Reports on China's Bullet-Train Crash // Studies in Literature and Language. 2015. Vol. 10, №2. P. 1–8.
- Wikariak S. San Escobar już nie dla wszystkich. Trwa walkę o markę [2017]. URL: <http://gospodarka.dziennik.pl/news/artykuly/545460,san-escobar-marka-patent-> (data обращения: 23.06.2018).
- Zwierzchowski M. San Escobar – Waszcykowski odkrył nowy kraj, internet oszalał [2017]. URL: <https://www.polityka.pl/tygodnikpolityka/ludzieistyle/1690154,1,san-escobar--waszcykowski-odkryl-nowy-kraj-internet-oszalal.read> (data обращения: 19.06.2018).

Об авторе

Жанна Ромуальдовна Сладкевич, доктор филологических наук, Гданьский университет, Польша; исследователь, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: filzs@ug.edu.pl

Для цитирования:

Сладкевич Ж.Р. Медиаобраз Сан-Эскобара в пространстве вымышленных миров: социо семиотический ракурс // Слово.ру: балтийский акцент. 2019. Т. 10, №2. С. 73 – 103. doi: 10.5922/2225-5346-2019-2-7.

THE MEDIA IMAGE OF SAN ESCOBAR IN THE SPACE OF FICTIONAL WORLDS: A SOCIO-SEMIOTIC PERSPECTIVE

Zh. R. Sladkevich^{1,2}

¹ University of Gdansk

51, Vita Stvosha Str., 80 – 308 Gdansk, Poland

² Immanuel Kant Baltic Federal University

14 A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236016, Russia

Submitted on May 29, 2018

doi: 10.5922/2225-5346-2019-2-7

The article deals with the process of structuring the concept of the fictitious state of San Escobar from the perspective of social semiotics, including the broadly understood context and media environment for constructing the image. The creation of the internet memes was inspired by a lapsus linguae of the Polish Minister of Foreign Affairs Witold Waszczykowski.

Major changes in the communicative space, the dominance of digital media resources and multimodal messages, the hegemony of visual culture and the increased impact of the social factor on the specifics of linguistic transformations contribute to the growing popularity of social semiotic studies. In the theoretical part of the paper, I give a brief analysis of the evolution of the concept of "context" in linguistics from the perspective of systemic functional grammar, cognitivism, social semiotics and multimodal discourse analysis. The analytical part of the article explores the constructed media image of the fictitious state of San Escobar through the prism of the following contexts: situational-medial, cultural-cognitive, linguistic, intentional and socio-economic.

Summing up the specifics of the formation of meaning in narrative social practices, I draw conclusions about the recontextualization of Mikhail Bakhtin's ideas concerning the polyphonic nature of language and communication.

Keywords: social semiotics, context, media image, Internet communication.

References

Ageyeva, R.A., 1990. *Strany i narody: Proiskhozhdeniye nazvaniy* [Countries and Peoples: Origin of Names]. Moscow (in Russ.).

Ayzenberg, M., 1997. Power of darkness quotes. *Znamya* [Banner], 2, pp. 214 – 221 (in Russ.).

Arutyunova, N.D., 1990. Discourse. In: V.N. Yarceva, ed. *Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow. pp. 136–137 (in Russ.).

Bakhtin, M.M., 1986. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow (in Russ.).

Belovodskaya, A., 2016. On the issue of the media image analysis methodology (on the example of the corpus of Internet memes expressing the Putin media-concept). *Przeglad Rusycystyczny*, 4 (156), pp. 118–131 (in Russ.).

Bershidskiy, L., 2013. *Moskva pokhozha na Mordor, Ukraina – na stranu hobbitov* [Moscow is like Mordor, Ukraine is like a hobbit country]. Available at: https://censor.net.ua/resonance/240801/moskva_pohoja_na_mordor_ukraina_na_stranu_hobbitov [Accessed 19 August 2018] (in Russ.).

Bochkareva, N., 2016. *4 strany, kotorye ne sushchestvujut* [4 countries that do not exist]. Available at: <http://fb.ru/post/destinations/2016/2/8/4077> [Accessed 19 August 2018] (in Russ.).

Verbitskiy, A. A., 1990. *Aktivnoe obuchenie v shkole: kontekstnyj podkhod* [Active schooling: a contextual approach]. Moscow (in Russ.).

Vinogradov, V.V., 1977. The main types of lexical meanings of the word. In: *Leksikologiya i leksikografiya. Izbr. trudy* [Lexicology and lexicography. Fav. works]. Moscow (in Russ.).

Galinskaya, T., 2013. The concept of the media image and the problem of its reconstruction in modern linguistics. *Vestnik OGU* [Bulletin of OGU], 11(160), pp. 91–94 (in Russ.).

Glinka, K., *Teoriya yumora* [Theory of Humor]. Available at: https://scorcher.ru/neuro/neuro_sys/laughter/laughter5.php [Accessed 19 August 2018] (in Russ.).

El'm'slev, L., 1960. Prolegomena to the theory of language. *Novoe v lingvistike* [New in linguistics], 1 (in Russ.).

El'nitskii, L. A., 1962. *Drevneishie okeanskie plavaniya* [The oldest ocean swimming]. Moscow (in Russ.).

Zhel'tukhina, M.R., 2000. *Komicheskoye v politicheskom diskurse (na materiale nemeckogo i russkogo yazykov)* [Comic in political discourse (on the material of German and Russian languages)]: Ph.D. Volgograd State Pedagogical University (in Russ.).

Zagibalova, M.A., 2008. *Phenomen karnavalizacii sovremennoj kultury* [The phenomenon of carnivalization of modern culture]: Ph.D. Tula State Pedagogical University (in Russ.).

Zalevskaya, A. A., 1999. *Vvedenie v psikholingvistiku* [Introduction to Psycholinguistics]. Moscow (in Russ.).

Zerchaninova, T. Ye., 2006. *Sociologiya. Slovar'* [Sociology. Vocabulary]. Ekaterinburg, Available at: <http://voluntary.ru/dictionary/1107> [Accessed 19 August 2018] (in Russ.).

Ilyin, M.V., 2016. What can an analysis of performatives give? *Politicheskaya nauka* [Political science], 4. pp. 262–270 (in Russ.).

Ionov, A., 2018. *Putevoditel' po vymyshlennym stranam Marvel: Vakanda, Latveriya, dalee vezde* [Marvel fictional countries guide: Wakanda, Latteria, then everywhere]. Available at: <https://www.mirf.ru/worlds/marvel-strany-wakanda-latveria> [Accessed 19 August 2018] (in Russ.).

Kwyat, A., 2013. Mediam as an instrument of political PR: cognitive approach. *Reklama i PR* [Advertising and PR], 1. Available at: <http://www.mediascope.ru/node/1254> [Accessed 19 August 2018] (in Russ.).

Knyazev, A.A., 2002. *Enciklopedicheskij slovar' SMI* [Encyclopedic dictionary of media]. Moscow. Available at: <http://voluntary.ru/dictionary/1105/word/kontekst> [Accessed 19 August 2018] (in Russ.).

Kondratov, A.M., 1987. *Atlantidy pyati okeanov* [Atlantis of the Five Oceans]. Leningrad (in Russ.).

Kondratov, A.M., 1988. *Atlantidy ishchite na shel'fe* [Atlantis look on the shelf]. Leningrad (in Russ.).

Konopleva, T.V., 2013. Psychology of information perception: perception of news about the world of politics in the media space. *Psikholog* [Psychologist], 5. Available at: http://e-notabene.ru/psp/article_9247.html#8 [Accessed 19 August 2018] (in Russ.).

Kubryakova, Ye. S., 1995. The evolution of linguistic ideas in the second half of the XX century. In: Yu. S. Stepanov, ed. *Yazyk i kultura konca XX veka* [Language and culture of the end of the XX century]. Moscow (in Russ.).

Lakoff, G., 1988. Thinking in the mirror of classifiers. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike* [New in foreign linguistics], 23, pp. 12–52 (in Russ.).

Losev, A.F., 1982. *Znak. Simvol. Mif* [Sign. Symbol. Myth]. Moscow (in Russ.).

Maslova, V.A., 2008. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. Minsk (in Russ.).

Mozhejko, M.A., 2001. Context. In: *Novejsij filosofskij slovar'* [Newest Philosophical Dictionary]. Minsk (in Russ.).

Morton, A.L., 1956. *Anglijskaya utopiya* [English utopia]. Moscow (in Russ.).

Myrkin, V. Ya., 1978. Types of contexts. Communicative context. *Philologicheskiye nauki* [Philology], 1, pp. 95–100 (in Russ.).

Panina, M.A., 1996. *Komicheskoe i yazykovye sredstva yego vyrazheniya* [Comic and language means of expression]. PhD. Moscow State Linguistic University (in Russ.).

Propp, V. Ya., 1986. *Istoricheskie korni volshebnoj skazki* [The historical roots of the fairy tale]. Leningrad (in Russ.).

Sladkevich, Zh., 2018. I will not say anything, but again I will say something: the aberration content of public discourse from the perspective of meaning generation (categories of meaningfulness and meaninglessness). In: Zh. Sladkevich, A. Klimkevich, eds. *Perswazja językowa w różnych dyskursach*. Vol. 3. Gdańsk (in print) (in Russ.).

Khimik, V.V., 2004. *Bolshoj slovar' russkoj ekspressivnoj razgovornoj rechi* [Large dictionary of Russian colloquial expressive speech]. St. Petersburg. Available at: <http://www.philology.ru/linguistics2/khimik-04.htm> [Accessed 01 february 2017] (in Russ.).

Chernyavskaya, V. Ye., 2003. Discourse. In: M.N. Kozhina, ed. *Stilisticheskij enciklopedicheskij slovar' russkogo yazyka* [Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language]. Moscow (in Russ.).

Shegal, Ye.I., 2004. *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Moscow (in Russ.).

Yarceva, V.N., 2002. *Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow (in Russ.).

Awdiejew, A., Habrajska, G., 2004. *Wprowadzenie do gramatyki komunikacyjnej*. Vol. 1. Łask.

Badyda, E., Warda-Radys, L., 2017. Santo Subito, Bimberro Grande i Pico de Waszczykowski (2017 m) – wykreowany w przestrzeni Internetu fikcyjny kraj San Escobar (wpływ kontekstu na strukturę pojęcia). In: *Media, biznes, kultura. Dziennikarstwo i komunikacja społeczna*. pp. 93–106.

Bartmiński, J., 2001. O językowym obrazie świata Polaków końca XX wieku. In: S. Dubisz and S. Gajda, eds. *Polszczyzna XX wieku. Ewolucja i perspektywy rozwoju*. Warszawa. pp. 27–53.

Duszak, A., 2014. Dyskurs w badaniach kontekstu społecznego. In: P. Stalmaszczyk and P. Cap, eds. *Pragmatyka, retoryka, argumentacja. Obrazy języka i dyskursu w naukach humanistycznych*. Kraków. pp. 227–244.

Eggins, S., Martin, J., 2001 (1997). Gatunki i rejestry dyskursu. In: T. van Dijk, ed. *Dyskurs jako struktura i proces*. Warszawa, pp. 24–39.

Fairclough, N., 2003. *Analysing Discourse. Textual Analysis for Social Research*. London.

- Fairclough, N., 1995. *Critical Discourse Analysis: the Critical Study of Language*. London.
- Fairclough, N., 1989. *Language and Power*. London.
- Grice, P., 1975. Logic and Conversation. In: P. Cole, J. Morgan, eds. *Speech Acts. Syntax and Semantics*. New York. pp. 41 – 58.
- Halliday, M. A. K., 1985. *An Introduction to Functional Grammar*. London.
- Halliday, M. A. K., 1978. *Language as a Social Semiotic. The social interpretation of Language and Meaning*. London.
- Halliday, M. A. K., 1967. Notes on Transitivity and Theme in English. *Journal of Linguistics*, 3, pp. 50 – 77.
- Hintikka, J., 1992. *Eseje logiko-filozoficzne*. Warszawa.
- Iedema, R., 2003. Multimodality, Resemiotization: Extending the Analysis of Discourse as Multi-Semiotic Practice. *Visual Communication*, 2 (1). pp. 14 – 26.
- Kiklewicz, A., 2012. *Czwarte królestwo. Język a kontekst w dyskursach współczesności*. Warszawa.
- Kress, G., 2010. *Multimodality. A social semiotic approach to contemporary communication*. London – New York.
- Kress, G., Leeuwen, van T., 2001. *Multimodal discourse. The modes and media of contemporary communication*. London.
- Maćkiewicz, J., 1999. Kategoriezacja a językowy obraz świata. In: J. Bartmiński, ed. *Językowy obraz świata 12*. Lublin. pp. 47 – 55.
- Maćkiewicz, J., 2016. Jak można badać komunikację medialną? – perspektywa odbiorcy. *Studia Medioznawcze*, 2, pp. 25 – 35.
- Martin, J., 1992. *English Text*. Amsterdam.
- McLuhan, M., 2001. Galaktyka Gutenberga. In: *Wybór tekstów*. Poznań.
- Searle, J., 2010. *Making the Social World*. Oxford.
- Searle, J., 1969. *Speech Acts. An Essay of the Philosophy of Language*. Cambridge.
- Searle, J., 1995. *The construction of social reality*. New York.
- Sieńko, A., 2017. *Polskie firmy oszalały na punkcie San Escobar. Ich pomysły zadziwiają kreatywnością*. Available at: <http://innpoland.pl/132213,polskie-firmy-oszalaly-na-punkcie-san-escobar-ich-pomysly-zadziwiają-kreatywnoscia> [Accessed 20 June 2018].
- Skudrzyk, A., 2005. *Czy zmierzch kultury pisma? O synestezji i analfabetyzmie funkcjonalnym*. Katowice.
- Słobodzian, M., *Globalizacja – szansa czy konieczność?* Available at: <http://www.edukacja.edux.pl/p-10757-globalizacja-szansa-czy-koniecznosc.php> [Accessed 04 April 2018].
- Szpunar, M., 2010. Nowe media a paradygmat kultury uczestnictwa. In: M. Graszewicz, J. Jastrzębski, eds. *Teorie komunikacji i mediów 2*. Wrocław. pp. 251 – 262.
- Szczerek, Z., 2017. *Niech żyje San Escobar! Między Molvanią a San Sombrero*. Available at: <https://www.polityka.pl/tygodnikpolityka/swiat/1690342,1,niech-zyje-san-escobar.read> [Accessed 19 June 2018].
- Taylor, A., 2017. San Escobar: How Poland's foreign minister helped create a fake country. *Washington Post*. Available at: https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2017/01/11/san-escobar-how-polands-foreign-minister-helped-crea-te-a-fake-country/?noredirect=on&utm_term=.60f54f8bd5e8 [Accessed 22 June 2018].
- van Dijk, T., 2008. *Discourse and Context*. Cambridge.
- van Dijk, T., 1980. *Macrostructures*. New York.
- van Dijk, T., 2009. *Society and Discourse. How Social Contexts Influence Text and Talk*. Cambridge.
- van Leeuwen, T., 2005. *Introducing Social Semiotics*. London – New York.
- Wang, W., Liu, W., 2015. Critical Discourse Analysis of New Reports on China's Bullet-Train Crash. *Studies in Literature and Language*, 10(2), pp. 1 – 8.

Wikariak, S., 2017. *San Escobar już nie dla wszystkich. Trwa walkę o markę*. Available at: <http://gospodarka.dziennik.pl/news/artykuly/545460,san-escobar-marka-patent-> [Accessed 23 June 2018].

Zwierzchowski, M., 2017. *San Escobar – Waszczykowski odkrył nowy kraj, internet oszalał*. Available at: <https://www.polityka.pl/tygodnikpolityka/ludzieistyle/1690154,1,san-escobar--waszczykowski-odkryl-nowy-kraj-internet-oszalal.read> [Accessed 19 June 2018].

The author

Prof. Zhanna R. Sladkevich, University of Gdansk, Poland; researcher, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: filzs@ug.edu.pl

To cite this article:

Sladkevich, Zh. R. 2019, The media image of San Escobar in the space of fictional worlds: a socio-semiotic perspective, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 10, no. 2, p. 73–103. 10.5922/2225-5346-2019-2-7.

УДК 821.161.1.0; 82 – 941

Третий Международный научный семинар
«Агиография в русском культурном пространстве.
К 1030-летию Крещения Руси»
Балтийский федеральный университет им. И. Канта
9—10 октября 2018 года

Л. Г. Дорофеева¹

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236016, г. Калининград, ул. А. Невского, 14
Поступила в редакцию 30.12.2018 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2019-2-8

Статья содержит информацию о прошедшем 9–10 октября 2018 года в БФУ им. И. Канта Третьем Международном научном семинаре «Агиография в русском культурном пространстве». Кратко излагается идея семинара, его задачи, структура и содержание наиболее важных и интересных докладов.

Ключевые слова: русская словесность, агиография, святость, история, культура, жанр, иконография.

В БФУ им. И. Канта 9—10 октября 2018 года состоялся Третий Международный научный семинар «Агиография в русском культурном пространстве. К 1030-летию Крещения Руси», в котором приняли участие 46 докладчиков из России, Хорватии, Венгрии, Польши, Литвы. Проблемно-содержательное поле докладов позволяет говорить о значимости и перспективности изучения этой области словесности.

Предваряя описание семинара, остановимся кратко на его концептуальном обосновании и истории. Агиография — специальная область научного исследования, место которой в культуре недооценено: «удельный вес» житийной литературы в истории русской словесности весьма значителен. Известно, что вплоть до XVII века именно жития, то есть четий материал, составляли основной корпус читаемых книг при практически полном отсутствии светских жанров, коими к XVII веку изобиловала западноевропейская литература и которые стали переводиться на Руси уже ближе к концу XVII века, на переходе к Новому времени. Но и после «прорубленного окна» в Европу Петром Первым вместе с пришедшей отсюда переводной светской литературой, осваиваемой уже новой русской интеллигенцией, четьи книги оставались основным чтением в народе, жития составлялись и читались, соответственно, оказывали свое влияние на культурные процессы. В эту и в последующие эпохи особую роль сыграли Четьи mineи, составленные

святителем Дмитрием Ростовским на материале Великих Четых миней святителя Макария и переводной агиографии латинского происхождения. Не уходит как явление словесности житийная литература и в XIX веке, хоть и практически не замечается современной тогда русской культурной мыслью, оставаясь чтением для народа. Но появление известнейшего в XIX веке монастыря Оптиной Пустыни и его переводческо-издательская деятельность, когда усилиями старца Макария и русского философа-славянофила И. Киреевского в 1840-е годы переводились и издавались святоотеческие тексты, создает почву для освоения литературой мощного духовного потенциала православной святости.

XX век не остался оторванным окончательно от агиографической традиции, порой по-своему трансформируя, переворачивая, отталкиваясь от нее, но не забывая. А конец XX и идущий XXI век дали нам взлет агиографической литературы в области церковной словесности, появившейся как следствие расцветшей святости новомучеников и исповедников российских эпохи гонений XX века. В области же собственно художественного творчества русская литература получила в известном романе писателя Евгения Водолазкина «Лавр» образец нового русского романа, который можно назвать романом агиографическим. И это помимо многих других произведений, появившихся в 1990–2000-е годы, связанных с агиографией (проза А. Сегеня, П. Паламарчука, творчество О. Николаевой и др.) Можно смело говорить о присутствии агиографической традиции в культурном процессе конца XX — начала XXI века (вспомним нашумевший фильм «Остров» Павла Лунгина, не говоря об области изобразительного искусства с ее современной иконописью и темой русской святости в творчестве ряда художников XX — XXI веков).

Все сказанное выше позволяет утверждать, что житийная литература оказывала длительное время едва ли не определяющее влияние на общественное сознание и собственно литературные процессы, неся в себе и транспонируя в социокультурное пространство важнейшие составляющие любой культуры: антропологические воззрения, основные ценностные ориентиры (то, что составляет ценностное «ядро» национальной культуры), идеалы, определяемые духовными императивами восточного христианства, о чем точно сказал В.Н. Топоров: «Это святое наследие духовной культуры, хранимое и развиваемое народом, этим же наследием живущим и вскармливаемым, слишком многое объясняет и в высших достижениях секуляризованных форм русской культуры, отмеченных исключительной напряженностью духовных исканий и устремленностью к нравственному идеалу человека. Но ведь и вся русская агиография, насчитывающая сотни житий и еще больше их редакций, характеризуется именно этими чертами» (Топоров, 1995, с. 11).

Но изучение агиографии в русском литературоведении фактически ограничено древнерусским периодом. Очень немного исследований посвящено агиографии XVIII–XIX веков, и практически отсутствуют исследования данного культурного феномена последнего столетия.

Для восполнения этой брешы в изучении истории русской агиографии в БФУ им. И. Канта и был организован ежегодный и на сегодняшний день пока единственный в России научный семинар «Агиография в русском культурном пространстве», поставивший задачу комплексного исследования феномена агиографии. Семинар является

международным, объединяет исследователей не только словесности, но и разных гуманитарных дисциплин, что придает ему междисциплинарный характер. Основные аспекты изучения — филологический, исторический, культурологический, богословский, искусствоведческий и педагогический.

Ставятся задачи разработки теории и методологии исследования житийных текстов применительно к разным периодам развития от Средневековья до сегодняшних дней. Основные темы работы семинара являются постоянными, при этом подвижными и открытыми: теория и история изучения агиографии; агиография и словесность XVIII—XXI веков; агиография и агиология: богословские аспекты изучения житийных текстов; агиография и изобразительное искусство; агиография в социокультурном пространстве и т. д.

Надо отметить также расширение проблемного поля семинара благодаря включению исследований западноевропейской литературы, что, безусловно, углубляет взгляд на природу агиографии, ее специфику, определяемую конфессиональной принадлежностью, и это весьма продуктивный путь изучения генезиса и религиозного контекста житийного жанра.

При устойчивости общей тематики в программе каждого семинара делается акцент на какой-либо теме, обусловленной важными датами или специально поставленными целями. Так, в 2017 году в свете подведения итогов столетия (1917—2017) особое внимание было уделено проблеме изучения современной агиографии и иконографии о российских новомучениках и исповедниках в контексте русской истории XX века (Дорофеева, 2018, с. 103—108). В 2018 году знаковым событием стало 1030-летие Крещения Руси, чему и был посвящен семинар.

Организаторами Третьего Международного семинара «Агиография в русском культурном пространстве» совместно с БФУ им. И. Канта стали Администрация городского округа «Город Калининград», Калининградская епархия РПЦ, при участии Томского педагогического государственного университета и Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

На открытии прозвучали приветственные слова *Т. В. Цвигун*, директора Института гуманитарных наук БФУ им. И. Канта, *Л. И. Юлдасовой*, заместителя начальника управления общего образования Комитета по образованию Администрации городского округа «Город Калининград» и *протоиерея Сергея Коротких*, руководителя Отдела религиозного образования Калининградской епархии РПЦ, в которых утверждалась мысль о важности научного изучения агиографии и необходимости транспонирования этих знаний в общество.

Отмечаемая дата 1030-летия Крещения Руси обусловила тематику ряда пленарных докладов, центром притяжения которых стали князь Владимир и Крещение Руси.

Открыл пленарное заседание доклад *Александра Николаевича Ужанкова*, доктора филологических наук, профессора, проректора по научной деятельности Московского государственного института культуры, действительного члена (академика) Академии российской словесности «Крещение Руси как цивилизационный выбор России». Отмечая, что цивилизация — это история народа, его вера и культура, А. Н. Ужанков

разворачивал мысль о важном качестве русской цивилизации, избравшей восточное христианство с его установкой на мир духовный. Опираясь на тексты древнерусской книжности, ученый отметил зафиксированную в них принципиальную связь понятия «русский» и «православный», подчеркнув отсутствие здесь привязанности к понятию национальности. В целом этот доклад утверждал идею рождения русского православия и утверждения его как третьей христианской цивилизации, что стало возможным благодаря Крещению Руси князем Владимиром.

Наталья Петровна Видмарович, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языка Отделения восточнославянских языков и литератур Загребского университета (Хорватия) в докладе «Образ князя Владимира в отечественных и зарубежных источниках» также подчеркнула, что выбор князя в пользу восточного христианства — православия — и крещение страны определили весь дальнейший ход цивилизационного развития Руси. В центре внимания Н.П. Видмарович был вопрос оценки современниками князя его личности и деятельности, отразившейся в достаточно разнообразных отечественных и зарубежных источниках. Поскольку обращение к православию произошло непосредственно накануне крещения всей страны, то преобразование князя из жестокого и сластолюбивого язычника в милосердного христианина не могло не обратить на себя внимание его современников. В докладе отмечается, что оценки зарубежных авторов в этом отношении весьма неоднозначны: автор известной в Средневековье Хроники Титмар Мерзебургский, признавая заслуги Владимира, сдержан в отношении искренности перемены Владимира Крестителя, тем самым ставя под сомнение и преобразующую силу крещения. Напротив, его родственник и миссионер Бруно Кверфуртский описывает князя Владимира с симпатией и в достаточно теплых тонах. В докладе также было отмечено, что в современной зарубежной, да и отечественной историографии выбор князем православия связывают прежде всего с его политической ориентацией на Византию. При этом в стороне остается вопрос о его глубокой внутренней перемене, на которой в первую очередь фокусируются два самых значительных отечественных произведения XI века — «Повесть временных лет» и «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона.

Интересным и даже неожиданным стал подход к теме Крещения Руси в докладе «Тысяча и тридцать лет Святой Руси: о русской святости через призму статистики» *Михаила Викторовича Первушина*, кандидата филологических наук, старшего научного сотрудника ИМЛИ РАН, кандидата богословия, доцента Московской духовной академии. Можно говорить о том, что докладчик совершил своего рода открытие, опровергая известное мнение знаменитого русского историка, философа и религиозного мыслителя Г.П. Федотова «о некоторой исчерпанности духовных сил» после XVI века, которая хорошо просматривается по такому явлению церковной жизни (ее сердцу, по словам Г.П. Федотова), как святость: «Святая наша история завершается к концу XVI столетия» (Федотов, 1990, с. 196). В качестве доказательства Г.П. Федотов предложил использовать статистический критерий и указал на очень малое количество канонизаций. М.В. Первушин и обратился к стати-

стическому методу исследования, сравнив списки святых, канонизованных в XVIII, XIX и XX веках, с данными за XI—XVII столетия. В результате исследователь обнаружил большое количество прославленных святых уже после XVI века, внесенных в святцы, и пришел к выводу, что живая святость не только не покинула Святую Русь, как утверждал Г.П. Федотов, но росла чуть ли не в геометрической прогрессии, что отражено в цифрах: до синодального периода (который фактически начался в 1721 году) в Русской церкви были канонизированы (общецерковно, местно-епархиально и местно-храмово) 1092 подвижника благочестия. В «долгом синодальном веке» указами Святейшего синода в святцы Русской церкви были так или иначе внесены около тысячи имен святых (Первушин, 2018, с. 7). При этом М.В. Первушин заметил, что список канонизированных святых не исчерпывает и не может исчерпать русской святости.

Доклад *Анастасии Николаевны Кошечко*, доктора филологических наук, профессора историко-филологического факультета Томского государственного педагогического университета «Осмысление подвига новомучеников и исповедников российских в современном образовательном пространстве: к вопросу об образцах и воспитательном идеале» носил педагогический аспект, был обращен к теме освоения современной агиографии в сегодняшней школе и обозначил актуальные проблемы ее изучения и восприятия школьниками.

Валерий Владимирович Лепехин, доктор филологических наук, профессор Сегедского университета (Венгрия), провел презентацию под общим названием «Икона в художественном творчестве», во время которой представил авторские издания последних лет, опубликованные под псевдонимом Василий Костерин.

Программа первого дня включала открытую лекцию А.Н. Ужанкова «Летописи Древней Руси: загадки и открытия» для студентов 1-го курса бакалавриата и секционные заседания, состоявшиеся в Институте гуманитарных наук БФУ им. И. Канта. Тематика пяти секций отразила основные направления работы семинара.

Секция первая — «Агиография и словесность XVIII—XXI вв.» — была посвящена литературоведческим аспектам изучения агиографической традиции и охватила литературные произведения от древнерусских до современных авторов. Первым прозвучал посвященный теме Крещения Руси доклад *Людмилы Григорьевны Дорофеевой* «Образ князя Владимира в ранних памятниках древнерусской книжности («Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона и «Память и похвала князю русскому Владимиру»)», в котором проводился сопоставительный анализ двух памятников древнерусской книжности и выявлялся их агиографический контекст, присутствие которого обусловлено целью изображения идеального князя и фактически утверждения его святости.

К образу святого князя Владимира в творчестве К.Ф. Рыльева обратилась *Наталья Павловна Жилина*, доктор филологических наук, профессор Института гуманитарных наук БФУ им. И. Канта. В докладе «Идея спасения в думе К.Ф. Рыльева "Владимир Святой"» она предложила новую и неожиданную интерпретацию думы Рыльева, анализируя ее художественную структуру. Было отмечено, что сюжет думы в целом ряде важных деталей отстает от исторического источника, а на

первый план выдвигается оппозиция «христианство — язычество», в которой реализуется антитеза истинных и ложных ценностей. Мотив совести, занимающий в сюжете важнейшее место, напрямую связывает идейную систему с христианской антропологией, что приводит к трансформации устойчивой в романтизме мотивации отчуждения главного героя от мира. Это позволило докладчице сделать вывод об идее спасения как центральной и сюжетообразующей в произведении.

Доклад *Владимира Хамитовича Гильманова*, доктора филологических наук, профессора Института гуманитарных наук БФУ им. И. Канта «Святитель Филарет Дроздов и Пушкин» показал присутствующим то влияние, которое оказывал святитель Филарет на Пушкина в контексте поэтической переписки и не только. В докладе упоминалось и то, какое огромное впечатление на Пушкина оказала речь Филарета о «нравственных причинах успехов русских в войне 1812 года».

Обращает внимание также и особый интерес докладчиков к современному писателю Е. Водолазину и его роману «Лавр», которому были посвящены два доклада — *Татьяны Кананович*, кандидата филологических наук, адъюнкта Института русской филологии и востоковедения Гданьского университета (Польша) «Православная культура в романе Е. Водолазкина "Лавр": рецепция в Польше и перевод на польский язык» и *Анны Владимировны Харитоновой*, аспиранта Института гуманитарных наук БФУ им. И. Канта «Образ смиренного героя в романе Е. Водолазкина "Лавр": типологический аспект».

В этой секции был представлен и региональный литературный материал в докладе *Владимира Олеговича Рожина*, аспиранта Института гуманитарных наук БФУ им. И. Канта «"Обращение" Павла Ромеро в романе С. А. Снегова "Люди как боги": агиографические аллюзии».

Вторая секция — «Агиографический контекст западноевропейской литературы» — была обращена к широкому спектру произведений и имен: от Античности к современности. Интересные наблюдения над жанровой природой произведения Плутарха «Сравнительные жизнеописания» провел в своем докладе *Владимир Владимирович Малащенко*, кандидат филологических наук, доцент Института гуманитарных наук БФУ им. И. Канта, обнаруживший в этом произведении черты агиографического жанра. Немецкое Средневековье в лице К. Вюрцбургского и его произведение «Пантолеон» стало предметом рассуждений *Анжелики Игоревны Васкиевич*, кандидата филологических наук, доцента Института гуманитарных наук БФУ им. И. Канта в докладе «"Пантолеон" К. Вюрцбургского: средневековое немецкое стихотворное житие святого Пантелеймона».

В докладе *Светланы Юрьевны Афанасьевой*, педагога-русиста и заместителя директора МАОУ СОШ №38 «Проблема святости в творчестве Сельмы Лагерлёф» основной акцент был сделан на духовном потенциале прозы этой писательницы, на имеющемся там агиографическом компоненте.

Сопоставительный план избрали *Леонид Алексеевич Мальцев*, доктор филологических наук, профессор Института гуманитарных наук БФУ им. И. Канта и *Екатерина Евгеньевна Рябчикова*, аспирант Института гуманитарных наук БФУ им. И. Канта. В их докладе «Национальная специфика агиографического текста на примере произведений И. Во "Елена"»

и Б. Зайцева "Преподобный Сергей Радонежский"» проводится сравнение национальных образов святых в неожиданных текстах Ивлиной Во «Елена» и Бориса Зайцева «Преподобный Сергей Радонежский». Сходство обнаруживается на уровне ключевой темы — призвания. Образы преподобного Сергея Радонежского и равноапостольной Елены также имеют сходство как в области христианских ценностей, что естественно, так и в принадлежности к «северному» типу святого, выражающемуся в таких качествах, как сдержанность и аскетизм. Анализ художественного пространства, символики двух произведений русской и английской литературы позволил сделать вывод о том, что равноапостольная Елена Ивлиной Во — воплощение определенных черт английского национального характера, западной «рождественской» культуры, святой Сергей Бориса Зайцева — воплощение русскости, восточной «пасхальной» культуры.

Третья секция — «Агиография: лингвокультурологические аспекты» — объединила доклады лингвистов, культурологов, философов. *Лариса Викторовна Коковина*, кандидат филологических наук, доцент Института гуманитарных наук БФУ им. И. Канта обратилась к проблеме модальности в докладе «Специфика выражения модальных значений уверенности — неуверенности в древнерусских житийных текстах (на материале "Жития Авраамия Смоленского")». Проблема этикетной заданности лексики освещалась в докладе кандидата педагогических наук, доцента Института гуманитарных наук БФУ им. И. Канта *Татьяны Федоровны Кузенной*; об особенностях функционирования лексем с корнем *-бог-* в житийных текстах XV — XVII веков говорила *Надежда Владимировна Писарь*, кандидат филологических наук, доцент Института гуманитарных наук БФУ им. И. Канта. Лингвокультурологический аспект был основным в докладе *Александры Климкевич*, кандидата педагогических наук, доцента Института русской филологии и востоковедения Гданьского университета (Польша) «Житийные мотивы в к/ф "Остров" П. Лунгина: использование лингвокультурологического потенциала при обучении русскому языку иностранцев».

Илья Владимирович Парфенников, аспирант Института гуманитарных наук БФУ им. И. Канта, посвятил свой доклад рассмотрению феномена святости в работах Е. В. Спекторского.

Четвертая секция — «Молодежная. Проблемы изучения житийной литературы» — объединила студентов бакалавриата 2—3-го курсов отечественной филологии БФУ им. И. Канта, Гданьского университета, аспирантов Московского педагогического государственного университета, Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Научное руководство работой этой секции осуществляли Татьяна Федоровна Кузенная, доцент БФУ им. И. Канта, и Светлана Юрьевна Дивногорцева, профессор Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Спектр тематики докладов был широким, при этом сосредоточенным на агиографии или агиографической традиции. Интерес и высокую оценку слушателей вызвали доклады *Влады Клепцовой*, студентки 2-го курса Института гуманитарных наук БФУ им. И. Канта («Воин и воинство в "Сказании о Борисе и Глебе": герменевтический анализ»), *Александры Рингите*, студентки 2-го курса Института гуманитарных наук БФУ им. И. Канта («Семантическое разнообразие редакций

"Жития преподобного Авраамия Ростовского"), *Марии Казаковой*, студентки 3-го курса Института гуманитарных наук БФУ им. И. Канта («Ассоциативные планы выражения понятия *вера* в русском языковом сознании»), *Маргариты Столяр*, студентки 3-го курса Института гуманитарных наук БФУ им. И. Канта («Особенности функционирования фразеологизмов с компонентами *дух* – *душа*: диахронический аспект»).

Новым и глубоким был материал, представленный в докладах *Ксении Машаровой*, аспирантки Института «Высшая школа образования» Московского педагогического государственного университета («Митрополит Антоний Сурожский: процесс духовного становления и роль культурно-образовательной среды русского зарубежья первой трети XX века») и *Алены Чичериной*, аспирантки Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета («Образ отечественного дореволюционного законоучителя на примере жизнеописания священномученика Фаддея (Успенского)»). Гости из Польши – *Марта Раселевска* и *Давид Трыбаньски*, члены студенческого научного кружка «Аорист» Института русской филологии и востоковедения Гданьского университета, порадовали интересными мыслями об агиографическом каноне в романе Е. Водолазкина «Лавр».

Секция пятая – «Агиография и иконография», проходившая в конференц-зале храма Св. Александра Невского, стала традиционной в рамках данного семинара, хотя каждый год ее название варьируется. Эта секция не первый год собирает приблизительно один и тот же состав участников – как докладчиков, так и слушателей. Фактически сложилась группа специалистов в области иконописи, иконографии, ее теории и практики.

Открыл работу этой секции *Владимир Владимирович Лепяхин*, профессор Сегедского университета, известный специалист в области иконы и словесности, автор целого ряда научных монографий по данной проблематике. Его доклад «Житийные иконы юродивых» был сосредоточен на анализе иконографии святого блаженного Прокопия Устюжского, была показана связь подвига святого с особой эстетикой иконы, ее символикой.

Наталья Владимировна Шамардина, доктор искусствоведения, профессор БФУ им. И. Канта, рассказала об иконографии святой Иулиании Сольвычегодской, праведной девы, вошедшей в собор Вологодских святых. Обращение к особенностям культа этой святой помогло выявить и особенности иконографии, что и стало главным предметом ее доклада «О некоторых вопросах культа и иконографии святой Иулиании Сольвычегодской».

Очень интересный и важный материал по иконописи в Калининградской области представила в своем докладе *Инна Валерьевна Аполонская*, соискатель кафедры русского искусства Санкт-Петербургского государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина, руководитель музея церковного искусства «Ковчег» Православной гимназии г. Калининграда. Ее доклад «Образы новопрославленных святых в стенописи Калининградских храмов» вызвал у слушателей большой интерес и живую дискуссию.

Завершился этот многотрудный день работы семинара *публичным лекторием «Святость и святые XX века. Балтийский регион»*, который

проводился в конференц-зале храма Св. Александра Невского с участием представителей Калининградской епархии, слушателей разных сфер деятельности, преимущественно педагогов, студентов и др. Лекторий был поделен на две части, логично связанные между собой. В первой части прозвучали два доклада. Доклад *Елены Григорьевны Балашиовой*, сотрудника Синодального отдела религиозного образования и катехизации «"Недописанные жития": новые сведения о святых и подвижниках благочестия XX века» был посвящен открытию новых имен святых XX века, обзору архивного материала о них.

Доклад *Ларисы Арнольдовны Юревичиене*, члена рабочей группы по сбору историко-архивных материалов при Комиссии по канонизации святых и изучению истории Тихвинской епархии «К прославлению блаженной петербургской старицы Матроны Босоножки. Презентация книги "Жизнеописание блаженной петербургской старицы Матроны Босоножки"» содержал очень интересный материал по процессу собирания свидетельств святости человека, открыл подходы и принципы подготовки материалов к его канонизации. Матронушка Босоножка была известна в Санкт-Петербурге в конце XIX — начале XX века как блаженная и уже тогда почиталась многими людьми.

Вторая часть лектория — «*Подвиг пастыря XX в.: протоиерей Понтий Рупышев и Михновская православная община*» — была обращена к Балтийскому региону, к истории православной святости в Литве. Прозвучали доклады *Людмилы Григорьевны Дорофеевой* «Образ Батюшки в «Жизнеописании протоиерея Понтия Рупышева»: подвиг веры, благочестия и праведничества», *протоиерея Ильи Шапиро*, настоятеля храма Живоначальной Троицы в с. Горетово Можайского р-на Московской области «Служитель Слова. Протоиерей Понтий Рупышев как толкователь посланий апостольских» и *М. В. Первушина* «Протоиерей Понтий Рупышев: богословие любви». Все три доклада этой части были посвящены осмыслению подвижнической жизни протоиерея Понтия Рупышева на материалах жизнеописания, составленного В. Н. Корецкой, и его богословского наследия.

Семинар традиционно проводился Институтом гуманитарных наук совместно с Институтом образования БФУ им. И. Канта, и педагогической части был посвящен весь второй день его работы.

Список литературы

Дорофеева Л. Г. II Международный научный семинар «Агиография в русском культурном пространстве» // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9, №1. С. 103–108.

Первушин М. В. Тысяча и тридцать лет Святой Руси: о русской святости через призму статистики // Благовестник. Издание Клайпедского благочиния Православной Церкви в Литве. 2018. №11. С. 5–8.

Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре : в 2 т. М., 1995. Т. 1 : Начало христианства на Руси.

Федотов Г. П. Святые Древней Руси / предисл. Д. С. Лихачёва, А. Меня ; коммент. С. С. Бычкова. М., 1990.

Об авторе

Людмила Григорьевна Дорофеева, доктор филологических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: lgdorofeeva@mail.ru

Для цитирования:

Третий Международный научный семинар «Агиография в русском культурном пространстве. К 1030-летию Крещения Руси (БФУ им. И. Канта, 9–10 октября 2018 г.) (Л. Г. Дорофеева) // Слово.ру: балтийский акцент. 2019. Т. 10, №2. С. 104–113. doi: 10.5922/2225-5346-2019-2-8.

«HAGIOGRAPHY IN THE RUSSIAN CULTURAL SPACE.
FOR THE 1030TH ANNIVERSARY OF THE BAPTISM OF RUSSIA»
THIRD INTERNATIONAL RESEARCH SEMINAR
(IKBFU, October 9–10, 2018)

L. G. Dorofeeva¹

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236016, Russia
Submitted on December 30, 2018
doi: 10.5922/2225-5346-2019-2-8

References

Dorofeeva, L.G., 2018. The II International Scientific Seminar “Hagiography in the Russian Cultural Space”. *Slovo. ru: The Baltic accent*, 9(1), pp. 103–108 (in Russ.).

Pervushin, M.V., 2018. Thousand and Thirty Years of Holy Russia: On Russian Holiness through the Prism of Statistics. *Blagovestnik. Izdanie Klaipedskego blagochiniya Pravoslavnoi Tserkoi v Litve* [Blagovestnik. Publication of Klaipeda Prosperity of the Orthodox Church in Lithuania], 11, pp. 5–8 (in Russ.).

Toporov, V.N., 1995. *Svyatost' i svyatye v russkoi dukhovnoi kul'ture: v 2 t.* [Holiness and Saints in Russian Spiritual Culture: in 2 volumes]. Vol. 1. Moscow: Shkola: «Yazyki russkoi kul'tury» (in Russ.).

Fedotov, G.P., 1990. *Svyatye Drevnei Rusi* [Saints of Ancient Russia]. Moscow: Mosk. rabochii (in Russ.).

The author

Prof. Lyudmila G. Dorofeeva, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: lgdorofeeva@mail.ru

To cite this article:

«Hagiography in the Russian Cultural Space. For the 1030th anniversary of the Baptism of Russia» third international research seminar (IKBFU, October 9–10, 2018) (L.G. Dorofeeva), 2019, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 10, no. 2, p. 104–113. doi: 10.5922/2225-5346-2019-2-8.

ТРЕБОВАНИЯ К ПОДГОТОВКЕ СТАТЕЙ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «СЛОВО.РУ: БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ»

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично без согласия редакции.

3. Рекомендованный объем статьи – до 1,5 п.л.; научного сообщения – до 0,5 п.л. (включая заглавие, аннотацию, ключевые слова, список литературы на русском и английском языках).

4. Все присланные в редакцию рукописи проходят двойное «слепое» рецензирование, а также проверку по системе «Антиплагиат», по результатам чего принимается решение о возможности включения статьи в журнал. Уровень оригинальности авторских материалов по данным системы «Антиплагиат» должен составлять не менее 80 % (с учетом оформленного цитирования и самцитирования).

5. Плата за публикацию рукописей не взимается.

6. Для рассмотрения редакционной коллегией статья может быть отправлена по электронной почте главному редактору либо ответственному редактору журнала. Также статья может быть подана на рассмотрение через электронную форму на сайте Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта: <http://journals.kantiana.ru/>

7. Решение о публикации (доработке, отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

- индекс УДК, который должен достаточно подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: <http://www.naukapro.ru/metod.htm>);

- название статьи строчными буквами на русском и английском языках;
- аннотацию на русском и summary на английском языке (200–250 слов); аннотация располагается перед ключевыми словами после заглавия, summary – после статьи перед references;

- ключевые слова на русском и английском языках (4–10 слов); располагаются перед текстом после аннотации;

- список литературы, оформленный в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5.-2008, и references на латинице (Harvard System of Referencing Guide);

- сведения об авторе(-ах) на русском и английском языках (Ф. И. О. полностью, ученая степень, звание, должность, место работы, e-mail, контактный телефон, почтовый адрес места работы).

2. Оформление списка литературы.

- Список литературы, оформленный в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5.-2008, приводится в конце статьи в алфавитном порядке без нумерации. Сначала перечисляются источники на русском языке, затем – на иностранных языках.

Если в списке литературы есть несколько публикаций одного автора одного года издания, то рядом с годом издания каждого источника ставятся буквы *a*, *b* и др. Например:

Брюшинкин В. Н. Взаимодействие формальной и трансцендентальной логики // Кантовский сборник. 2006. №26. С. 148–167.

Кант И. Прелегомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука // Сочинения : в 8 т. М., 1994а. Т. 4.

Кант И. Метафизические начала естествознания // Сочинения : в 8 т. М., 1994б. Т. 4.

Howell R. Kant's Transcendental Deduction: An Analysis of Main Themes in His Critical Philosophy. Dordrecht ; Boston ; L., 1992.

• Источники, опубликованные в интернет-изданиях или размещенные на интернет-ресурсах, должны содержать точный электронный адрес и обязательно дату обращения к источнику (в круглых скобках) по образцу:

Walton D. A. Reply to R. Kimball. URL: www.dougwalton.ca/papers%20in%20pdf/07ThreatKIMB.pdf (дата обращения: 09.11.2009).

3. Оформление references.

В английский блок статьи необходимо добавить список литературы на латинице (references), оформленный по требованиям *Harvard System of Referencing Guide*: сначала дается автор, затем год издания. В отличие от списка литературы, где авторы выделяются курсивом, в references курсивом выделяется название книги (журнала). В квадратных скобках дается перевод на английский язык названия указанного источника, если он издан не на латинице. Например:

Книга на кириллице: Borisov, K. G. 1988, *Mehanizm pravovogo regulirovanija processa internacionalizacii mnogostoronnih nauchno-tehnicheskikh sojazej v sovremennoj vseobshhej sisteme gosudarstvo* [The mechanism of legal regulation of the internationalization process of multilateral scientific and technical relations in the modern system of universal], Moscow, 363 p.

Книга на латинице: Keohane, R. 2002, *Power and Interdependence in a Partially Globalized World*, New York, Routledge.

Журнальная статья на кириллице: Dezhina, I. G. 2010, Menjajushhiesja priority mezhdunarodnogo nauchno-tehnologicheskogo sotrudnichestva Rossii [Changing priorities of international scientific and technological cooperation between Russia], *Ekonomicheskaja politika* [Economic policy], no. 5, pp. 143–155, available at: www.iep.ru/files/text/policy/2010_5/dezgina.pdf (accessed 08 April 2013).

Журнальная статья на латинице: Johanson, J., Vahlne, J.-E. 2003, Business Relationship Learning and Commitment in the Internationalization Process, *Journal of International Entrepreneurship*, no. 1, pp. 83–101.

Более подробно с правилами составления references можно ознакомиться на сайте: libweb.anglia.ac.uk/referencing/harvard.htm

4. Оформление ссылок на литературу в тексте.

• Ссылки на литературу в тексте даются в круглых скобках: автор или название источника из списка литературы и через запятую год и (для цитаты) номер страницы: (Кант, 1994а, с. 197) или (Howell, 1992, p. 297).

• Ссылка на многотомное издание: автор или название источника из списка литературы, затем через запятую год, номер тома и номер страницы: (Шопенгауэр, 2001, т. 3, с. 22).

5. Предоставленные для публикации материалы, не отвечающие вышеизложенным требованиям, в печать не принимаются, не редактируются и не рецензируются.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены *в электронной форме* в формате А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная информация о правилах оформления текста, в том числе таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы, размещена на сайте Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта: <https://journals.kantiana.ru/journals/slovoru/pravila-oformleniya/>

Порядок рецензирования рукописей

1. Все рукописи, поступившие в редколлегию, проходят двойное «слепое» рецензирование.

2. Главный редактор журнала определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет ее на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию.

3. Сроки рецензирования определяются с учетом создания условий для максимально оперативной публикации статьи.

4. В рецензии устанавливается:

а) соответствует ли содержание статьи заявленной в названии теме;

б) насколько статья соответствует современным достижениям научно-теоретической мысли в данной области;

в) доступна ли статья читателям, на которых она рассчитана, с точки зрения языка, стиля, расположения материала, наглядности таблиц, диаграмм, рисунков и формул;

г) целесообразна ли публикация статьи с учетом имеющейся по данному вопросу литературы;

д) в чем конкретно заключаются положительные стороны, а также недостатки статьи, какие исправления и дополнения должны быть внесены автором;

е) рекомендуется (с учетом исправления отмеченных рецензентом недостатков) или не рекомендуется статья к публикации в журнале.

5. Текст рецензии направляется автору по электронной почте.

6. Если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению и доработке статьи, главный редактор журнала направляет автору текст рецензии с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументированно (частично или полностью) их опровергнуть. Доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование.

7. Статья, не рекомендованная к публикации хотя бы одним из рецензентов, к повторному рассмотрению не принимается. Текст отрицательной рецензии направляется автору по электронной почте, факсом или обычной почтой.

8. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редколлегией.

9. После принятия редколлегией решения о допуске статьи к публикации ответственный редактор информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

10. Оригиналы рецензий хранятся в редакции журнала в течение пяти лет.

SLOVO.RU: THE BALTIC ACCENT JOURNAL

Guide for authors

1. The journal welcomes relevant and novel contributions. Articles submitted should include problem formulation, results, and conclusions and comply with the guide requirements.

2. Submitted materials should be original and not published elsewhere. Upon submitting an article to the journal, the author undertakes not to publish the article elsewhere, in whole or in part, without consent from the editorial board of the journal.

3. The recommended length of an article is 40,000 characters and that of a report is 20,000 characters with spaces, abstracts, keywords, and references in Russian and English.

4. All submitted contributions are subject to double-blind peer review and plagiarism scanning. The acceptable similarity index is below 20%.

5. There is no charge for publication.

6. To be considered by the editorial board, contributions are submitted via e-mail to the editor-in-chief or the publishing editor. Alternatively, authors can use the submission form on the IKBFU Journals website at <http://journals.kantiana.ru/>

7. The decision on the acceptance, improvement, or rejection of articles is made by the editorial board, following peer review and discussion.

Article structure and style

1. Contributions should include:

- a Universal Decimal Classification index (UDC) most relevant to the topic of the article;
- the title of the article in English and Russian, all lowercase;
- abstracts in English and Russian (200–250 words); the abstract in Russian is placed after the title and before the keywords; the summary in English is placed after the body of the article and before the references;
- keywords in Russian and English (4–10 words); keywords are placed before the body of the article after the abstract;
- references in Russian prepared according to GOST R 7.0.5.-2008 and Harvard-style references in the Latin script;
- a brief autobiographical note in Russian and English, including the full name(s), academic title(s), affiliation(s), e-mail address(es), phone number(s), and work address(es) of the author(s).

2. References.

• References prepared according to GOST R 7.0.5.-2008 are given at the end of the article in alphabetical order, unnumbered. Sources in Russian are listed first, followed by those in foreign languages. If works that have the same author and were written in the same year are cited, a lowercase letter (*a*, *b*, etc.) should be used after the date to differentiate between the works. For example:

Брюшинкин В.Н. Взаимодействие формальной и трансцендентальной логики // Кантовский сборник. 2006. №26. С. 148–167.

Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука // Сочинения : в 8 т. М., 1994а. Т. 4.

Kant I. Метафизические начала естествознания // Сочинения : в 8 т. М., 1994б. Т. 4.

Howell R. Kant's Transcendental Deduction: An Analysis of Main Themes in His Critical Philosophy. Dordrecht; Boston; L., 1992.

• If an online source is cited, the reference should include the exact URL for the article and the date of accession, parenthesised. For example:

Walton D. A. Reply to R. Kimball. URL: www.dougwalton.ca/papers%20in%20pdf/07ThreatKIMB.pdf (accessed 09.11.2009).

3. References in the Latin script.

The English-language part of the article should contain Harvard-style references in the Latin script: name of the author(s) followed by the year of publication. The title of the book (journal) should be italicised. If a work has not been published in a language using the Latin script, an English translation of the title should be provided in brackets. For example:

Cyrillic-script book: Borisov, K. G. 1988, *Mehanizm pravovogo regulirovanija processa internacionalizacii mnogostoronnih nauchno-tehnicheskikh sojazej v sovremennoj vseobshnej sisteme gosudarstv* [The mechanism of legal regulation of the internationalization process of multilateral scientific and technical relations in the modern universal system of states], Moscow.

Latin-script book: Keohane, R. 2002, *Power and Interdependence in a Partially Globalized World*, New York, Routledge.

Cyrillic-script article: Dezhina, I. G. 2010, Menjajushhiesja prioritety mezhdunarodnogo nauchno-tehnologicheskogo sotrudnichestva Rossii [Changing priorities of Russia's international scientific and technological cooperation], *Ekonomicheskaja politika* [Economic policy], no. 5, pp. 143–155, available from: www.iep.ru/files/text/policy/2010_5/dezgina.pdf (accessed 08 April 2013).

Latin-script article: Johanson, J., Vahlne, J.-E. 2003, Business Relationship Learning and Commitment in the Internationalization Process, *Journal of International Entrepreneurship*, no. 1, pp. 83–101.

For more details on Harvard-style referencing, see libweb.anglia.ac.uk/referencing/harvard.htm

4. In-text referencing.

• In-text references should be parenthesised and include the name(s) of the author(s), the year of publication, and the page number (for citations), separated by commas. For example: (Howell, 1992, p. 297).

• References to multi-volume works: the name(s) of the author(s), the year of publication, the volume number, and the page number, separated by commas (Schopenhauer, 2001, 3, 22).

5. A failure to meet the above requirements may result in the rejection of a manuscript.

Formatting

Manuscripts should be submitted in an electronic format as an a4-size document (210 × 297 mm).

Contributions are accepted in the *doc* and *docx* formats only (Microsoft Office).

For more details on the text, table, and figure formatting and referencing, see the IKBFU Journals website at

<https://journals.kantiana.ru/journals/slovoru/pravila-oformleniya/>

Peer review process

1. All submitted contributions are subject to double-blind peer review.
2. The editor-in-chief establishes whether submitted works fit the scope and comply with the standards of the journal and submits them for review to an expert with relevant qualifications, holding a doctoral or postdoctoral degree.
3. The review period is such as to ensure prompt publication of accepted articles.
4. The review establishes:
  - a) whether the content of the article corresponds to its title;
  - b) whether the contribution is in line with the latest findings in the field;
  - c) whether the language, style, and layout of the text, tables, diagrams, figures, and formulae make the work clear to readers;
  - d) whether the article contains original research;
  - e) what the strengths and weaknesses of the article are and what improvements should be made;
  - f) whether the manuscript is suitable for publication in the journal.
5. The review is sent to the author via e-mail.
6. If a reviewer recommends reworking the article, these recommendations are sent to the author with suggestions for revision. The author(s) has(ve) the right to defend his/her(their) position. A revised article is resubmitted for review.
7. An article that has been rejected by at least one reviewer cannot be resubmitted. The text of a negative review is sent to the author via e-mail, fax, or regular mail.
8. A positive review is a necessary but not sufficient condition for publication. A final decision is made by the editorial board.
9. If a positive decision is made, the publishing editor notifies the author(s) and inform him/her(them) of the publication date.
10. The editorial board keeps reviews for five years.

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ

SLOVO.RU:
BALTIC ACCENT

2019

Том 10
Vol. 10
№ 2

Редактор *Е. Т. Иванова*. Корректор *Е. А. Алексеева*
Компьютерная верстка *Г. И. Винокуровой*

Copy-edited by *E. T. Ivanova, E. A. Alekseeva*
Layout by *G. I. Vinokurova*

Подписано в печать 19.04.2019 г.
Формат 70×108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 10,5
Тираж 120 экз. (1-й завод – 80 экз.). Заказ 87

Signed 19.04.2019
Page format 70×108 ¹/₁₆. Reference printed sheets 10,5
Edition 120 copies (first print: 80 copies). Order 87

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236022, г. Калининград, ул. Гайдара, 6

Immanuel Kant Baltic Federal University Press
6 Gaidara st., Kaliningrad, 236022, Russia